

Е.Л. НЕМИРОВСКИЙ + ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ РУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Е.Л. НЕМИРОВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ РУССКОГО КНИГО- ПЕЧАТАНИЯ

Е.Л. НЕМИРОВСКИЙ

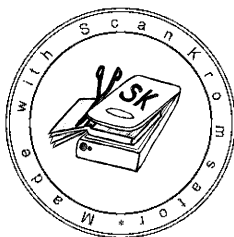
ПУТЕШЕСТВИЕ
К ИСТОКАМ
РУССКОГО
КНИГО-
ПЕЧАТАНИЯ

+

КНИГА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ

ББК 76.11
Н50

Scan AAW

Немировский Е. Л.

Н50 Путешествие к истокам русского книгопечатания: Кн. для учащихся.—
М.: Просвещение, 1991.— 224 с.: ил.— ISBN 5-09-001069-2

В книге рассказывается о величайшем просветителе прошлого нашей Родины, основателе первой на Руси типографии, издателе книг на родном языке Иване Федорове. Первопечатник — человек неукротимой энергии, огромной душевной щедрости, пламенный патриот своей Родины. Автор проводит читателей увлекательным путем поисков и находок документов, памятников старины, связанных с жизнью и деятельностью великого человека.

Предназначена книга школьникам среднего и старшего возраста. Будет интересна учителям, широкому кругу читателей.

Н $\frac{4306020000-258}{103(03)-91}$ 263—90

ББК 76.11

ISBN 5-09-001069-2

© Немировский Е. Л., 1991

Огромная сила

В стародавние времена, когда я был школьником, я прочитал в одном научно-популярном журнале любопытную статью. Автор ее решил поразмышлять о том, что случилось бы с миром, если бы неожиданно пропало все железо. Ситуация, конечно, немислимая. Но автора это не смущало. Главным для него было показать на конкретных примерах великое значение этого химического элемента для человеческой цивилизации.

Последствия пропажи железа были катастрофические. Разрушились все дома, ибо исчезли все приспособления и детали, скреплявшие их — от массивных железобетонных балок до простых гвоздей и винтов. На железнодорожных насыпях «растворились» рельсы. Опустели проезжие части улиц и площадей, так как не стало автомобилей, троллейбусов, автобусов, трамваев... На Земном шаре начался голод, ибо современное сельское хозяйство в высокой степени механизированно, а машины изготавливаются из металла.

В течение нескольких недель человеческой цивилизации пришел конец.

А теперь подумаем о том, что стало бы с нами, если бы исчезли книги.

На первых порах все осталось бы по-прежнему, никакой катастрофы не произошло. Но это только на первых порах. В дальнейшем мир все-таки рухнул бы. Ибо книги — это хранилище коллективного человеческого опыта, накопленного в течение многих тысячелетий. Закрепленное на бумаге или на каком-либо другом писчем материале слово лежит в основе культуры — в совокупности материальных, духовных, нравственных достижений общества.

«В начале было Слово» — так открывается *Евангелие от Иоанна*, один из разделов *Библии* — самой знаменитой из созданных человечеством книг.

Без книг люди очень скоро бы разучились не только мыслить, но и работать. Закрылись бы школы, театры, остановились фабрики и поезда, опустели полки магазинов... исчезло бы не только железо, но и все другие продукты труда, создаваемые, добываемые, выращиваемые человеком.

Значение книг не ограничивается утилитарной пользой. «Золото, серебро, жемчуг, пурпурные одежды, мраморные здания, картины и другие предметы

могут доставлять только преходящие удовольствия, книги же могут привести нас в истинный восторг: они говорят сами, как живые, они — наши лучшие советники, наши ближние друзья». Так говорил великий итальянский поэт XIV в. Франческо Петрарка.

«Книга — есть жизнь нашего времени», — утверждал русский критик Виссарион Григорьевич Белинский, — в ней все нуждаются — и старые, и молодые, и деловые, и ничего не делающие; дети также».

Осваивая законы бытия, ставя себе на службу все новые и новые достижения талантливого ума, люди активно используют опыт предшествующих поколений. Вне этого прогресс немыслим. Едва научившись говорить, человечество задумалось над тем, как фиксировать, закреплять те навыки и знания, которые повседневно накапливались в общении людей с окружающим их миром.

Так появились письмо, а затем и книга.

«История ума представляет две главные эпохи, — утверждал русский писатель и историк Николай Михайлович Карамзин, — изобретение букв и типографии: все другие были их следствием. Чтение и письмо открывает человеку новый мир — особенно в наше время, при нынешних успехах разума».

Чтение и письмо в нашем представлении неразрывно связаны с книгой! Величайшим из чудес, созданных человеком, называл книгу Максим Горький.

Слова эти подчас кажутся нам поэтическим преувеличением романтически настроенного писателя. Мы привыкли к книге и считаем ее одним из проявлений привычной повседневности. Ну что в ней чудесного? Однако задумаемся. Разве не чудо, что покрытые немудреными значками страницы знакомят нас с сокровенными мыслями лучших умов Вселенной? Разве не чудо, что книга, подобно фантастической машине времени, переносит нас в прошедшие и в грядущие столетия? И разве не чудо, что ограниченное количество букв, слагаясь в слова, способно вызвать у нас радость и боль, возмущение и надежду, негодование и любовь? Книга делает нашими современниками и собеседниками слепого Гомера, до едкости ироничного Мари Франсуа Вольтера, убедительного в своей гениальной простоте Льва Николаевича Толстого...

Мы называем книгу великим изобретением, но сообщить здесь имя изобретателя не можем. Ибо изобретатель — все человечество! Да и точную дату открытия привести нельзя. Книга зарождалась, развивалась, совершенствовалась на протяжении значительной части истории общества. Непрерывный процесс совершенствования продолжается и сегодня, на наших глазах.

Глава первая, **ЗНАКОМЯЩАЯ ЧИТАТЕЛЯ С КНИГОЙ И С ТЕМ, КАК ЕЕ ДЕЛАЛИ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРВОЙ ТИПОГРАФИИ**

Знак и буква

В основе книги лежит цепь условностей, большей частью — случайных. Что такое слова, складывающиеся в фразы — основное наполнение книги? Не более чем условные знаки для обозначения предметов и явлений, вещей и понятий, с которыми мы сталкиваемся в окружающем нас мире. С самими предметами и явлениями слова органически не связаны. Француз говорит «ливр», англичанин — «бук», русский — «книга». Что общего между этими столь различно звучащими словами? А обозначают они одно и то же понятие.

Даже крик петуха народы передают по-разному. Мы с вами слышим «ку-ка-ре-ку», француз — «ко-ко-ри-ко», а англичанин и вообще что-то несообразное — «кок-э-дудль-ду».

Язык возник в процессе труда, когда у людей появилась потребность что-то сказать друг другу. Человек создал язык, но и членораздельная речь в свою очередь формировала человеческое сознание. Процесс этот был длительным: летели столетия, шли тысячелетия. Слово оттачивало мысль, а последняя с неизбежностью становилась высказыванием.

Но сказать что-либо можно лишь человеку, который находится рядом с тобой. Чтобы «беседовать» на расстоянии, было создано письмо. На первых порах отдельные знаки обозначали понятия, слова, затем — слоги и, наконец, звуки. Знаки тоже были условными, их начертание — более или менее случайным.

Слово не более чем символ понятия, его знак. Условные слова передаются условными же знаками — буквами. Графически одинаковые знаки в разных языках передают разные звуки. Более того, и в одном языке произношение буквы меняется в зависимости от ее места в слове и сочетания с другими буквами.

Один и тот же язык может пользоваться разными алфавитами. В древности у славян было две системы письма — кириллица и глаголица. Знаки их совершенно не похожи. Например, буква «аз» в кириллице и глаголице пишется по-разному. Различные знаки передают сходные звуки и складываются в одинаково звучащие слова.

Со временем человек установил, что «переписываться» можно не только с современниками, но и с потомками. Для этого нужно было отыскать прочный, удобный и дешевый материал. Очень долго письмо оставалось строго локальным. Мысль, даже записанная, незримыми нитями привязана к месту своего возникновения. Она оставалась там, где ее впервые зафиксировали: на сводах пещеры, на гранитной или мраморной плите, на колоннах храма.

Письмо, а следовательно, и мысль стали подвижными лишь с изобретением писчего материала. Первым таким материалом был папирус, который изготавливали из особого тростника, росшего в Египте в стоячей воде и болотах дельты Нила. Папирус прочен, но ломок, складывать его нельзя. Поэтому книги в древние времена делали не так, как мы сейчас. Листы папируса склеивали края и сворачивали. Так появилась старейшая форма книги — свиток.

Примерно во II в. до н. э. в Малой Азии был изобретен новый писчий материал — пергамен, который делали из кожи овец, телят, козлят. Пергамен очень дорог, но по сравнению с папирусом он обладал многими преимуществами. Писать на нем можно с обеих сторон листа. Краска или чернила легко снимаются с пергамена, и его можно использовать повторно. Но главное преимущество — в том, что этот материал не ломок: его можно как угодно сгибать.

Эта особенность пергамена способствовала возникновению новой формы книги, получившей название кодекс. Чтобы изготовить его, брали четыре листа, сгибали каждый из них пополам и вкладывали друг в друга. Получалась 16-страничная книжечка, которую по-гречески называли «тетрада», что значит «четверка». Отсюда и наше слово «тетрадь». Подбирая тетради одна к другой, составляли книжный блок. Оставалось лишь скрепить тетради между собой, и книга готова.

Важнейшую роль в истории культуры сыграл новый писчий материал — бумага, которая почти столь же прочна и удобна, как пергамен, но в производстве обходится гораздо дешевле. Бумага была изобретена в Китае во II в. н. э. В Европе она появилась примерно в XII столетии.

Конструкция книги

Современная книга практична и удобна. Ее конструкция — результат многовекового развития, плод мысли и труда сотен и тысяч неизвестных нам по имени умельцев.

Основное содержание книги зафиксировано на страницах книжного блока, составленного из отдельных тетрадей. Предохранять блок от превратностей судьбы и времени призваны обложка или переплет.

Переплет возникает одновременно с кодексом, сменившим древний свиток. В средние века переплетные крышки изготавливали из деревянных досок, которые обтягивали кожей или тканью. Кожу, как говорили в те времена, басмили — вытискивали на ней изображения или орнаментальный узор. Позднее крышки стали готовить из плотного пергамена или картона.

Отдельные тетради книжного блока сшивали, прикрепляя их продольными стежками к поперечным шнурам, заложенным в пропиленные на корешке углубления. К нижней и верхней тетрадам блока пришивали согнутые пополам листы чистой бумаги — форзацы. Доски прикрепляли к книжному блоку, пропуская шнуры в предварительно высверленные отверстия. Затем книгу обтя-

гивали кожей и приклеивали к внутренней стороне переплетных крышек наружные листы форзацев. Получалась весьма прочная конструкция, способная служить людям в течение нескольких столетий.

Знакомство с книгой мы начинаем с титульного листа, где размещены основные выходные сведения — данные, характеризующие издание. Здесь указывают инициалы и фамилию автора, название книги, сведения о времени и месте выпуска книги в свет. Здесь же — подзаголовочные и надзаголовочные данные, которые весьма разнообразны. Первые из них могут включать сведения о жанре произведения (роман, повесть, учебное пособие, инструкция), о читательском назначении (для школьников младших классов), о лицах, принимавших участие в подготовке издания (составители, редакторы). А над заголовком указывают название организации, в которой было подготовлено издание, название серий и т. д.

В древней книге не было титульного листа. Его заменял колофон, который помещался в конце и в котором писец или типограф сообщали все те сведения о себе и книге, на которые они хотели обратить внимание читателя.

Колофон — это краткое послесловие. В некоторых древнерусских рукописных книгах и старопечатных изданиях мы найдем большие, весьма распространенные послесловия, которые иногда перерастают в повесть, рассказывающую об обстоятельствах появления издания и о людях, которые принимали участие в его подготовке.

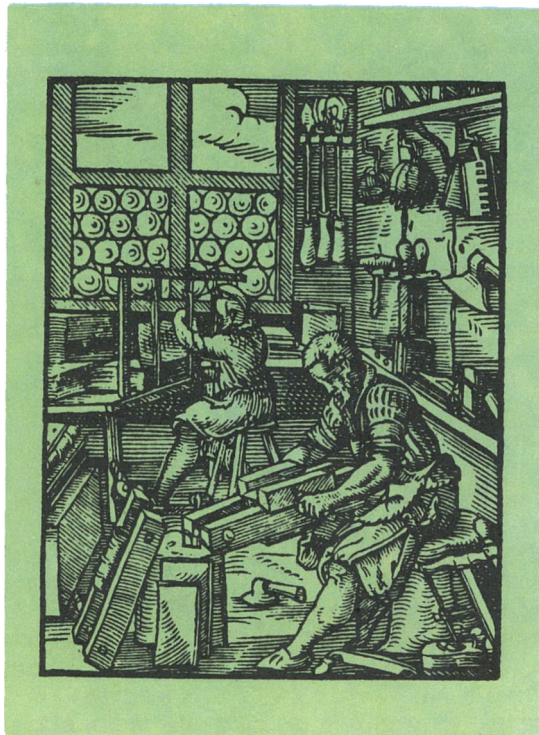
В современной книге может быть несколько титульных листов. Если он занимает две страницы, его называют распашным. При этом напротив основного титула находится контртитул. Мы можем встретить его в многотомных или серийных изданиях. На контртитule помещают сведения, относящиеся ко всему изданию в целом (например: Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Основана в 1933 году М. Горьким), а на основном титуле — сведения, относящиеся к данному тому (например: Прибытков В. Иван Федоров. — Москва: Молодая гвардия, 1964).

Оборотную сторону контртитула называют авантитолом, или фортитолом. Здесь может быть помещена издательская марка — небольшой графически

Пергамен изготавливали из шкур животных.
С гравюры XVI в.

Переплетчик в своей мастерской.
С гравюры XVI в.

точный рисунок, символизирующий издательство, эпиграф — цитата, краткое высказывание, пословица, поясняющие сущность произведения. Здесь же иногда размещают название серии или какие-либо другие выходные сведения.

Своеобразные титулы можно отыскать и внутри книги. В этом случае их называют шмуцтитулами; они предваряют большие самостоятельные разделы произведения — части, книги, тома. На шмуцтитуле помещают порядковый номер раздела и его название.

Напротив титульного листа (в том случае, если контртитул отсутствует), сразу же после него, а иногда и перед важнейшими разделами можно встретить главные иллюстрации — фронтисписы. Иллюстрации эти воспроизводят кульминационный момент произведения или же раскрывают его смысл, идею. Фронтисписом может служить портрет автора книги или ее героя.

В книгах русского первопечатника Ивана Федорова, с которым

мы подробно познакомим читателей, фронтисписы изображали легендарных авторов тех произведений, которые он издавал, — апостола, ученика Иисуса Христа Луку, библейского царя Давида.

Книга обычно имеет достаточно сложную структуру, которая призвана помочь читателю освоить произведение, уяснить цель, поставленную автором. Во всяком произведении есть самостоятельные или подчиненные друг другу отрезки текста: разделы, части, главы, параграфы...

Издатели и книгопечатники выявляют структуру с помощью рубрикации. Так называют совокупность текстовых и графических средств, облегчающих читателю знакомство с книгой и пользование ею. Разделы книги могут быть отделены с помощью шмуцтитулов. Ту же цель преследуют начальные страницы-полосы. Они короче обычных, в верхней их части текста нет. Иван Федоров помещал в начале такой полосы узорное украшение — заставку. В современных книгах начальную страницу открывает так называемый спуск — чистое, не занятое текстом пространство. Полосы эти так и именуют спусковыми.

Начальная полоса раздела может быть и уже обычных. Если же она такая же, как остальные страницы книги, то ее особенность можно подчеркнуть гра-

фически, например, большим инициалом-буквицей, начинающим первую фразу. В изданиях Ивана Федорова очень много таких инициалов.

О завершении раздела читателю сигнализирует концевая полоса, нижняя часть которой может быть свободна от текста. И здесь можно поместить небольшое украшение — концовку.

Рубрикации внутри крупных разделов выявляют чаще всего с помощью различных шрифтов. Чем шрифт крупнее или толще, тем значительнее его графическая весомость. В древних книгах названия воспроизводили узорным письмом — вязью. Буквы здесь нередко переплетены друг с другом, прочесть вязь нелегко даже специалистам. Красивую вязь мы встретим и в книгах Ивана Федорова.

Подчеркнуть рубрикации можно и изменяя положение заголовка на странице. Иногда его как бы «врезают» в текст, помещают в пустом пространстве, напоминающем форточку. Такой заголовок и называют «форточкой». Если заголовки вынесены на поле, их именуют «маргиналиями». Существуют и другие способы графического или шрифтового выделения рубрикации.

В конце или в самом начале книги читатель встречается с оглавлением или с содержанием. Оглавление — это перечень основных рубрик произведения. О содержании же говорят в том случае, если в книге помещено несколько произведений одного или разных авторов. Содержание — это перечень произведений. Содержание, правда, весьма своеобразное, можно отыскать и в книгах Ивана Федорова.

Рубрики оглавления соотнесены с порядковыми номерами страниц — колонцифрами. Вся же система страниц называется пагинацией. У Ивана Федорова и других русских первопечатников нумеруются не страницы, а листы. В этом случае говорят о фолиации.

С колонцифрой на страницах книги иногда соседствует колонтитул. Это название произведения или его раздела, а иногда — фамилия автора. В сборниках колонтитул помогает быстро отыскать нужный текст. В энциклопедиях в колонтитулы выносят название статьи, которой начинается страница (на четных полосах) или заканчивается (на нечетных полосах). А в словарях мы видим здесь начальные буквы слов, открывающих и завершающих страницу (или разворот).

В книгах можно встретить и нумерацию тетрадей — сигнатуру. Ее помещают на нижнем поле первой и третьей страниц тетради. Читателю сигнатура не нужна. Ее цель — помочь изготовлению книги, как рукописной, так и печатной, правильно и последовательно подобрать тетради в книжный блок.

Аппарат книги

Так называется совокупность текстов, которые призваны помочь читателю понять идею произведения, познакомиться с его историей и особенностями, облегчить пользование книгой. Сюда относятся и те элементы, о которых мы уже рассказывали: оглавления и содержания, колонтитулы...

Книги нередко открываются предисловиями или вступительными статьями, а завершаются послесловиями. Эту важную часть аппарата можно найти и в изданиях Ивана Федорова, и еще раньше — в рукописных книгах. Предисло-

вие может написать сам автор. Сегодня его чаще пишет редактор или приглашенный издательством специалист.

«Предисловия пишутся, чтобы облегчить читателю понимание книги»,— говорил Максим Горький. Они знакомят читателя с автором, рассказывают о его творческом пути, раскрывают его политическое лицо. Здесь дается характеристика произведения, рассматривается роль, сыгранная им в истории общества, дается его идеологическая, научная, профессиональная оценка.

Аналогичные цели преследует комментарий, который обычно помещают в конце книги. Текстологический комментарий раскрывает историю создания произведения, сопоставляет различные варианты его — рукописные и печатные. Лингвистический комментарий трактует вопросы языка произведения. А в реально-историческом комментарии читатель найдет сведения об исторических лицах и событиях, упоминаемых в книге, а также разъяснение непонятных ему терминов.

Во времена Ивана Федорова в Западной Европе уже существовали комментированные издания Библии. Первопечатник пользовался ими, редактируя свои книги.

Работу с книгой облегчают всевозможные указатели. Если нужно отыскать сведения о каком-либо человеке, обращаются к указателю имен. Это размещенные в алфавитном порядке фамилии лиц, упоминаемых в произведении или в сборнике произведений. Вслед за фамилиями указаны номера страниц, на которых эти фамилии встречаются. Их можно легко отыскать, пользуясь пагинацией книги.

Предметный указатель помогает обнаружить информацию, относящуюся к какому-либо явлению, событию, предмету. Названия их также размещены в алфавитном порядке. Если же вместо алфавита принят какой-либо смысловой порядок, говорят о предметно-систематическом указателе.

В книгах Ивана Федорова можно найти указатели помещенных в них текстов в соответствии с принятым в церкви порядком их исполнения во время богослужения. Помещает он и своеобразные хронологические таблицы, рассказывающие о жизненном пути и деятельности авторов и героев книг. А однажды первопечатник выпустил отдельной книжкой алфавитно-предметный указатель к ранее опубликованным им произведениям.

Разновидностями предметного указателя являются указатели географических названий, животных, растений, минералов, химических элементов и соединений, организаций и предприятий...

В состав аппарата книги входят также библиографические указатели, списки иллюстраций и таблиц, выпускные данные...

Формат и объем книги

Форматы книг и форматы листов бумаги, на которых книга печатается, в настоящее время зафиксированы государственными стандартами, нарушать которые никому не разрешается. Стандарты эти достаточно гибки, чтобы позволить художнику и типографу выпустить книгу такой, какую они задумали.

Откройте последнюю страницу этой книги, на которой напечатаны выпускные данные. «Формат 70×100 1/16»,— указано здесь. Это значит, что книга

напечатана на листах размером 70×100 см. После печати листы эти сложили, сфальцевали, как говорят полиграфисты, в одну шестнадцатую долю листа. На каждом бумажном листе печатали по 16 страниц будущей книги с одной стороны и по 16 — с другой. Затем лист четыре раза сложили так, что получилась тетрадка, насчитывающая 16 страниц. Именно это и означает число «1/16».

Формат книги при этом получился примерно $17,5 \times 25$ см. Я говорю примерно, ибо книжный блок после фальцовки и шитья обрезают, размеры его при этом уменьшаются.

Типографскую бумагу сейчас изготавливают машинами. Во времена Ивана Федорова это делалось вручную. Размельченную бумажную массу наливали в деревянную рамку-форму, дно которой было затянуто проволочной сеткой. Размеры формы определяли размеры листа. Каждый мастер сам делал для себя такую рамку. Размеры ее были произвольными. Понятия стандартизации тогда не было. И все же со временем мастера бумагоделательного производства остановились на двух типовых размерах, которые, впрочем, точно не соблюдались. Меньший из них был равен 30×50 см, а больший — 50×70 см.

Чаще всего на таких листах печатали по 2 полосы с одной стороны и по 2 полосы — с другой. Затем лист складывали пополам. Чтобы получить 16-страничную тетрадь, 4 сфальцованных листа вкладывали друг в друга. Такой формат в Западной Европе называли «ин фолио», что значит «в полный лист». Отсюда и пошло слово «фолиант», которое обозначает очень большую книгу. У нас же говорили — «в десть».

При формате «ин кварто», или в четвертую долю, на одной стороне листа размещали 4 полосы, а после печати складывали лист в два сгиба.

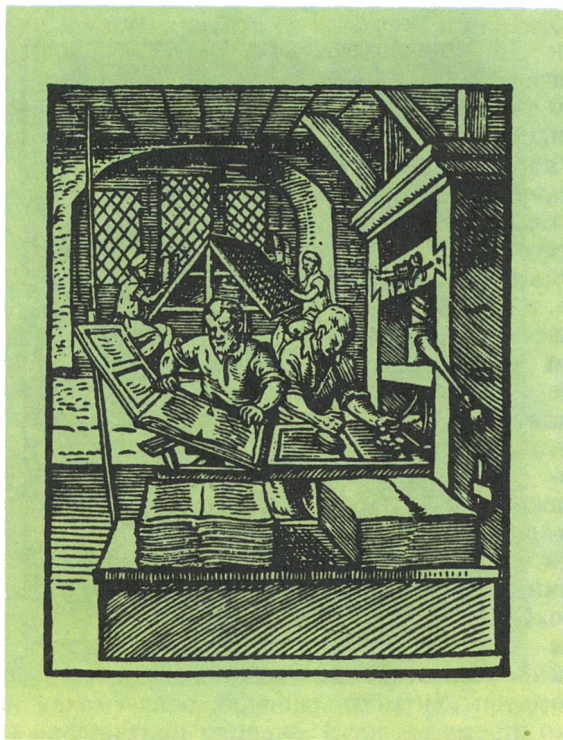
Бытовал также формат «ин октаво» — в восьмую долю листа.

Иван Федоров использовал все эти форматы.

А теперь познакомимся с тем, как определяют объем книги и помещенного в ней произведения. Для этого опять откроем последнюю страницу. Объем книги указан здесь в условных печатных листах. Такой лист равен площади одной стороны бумажного листа формата 60×90 см. Если книга печатается на листах другого формата, чтобы определить объем издания, множат количество листов на переводной коэффициент. Так, например, в листе формата

Так делали бумагу во времена Ивана Федорова. С гравюры XVI в.

В древней типографии. С гравюры XVI в.

84 × 108 см содержится 1,68 листов формата 60 × 90 см.

Объем произведения измеряют в учетно-издательских листах. Каждый такой лист содержит 40 000 знаков. При их подсчете учитывают не только буквы, но и пробелы между словами. 40 000 знаков — это примерно 23—24 страницы, отпечатанные на пишущей машинке через два интервала. Теперь вам понятно, что значат слова «Уч.-изд. л. 18,07» в выпускных данных на последней странице нашей книги.

Есть еще понятие авторский лист. По объему он равен учетно-издательскому — те же 40 тыс. знаков. Но в состав авторского листа не включаются те разделы и элементы книги, которые автору не оплачивают, например, оглавление, издательское предисловие, колонтитулы, многоточие.

В изданиях Ивана Федорова выпускных данных не было. Но мы можем сейчас с достаточной точностью подсчитать их объем.

Первая русская книга

Книги на Руси появились еще до принятия христианства в 988 г.

Эти древние памятники письменности до нас не дошли. Они погибли в годы иноземных нашествий, во время пожаров и наводнений, а иногда — и по причине людского невежества, легкомысленного, если не сказать преступного отношения к драгоценным памятникам старины.

Книгу на Руси издавна любили и почитали. «Велика бывает польза от учения книжного, — говорит летописец, рассказывая о просветительской деятельности киевского князя Ярослава Мудрого. — Мудрость бо обретаем и воздержанье от книжных словес: се бо суть реки напояющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгам бо есть неисчетная глубина...»

«Ум без книг, аки птица спешена, — говорится в древнерусском сборнике «Пчела». — Яко ж она возлетати не может, тако же и ум недомыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное».

Первый известный нам древнерусский писец поп Упырь Лихой работал в Новгороде в 1047 г. Он написал *Книгу пророков*, которая, однако, не сохранилась. В более поздние времена с нее изготовили копию, в которой помянули и древнего мастера.

Фрагменты древнейшей *Саввиной книги*, которую ученые относят к X—XI вв., хранятся в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов.

А сейчас расскажем о самой первой русской книге, в которой есть дата ее изготовления. Это толстый том большого формата, написанный на 294 листах пергамена (называвшегося на Руси «харатья») размером 35×30 см.

На последней странице книги писец называет свое имя: «Аз Григорий диакон написах Евангелие сие». Начал он свой труд 21 октября 1056 г., а закончил 12 мая 1057 г. Книгу он написал по заказу человека, которого звали «в крещении Иосиф, а мирьскы Остромир». Сын Ярослава Мудрого князь Изяслав поручил ему управлять Новгородской землей. По имени первого владельца книга называется *Остромировым Евангелием*.

Древние римляне говорили, что книги, как и люди, имеют свою судьбу. История *Остромирова Евангелия* удивительна и загадочна. Книга недолго оставалась в доме первого хозяина. Во главе новгородского ополчения Остромир отправился в поход «на Чудь» и был убит. Можно предположить, что замечательное создание дьякона Григория попало в новгородский Софийский собор, построенный незадолго перед этим на высоком берегу Волхова. Здесь книга находилась в течение нескольких столетий. Но уже в начале XVIII в. мы встречаем упоминания о ней в описях Воскресенской дворцовой церкви Московского кремля. Хранилась она здесь в «большом сундуке».

Каким образом *Остромирово Евангелие* попало в Москву, сказать трудно. Быть может, книгу вместе с другими драгоценностями и памятниками древнерусской культуры вывез из Новгорода царь Иван Грозный, подозревавший этот город в измене и разгромивший его в 1570 г.

Это не последнее путешествие манускрипта. В ноябре 1720 г. в новой северной столице Российского государства был дан «великого государя указ из государственной штатс-контрколлегии». Петр I приказал «книгу Евангелие, писанное на пергамене, которому 560 лет, отправить в Питер-Бурх». С великими остротностями книгу запаковали и на санях, по первопутку, повезли в столицу.

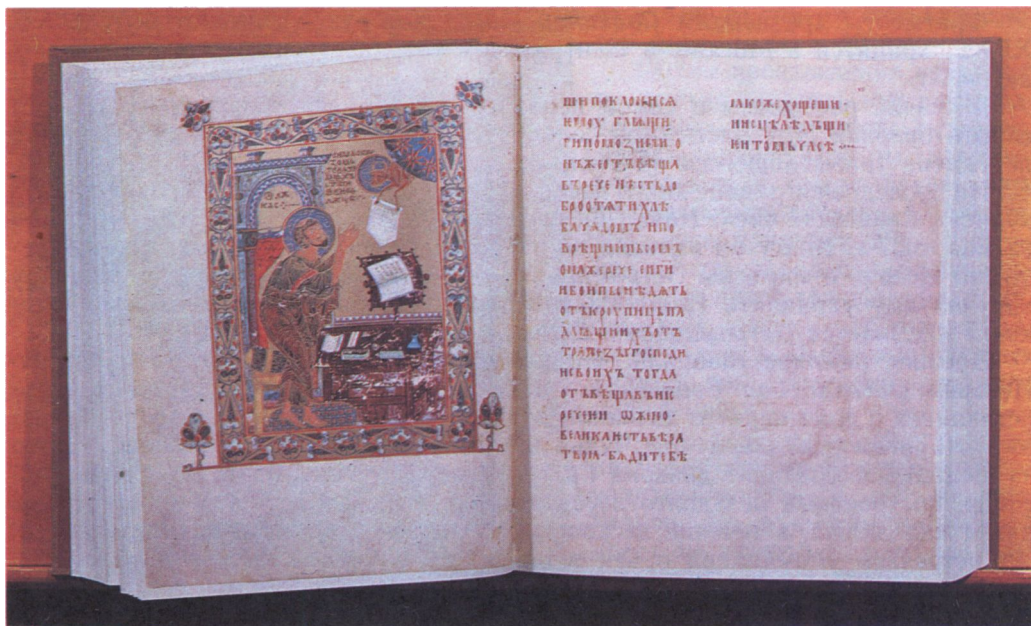
Собирая разные редкости, Петр I хотел познакомиться и с древнейшей из сохранившихся русских книг. Вскоре царь умер. И случилось немыслимое — *Остромирово Евангелие* потерялось. Нашел его 80 с лишним лет спустя личный секретарь Екатерины II Я. А. Дружинин, который в течение долгих лет после ее смерти руководил разборкой личных вещей императрицы. Впрочем, предоставим слово ему самому.

«При осмотре, произведенном мною, хранящегося в гардеробе покойной государыни Екатерины II платья, — рассказывал Дружинин, — нашел я в прошлом 1805 г. сие Евангелие. Оно нигде в описи и в приходе не записано и потому неизвестно, давно ли и от кого туда зашло. Вероятно, поднесено было Ея Величеству и отдано для хранения в комнаты ее, а потом сдано в гардероб. Камердинеры и гардеробские помощники оставили его без уважения, и оно забыто».

Вот так чуть не пропала древнейшая русская книга.

В 1806 г. *Остромирово Евангелие* передали в императорскую Публичную библиотеку — ныне Государственную публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь оно хранится и сегодня. Прославленный кодекс не

Разворот Остромирова Евангелия

раз привлекал внимание людей, которых интересует история русской государственности, русской культуры, русской книжности.

В 1843 г. текст *Остромирова Евангелия* впервые воспроизвели типографским способом. История издания такова. Жил в те годы в Москве на Мясницкой улице образованный помещик Александр Дмитриевич Чертков (1789—1858). Был он великим книголюбом и составил замечательную библиотеку — около 17 тысяч томов и все — о России. Собирал Чертков и древние русские монеты. Свою нумизматическую коллекцию он описал в сочинении, которое в 1835 г. было удостоено самой престижной в стране научной премии — Демидовской. Премия эту — 2500 рублей — Чертков передал Академии наук, «чтобы деньги сии были употреблены на издание в свет какой-либо старинной русской летописи».

Стесненная в средствах Академия, получив столь щедрый подарок, решила употребить его на издание *Остромирова Евангелия*. Труд взял на себя академик Александр Христофорович Востоков (1781—1864), большой знаток древнерусского языка. Он составил обширный комментарий к рукописи. С изданием пришлось претерпеть немало неприятностей, ибо духовная цензура потребовала, чтобы в нем были указаны и прокомментированы отступления древнейшей книги от общепринятого в XIX в. канонического текста Евангелия.

Издание, отпечатанное специальным древнерусским шрифтом, быстро разошлось. Уже в 1851 г. один московский купец пожертвовал немалые деньги на то, чтобы снова выпустить *Остромирово Евангелие*. Средства эти — 3000 рублей — на этот раз употребили на другое: заказали придворному юве-

лиру И. П. Сазикову роскошный переплет-оклад, украшенный драгоценными камнями. Из-за этого оклада книга впоследствии чуть не пропала.

Новое издание вышло в свет лишь в 1883 г. Текст первой русской книги не просто перепечатан в нем, а воспроизведен фотолитографским способом с сохранением многих особенностей оригинала. Такие издания называют факсимильными. Отныне для того чтобы познакомиться с *Остромировым Евангелием*, вовсе не обязательно ехать в Петербург и с великой осторожностью перелистывать страницы рукописи, начертанной много столетий назад дьяконом Григорием. Филологи, историки или языковеды, для которых самое важное — содержание книги, могли взять в любой крупной библиотеке издание 1883 г. или его повторение, выпущенное в 1889 г.

Теперь о последнем приключении книги, едва не ставшем для нее роковым. В 1932 г. в Отделе рукописей Публичной библиотеки испортился водопровод. Мастера, который пришел чинить его, привлек блеск серебряного оклада книги, лежавшей в одной из витрин. Он разбил стекло, содрал оклад, а бесценную рукопись забросил за шкаф. Преступника в тот же день поймали. А *Остромирово Евангелие* решили больше не переплетать. Листы сшили в тетради хирургическим шелком, каждую тетрадь поместили в бумажную обложку, а весь блок — в тяжелый футляр из полированного дуба.

Недавно книгу извлекли из сейфа и сфотографировали каждую ее страницу. Цветные фотографии использовали для подготовки нового факсимильного издания, которое вышло в свет в 1988 г., в дни, когда отмечалось 1000-летие крещения Руси.

В рукописной мастерской

Остромирово Евангелие позволит нам познакомиться с тем, как изготовляли на Руси рукописные книги. Приступая к работе, писец брал стопу пергаменных листов и тщательно расчерчивал их параллельными линиями. Промежутки между линиями должны быть равны. Линовали страницу с помощью тупого шильца.

Рукописи большого формата писали в два столбца; так написано и *Остромирово Евангелие*. В каждом столбце по 18 строк.

Основным инструментом писца было гусиное перо, которое полагалось расщепить и заточить. Делали это небольшим ножиком, который с тех давних времен называется перочинным. Состоятельные писцы пользовались лебями, а иногда и павьими перьями.

Писали чернилами, которые изготавливали из ржавого железа, из сажи, из специальных чернильных орешков. Заголовки, а также те фразы, которые писец хотел выделить, он воспроизводил красной киноварью. Иногда для этого использовалось твареное золото. Приготавливали его из золотого порошка, который смешивали с рыбным клеем.

Написано *Остромирово Евангелие* строгим и четким почерком. Вертикальные штрихи букв здесь строго перпендикулярны к линиям строк. Такой тип письма называется уставом. Впоследствии в русской книге появляется полуустав с наклонными штрихами букв, а затем и упрощенная скоропись.

Древние рукописи иллюстрировали и заботливо украшали. Выполненные

от руки иллюстрации называются миниатюрами — от латинского слова «миниум», которым древние римляне обозначали киноварь. Но рисовали миниатюры не только киноварью, но и красками всех цветов спектра. Делали миниатюры специальные художники-миниатюристы.

В *Остромировом Евангелии* — три иллюстрации, на которых изображены легендарные авторы этой книги: Марк, Лука и Иоанн. Должна быть и четвертая миниатюра с изображением евангелиста Матфея, но ее, видимо, не успели сделать. Писец оставил для нее пустой лист.

Каждый новый раздел в древнерусской книге начинали с нового листа, в верхней части которого размещали орнаментальное, чаще всего прямоугольное украшение — заставку. В *Остромировом Евангелии* одна большая и 18 малых заставок. Исполнены они яркими и чистыми красками — алой, синей, зеленой — и прописаны золотом. Основной мотив орнаментики — крупные пятилепестковые цветы.

Художественное убранство рукописи дополняли крупные буквицы-инициалы, которыми начинались самостоятельные разделы текста.

Посмотрев на орнамент рукописи, ученый сразу же определит, когда она написана. Такой орнамент, как в *Остромировом Евангелии*, называется старовизантийским. Большие цветки, заключенные в окружности, треугольники, сердечки, напоминают перегородчатую эмаль, превосходные образцы которой оставлены византийскими и древнерусскими ювелирами.

Старовизантийский стиль в XII—XIII вв. был заменен тератологическим. Слово это происходит от греческого «тератос», что значит «чудовище». Поэтому тератологический стиль иногда называют у нас «чудовищным», или «звериным». Основной его признак — фигурки людей или зверей, которые входят в ткань, в композицию заставки и инициала.

В XIV в. в русскую книгу приходит новый орнамент — балканский. Появление этого стиля на Руси связывают с южнославянским влиянием. В конце XIV столетия Сербия и Болгария были покорены турками. В 1453 г. пал последний оплот христианства в этом регионе — Константинополь. В русские земли устремляется поток эмигрантов с южнославянских земель. С ними и связывают появление новых мотивов в древнерусской литературе, искусстве, в оформлении книги. Основной мотив балканского орнамента — тесно переплетенные между собой жгуты или ремни.

В XV в. в русской книге появляется орнамент, похожий на тот, который мы встречали в *Остромировом Евангелии*. В отличие от старого его называют нововизантийским.

Новое приносит и XVI в. На страницах книг расцветают удивительно декоративные черно-белые цветы и травы. Ранее считалось, что орнамент этот пришел в рукописи из старопечатных изданий, почему и называли его старопечатным. Ныне такой точки зрения уже не придерживаются. Подробный разговор о том, как возникли эти украшения, еще пойдет на страницах нашей книги.

Дьякон Григорий писал *Остромирово Евангелие* почти семь месяцев. За день он успевал написать не более 3 страниц. Это был тяжелый и изнурительный труд. Его успешное окончание было праздником.

«Яко же радуется жених о невесте, тако радуется писец, видя последний лист», — написал в 1164 г. дьякон Добрило в конце начертанного им Евангелия.

Рабочий день длился летом от восхода и до заката солнца, зимой же зах-

Переплет старой русской книги.

ватывали и темную половину дня, писали при свечах или лучинах. Подчас писца одолевала дремота, и он делал ошибки.

Столь высокая трудоемкость изготовления книги, дорогая цена, которую приходилось платить за пергамен, чернила и краски, приводили к тому, что рукописи стоили очень дорого.

«Одежда» книги

Рукописи стоили очень дорого; у владельцев таких книг возникало естественное желание защитить их от превратностей времени и судьбы. Так появился переплет. На Русь он пришел вместе с первыми книгами.

Древнейшие наши писцы овладели и переплетным мастерством. Игумен Киево-Печерского монастыря Никон Великий (умер в 1088 г.), которому приписывают создание одного из древнейших летописных сводов, был искусным переплетчиком. В *Житии* его друга Феодосия рассказывается о том, что «многажды» бывало: Никон сидит и «делает книги», а Феодосий около него «прядет нити, еже на потребу таковому делу».

Форма и конструкция переплета на протяжении многих столетий оставались неизменными. Печатная книга получила их в наследство от рукописной.

Тетради книжного блока пришивали к шнурам или «плетям», которые делали из конопляных нитей. Корешок блока промазывали клеем, а затем будущую книгу обрезают с трех сторон, чтобы все страницы ее были одинаковыми. Концы шнуров продевали в отверстия, высверленные в хорошо оструганных сосновых или березовых досках. Доски и служили основой переплета. Шнуры закрепляли в отверстиях «гвоздичками» — деревянными шпонками.

Затем доски обшивали — обволачивали кожей или тканью.

Человеку свойственно стремление к красоте, к благолепию. Он стремится сделать пригожими все окружающие его предметы. Очень рано стали украшать и книги. Обволоченные кожей переплетные крышки покрывали тисненым рисунком — «басмили». Края переплета украшали медными литыми или чеканными наугольниками. А к нижней крышке прикрепляли сферические ножки — «жуковины». При чтении книга как бы опиралась на них и ее переплет не истирался, сохранялся дольше.

Иногда переплет оковывали золотом и серебром, украшали драгоценными камнями. Такие металлические переплеты называют окладами.

В Государственном Историческом музее хранится *Мстиславово Евангелие*, оклад для которого был изготовлен в Царьграде в начале XII в. Когда оклад обветшал, царь Иван Грозный приказал обновить его. Новую «одежду» для книги делали в Новгороде в 1551 г. На верхнюю переплетную крышку наложили позолоченную серебряную доску, украшенную сканью и финифтяными изображениями апостолов и архангелов. Края оклада украсили жемчугом. Скань — это ажурный узор из тончайшей серебряной проволоки, а финифть — стеклообразное покрытие, которое наносили на металл и закрепляли обжигом.

Глава вторая,
ИЗ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ УЗНАЕТ,
КАК И КОГДА ПОЯВИЛОСЬ КНИГОПЕЧАТАНИЕ
И КАКИМИ ПУТЯМИ ОНО ПРИШЛО
НА СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ

Величайшее историческое событие

Французский писатель Виктор Гюго видел в изобретении книгопечатания «величайшее историческое событие». «В нем зародыш всех революций!» — восклицал он. И пояснял: «В виде печатного слова мысль стала долговечной как никогда: она крылата, неуловима, неистребима... Этот способ выражения мысли является не только самым надежным, но и более простым, наиболее удобным, наиболее доступным для всех...»

Ничто в мире не происходит случайно. Закономерным было и появление типографского станка в Европе в середине XV столетия. Книгопечатание было детищем того явления культурной и общественной жизни, которое известно под названием Ренессанса, или Возрождения. Возникнув в Италии на рубеже XIII и XIV столетий, оно вскоре распространилось и на другие страны. В противовес феодальному аскетизму деятели эпохи Возрождения заявляли о своем интересе к человеку, провозглашали веру в его безграничное могущество. Их и называли гуманистами — от латинского слова «хуманус», что значит «человеческий». С первых же шагов гуманизм был неразрывно связан с книгой.

В дворцах сильных мира сего и в монастырях возникают крупные библиотеки. Для простых людей рукописная книга была слишком дорога. Между тем развитие ремесла и становление промышленности вынуждали человечество заняться систематизацией и распространением знаний, накопленных в предшествующие века. Сделать это можно было лишь с помощью массовой книги.

Книгопечатание — детище городской культуры. В городах разных стран Европы складывается культурная жизнь, оппозиционная церковно-феодальной и рыцарской образованности, носившей ограниченный, элитарный характер. Центрами духовной жизни становятся университеты, старейшие из которых — Болонский и Парижский — существовали уже в XII в.

Кроме высшей школы, в ту пору существовали и начальные, работавшие при монастырях и церковных общинах. Заводили их и городские магистраты. В школах учили читать, считать, писать, рисовать и петь. Школяры осваивали основы латыни — общепризнанного языка науки, на котором велось преподавание в университетах.

Для школ и университетов нужны были книги, учебные пособия. Тогда еще никто не задумывался об их «стабильности». Но какое-то единообразие все же требовалось. Дать его могло только механическое воспроизведение текстов. Спрос на учебники рос с каждым годом, и рукописные мастерские не могли удовлетворить его. Этот спрос и стал одной из побудительных причин возникновения книгопечатания. Многие первые типографы начинали свою деятельность изданием букварей, пособий по грамматике.

«Мы можем и должны начинать историю нашего научного мировоззрения с открытия книгопечатания», — утверждал академик Владимир Иванович Вернадский.

Действительно, появление типографского станка — важнейшая веха в истории человеческой культуры. Именно с этого времени устное слово, записанное, а затем размноженное в десятках, сотнях и тысячах оттисков, стало важнейшим орудием просвещения и воспитания, инструментом распространения знаний. Постепенно книга превратилась в мощное политическое и идеологическое оружие, активно влияющее на самые различные сферы общественной жизни.

Карл Маркс считал книгопечатание одной из необходимых предпосылок буржуазного развития, великим открытием ремесленного периода. Называя три великих изобретения, которые «вводит буржуазное общество», — порох, компас и книгопечатание, — основоположник марксизма пояснял: «Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основы воев колонии, а книгопечатание становится средством протестантизма и, вообще, возрождения науки, самым мощным рычагом для создания предпосылок необходимого духовного развития».

Что такое книгопечатание?

В детстве у меня была игра «Домашняя типография». Я до сих пор с удовольствием вспоминаю о ней. Картонная коробка была разделена на множество отделений, в каждом из которых хранились резиновые штампики-буквочки. Я подбирал их в определенном порядке в металлическую державку, смазывал сверху чернилами и печатал слова, а иногда и целые фразы.

Игра эта позволяет понять принцип, положенный в основу книгопечатания. Изображение каждой буквы на резиновом брусочке вырезано рельефно. Оно и понятно! Чернила или краска в этом случае ложатся лишь на выступающие участки — на те, которые должны дать оттиск.

И еще одна особенность. Если посмотреть сверху на брусочек, можно заметить, что буквы вырезаны на них не прямо, а зеркально. Только в таком случае оттиск на бумаге будет правильным.

Мне припомнилась другая детская забава. Я брал картошку, разрезал ее пополам и писал на срезе чернилами свою фамилию. Если приложить срез к листу бумаги, надпись перейдет на нее. Это простейший способ напечатать на тетради или учебнике фамилию. Но писать ее на картошке нужно не слева направо, как обычно, а наоборот, справа налево. Только в этом случае оттиск будет правильным. Я ставил возле картошки зеркало, смотрел в него и писал. Все получалось отлично.

Теперь задумаемся над тем, почему в «Домашней типографии» каждая буква вырезана на отдельном брусочке. Не проще ли вырезать на резиновой пластинке целые слова и фразы? Для каждого отдельного случая, может быть, и проще. Ведь печатал же я с помощью картошки мою фамилию!

Но фамилий много, а слов еще больше. Догадливые люди, которые изготовили «Домашнюю типографию», понимали, что запрятать все слова в картонную коробку невозможно. А с помощью отдельных букв каждый может составить именно то слово, которое ему нужно.

Именно этот принцип — его называют принципом набора — положен в основу книгопечатания.

Штампик из резины — вещь непрочная. Чтобы отпечатать книгу в большом количестве экземпляров, буквы-литеры должны быть металлическими. В настоящее время их отливают из специального сплава — гарта, в состав которого входят свинец, олово и сурьма.

Чтобы печатать книги, нужно иметь большое количество одинаковых литер. Посчитайте, сколько раз на этой странице встречается буква «а». Когда печатали нашу книгу, одновременно оттискивали по 16 страниц.

Гравировать литеры одну за другой — процесс трудоемкий и длительный. Поэтому изобретатель книгопечатания разработал рациональный способ размножения самих литер. Он гравировал рельефное зеркальное изображение буквы лишь единожды — на стальном бруске-пуансоне. Затем вдавливал брусок в пластинку из меди, получая матрицу — углубленное прямое изображение буквы. С помощью матриц, вставленных в специальный инструмент — словолитную форму, можно отлить из гарта сколь угодно большое количество литер.

Таковы технические основы книгопечатания.

А теперь познакомимся с человеком, который книгопечатание изобрел.

Иоганн Гутенберг

Еще в XI в. наборную форму, составленную из глиняных литер, использовал китайский кузнец Би Шэн, печатавший так несложные тексты. В XIII в. корейцы начали печатать с форм, сложенных из металлического шрифта. Но лишь немецкий изобретатель Иоганн Гутенберг облек в реальные технические формы идеи, которые высказывались и ранее, нашел наилучшее конкретное решение проблемы, поставленной перед человечеством всем ходом мировой истории.

Точной даты рождения Гутенберга мы не знаем. Косвенные данные позволяют утверждать, что будущий изобретатель появился на свет между 1394 и 1399 гг. Был он сыном богатого горожанина из Майнца — древнего города на левом берегу Рейна.

Ученые предполагают, что в 1418—1420 гг. Гутенберг учился в Эрфуртском университете, где приобрел основательные познания в области латинского языка.

В начале 30-х гг. XV в. Иоганн Гутенберг жил в старинном эльзасском городе Страсбурге, где, по-видимому, и были предприняты первые опыты книгопечатания. Историки отыскивали в местном архиве сведения о соглашении,

заключенном Гутенбергом с Андреа Дритценом и другими страсбургцами. Речь шла об использовании какого-то изобретения, которое сохранялось в глубокой тайне. Когда Дритцен умер, братья его потребовали, чтобы Гутенберг открыл им секрет и принял в дело. Но изобретатель предпочел выплатить родственникам покойного денежную компенсацию. Свидетелем на судебном процессе между Гутенбергом и братьями Дритценами выступал золотых дел мастер Ганс Дюнне, который показал, что он заработал у Гутенберга сто гульденов на том, что «относится к печатанию».

Что именно печатал мастер в эти годы, мы не знаем. Скорее всего, небольшие брошюры, календари и листовки. Старейшей печатной брошюрой некоторые ученые считают средневековую «Сивиллину книгу», фрагмент которой отыскивали в переплете старого фолианта. Предполагают, что напечатана она была примерно в 1445 г.

Вскоре Иоганн Гутенберг переехал в Майнц. И здесь он на первых порах печатал небольшие издания. Не менее 24 раз он издал латинскую грамматику Элия Доната, по которой учились в школах и университетах.

Приписывают Гутенбергу и небольшие листовки-календари — «Астрономический календарь» на 1448 год, «Турецкий календарь» на 1455 год, «Кровопускательный и слабительный календарь» на 1457 год. В последнем из них указаны дни, когда, по мнению средневековых медиков, можно было пускать кровь и принимать слабительные средства.

Мы сказали «приписывают». Дело в том, что ни на одном из первых изданий имени Иоганна Гутенберга нет. Не указано также, где и когда они печатались. Датировка их приблизительна, причем разные ученые придерживаются на этот счет различных мнений.

Почти все первые издания дошли до нас в небольших фрагментах. Учебники и календари зачитывали до дыр. Попавшие в макулатуру листки пергамена, к счастью для нас, использовали переплетчики, которые подклеивали ими корешки и переплетные крышки. Вот уже в течение двух столетий историки извлекают из старых переплетов фрагменты первых печатных книг.

Одну из самых важных находок сделал киевский книговед Борис Иванович Зданевич, который в 1935 г. обнаружил в переплете старого издания 8 листов никому ранее не известной книги Иоганна Гутенберга — «Провинциале Романум» — списка епархий католической церкви.

Однажды наступил день, когда Иоганн Гутенберг почувствовал, что ему по плечу большая работа. Для этого нужны были немалые деньги, а их-то как раз у изобретателя не было. Гутенберг пошел на поклон к богатому майнцскому бюргеру Иоганну Фусту, который в 1450 г. одолжил ему 800 гульденов. На эти большие деньги изобретатель купил пергамен и бумагу, металл для отливки шрифтов, нанял рабочих... А затем, в течение нескольких лет, не покладая рук трудился над колоссальным изданием — полной латинской Библией. Работа оказалась продолжительнее, чем мастер предполагал. Денег не хватило, и ему пришлось одолжить у Фуста еще 800 гульденов.

Срок договора вскоре истек, и Фуст потребовал, чтобы Гутенберг возвратил долг, который вместе с процентами составлял 2020 гульденов. Это были очень большие деньги. Бык, откормленный на убой, стоил в ту пору 7—8 гульденов, а большой дом в городе — 80—100 гульденов.

Так как денег у Гутенберга не было, Фуст обратился в суд. Что он решил,

Разворот 42-строчной Библии Иоганна Гутенберга.

мы не знаем, но можно предположить, что у Гутенберга отобрали часть его мастерской и весь тираж уже отпечатанной Библии — по количеству строк на полосе ее называют «42-строчной». Поэтому и здесь не обозначены ни имя типографа, ни время и место выпуска в свет.

В полном экземпляре Библии 1282 страницы. Ее обычно переплетают в два тома довольно-таки внушительных размеров, примерно 40×30 см. Титульного листа в книге нет. Этот элемент книжного убранства появился позднее — на рубеже XV и XVI вв. Полиграфическим способом в Библии воспроизведен лишь текст, набранный в две колонки. Все украшения — киноварная рубрикация, инициалы, орнаментика на полях — сделаны от руки. В каждом экземпляре они разные.

Ученые считают, что Гутенберг отпечатал 150 экземпляров «42-строчной» Библии на бумаге и 35 — на пергамене. Сохранилось всего 48 экземпляров, 12 из них — на пергамене. Это самая дорогая книга в мире. В марте 1979 г. один лишь второй том Библии был продан Гутенберговскому музею в Майнце за 1,9 миллиона долларов. Несколько экземпляров книги по сей день находятся в частных коллекциях.

В 1458—1460 гг., по-видимому в городе Бамберге, и возможно, самим Гутенбергом была напечатана другая Библия, которую по числу строк на полосе называют «36-строчной». Это издание еще более редко: известно всего 13 напечатанных на бумаге экземпляров.

Жизнь Иоганна Гутенберга прошла в неустанных трудах и хлопотах. Лишь под старость он получил возможность жить, не заботясь о хлебе насущном.

Архиепископ Адольф Нассауский пожаловал Гутенбергу придворный чин и пожизненную пенсию.

3 февраля 1468 г. Иоганн Гутенберг скончался.

Еще при его жизни началось триумфальное шествие печатного станка по Европе. В 1465 г. появилась первая типография в Италии, около 1468 г. — в Швейцарии, в 1470 г. — во Франции, в 1473 г. — в Бельгии и Венгрии, примерно тогда же — в Польше. В 1476 г. печатный станок утвердился в Чехословакии и Англии, в 1482 г. — в Австрии и Дании, год спустя — в Швеции, в 1487 г. — в Португалии. Первые печатные книги «разговаривали» на латыни — классическом языке античности, но постепенно они «изучили» все языки Европы.

Примерно за 40 лет в 260 городах континента открылось не менее 1100 типографий, которые выпустили в свет около 40000 изданий общим тиражом в 10—12 миллионов экземпляров. Эти первые книги, изданные в Европе по 31 декабря 1500 г., называют инкунабулами. В основе термина лежит латинское слово, обозначающее «колыбель». Инкунабулы — это книги колыбельного периода книгопечатания

Тысячи книг написаны о том, как возникло и развивалось книгопечатание в разных странах мира. Мы не будем сейчас рассказывать об этом. Познакомимся лишь с тем, как появились первые книги, напечатанные славянской кирилловской азбукой. Эту азбуку создали великие славянские просветители Кирилл и Мефодий, жившие в IX в. Их памяти посвящен День славянской письменности, который отмечается ежегодно 24 мая.

В древнем Кракове

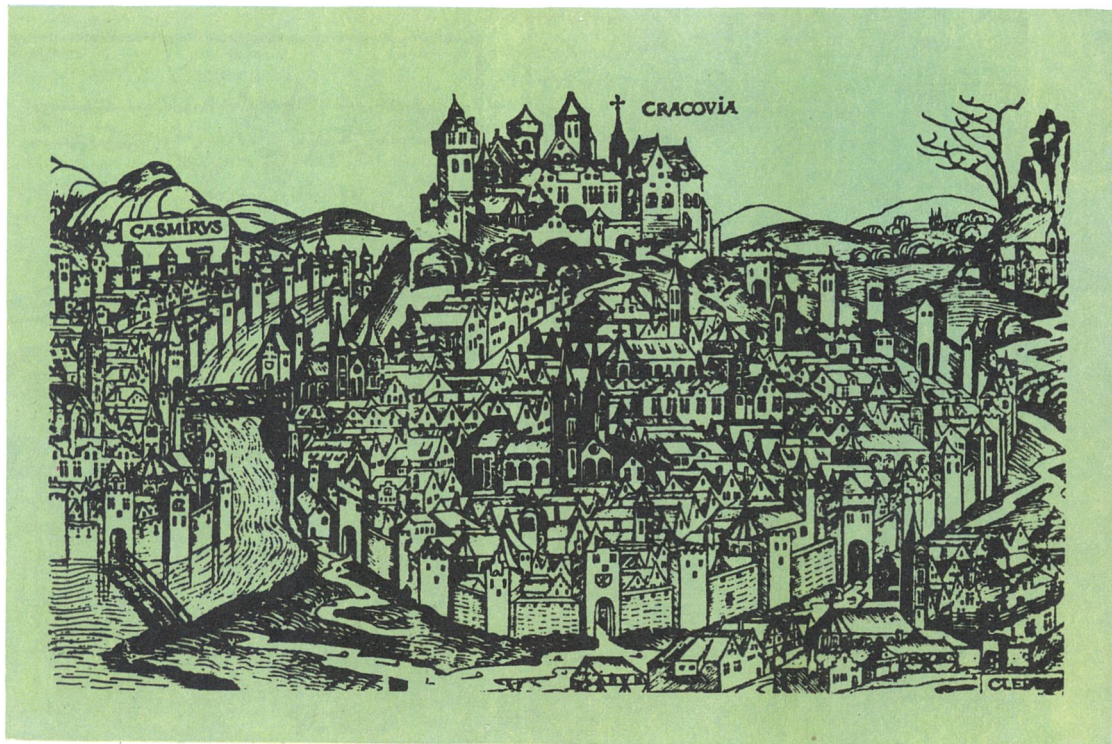
В 70-х гг. XV в. в древнюю польскую столицу Краков из немецкой земли Франконии приехал молодой человек. Был он до чрезвычайности общительным и новым знакомым рассказывал, что зовут его Швайпольт Фиоль и что родом он из небольшого городка Нойштадта, стоящего на реке Айше. Верстах в 60 от него лежит Нюрнберг — крупнейший центр немецкого книжного дела. Видимо, там и освоил Швайпольт Фиоль основы типографского искусства.

В Кракове его знаниям на первых порах применения не нашли. Около 1473 г. здесь возникла типография, выпустившая четыре издания на латинском языке. Кто трудился в этой типографии, мы не знаем. Да и работала она недолго.

Что же касается молодого и общительного немца, то его имя вначале встречается в архивной документации в связи с делами, к книгопечатанию никакого отношения не имеющими. Фиоля называют золотошвеем. Это довольно редкая профессия, объединявшая мастеров, которые вышивали золотом и серебром по ткани, изготовляли торжественные одеяния для церковных служб, праздничные покрывала, скатерти.

Затем Швайпольт освоил новое ремесло. В марте 1489 г. польский король Казимир выдал ему привилегию на изобретенную им машину для откачки воды из шахт. Неподалеку от Кракова издавна добывали полезные ископаемые. Шахты часто затопляло. Над тем, как откачивать воду из них, думали многие мастера. Это, надо сказать, было прибыльным занятием.

Так судьба свела Швайпольта Фиоля с богатым горнопромышленником Яном Турзо, который вкладывал деньги в самые различные предприятия. Он

Краков. С гравюры 1493 г.

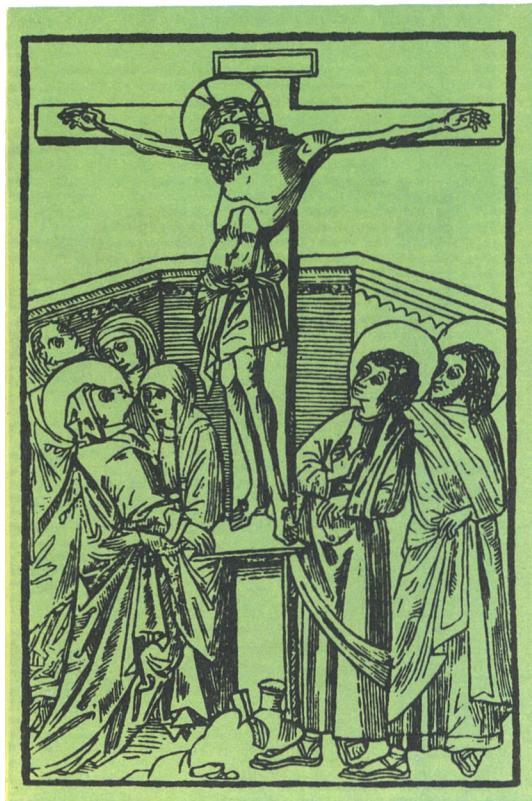
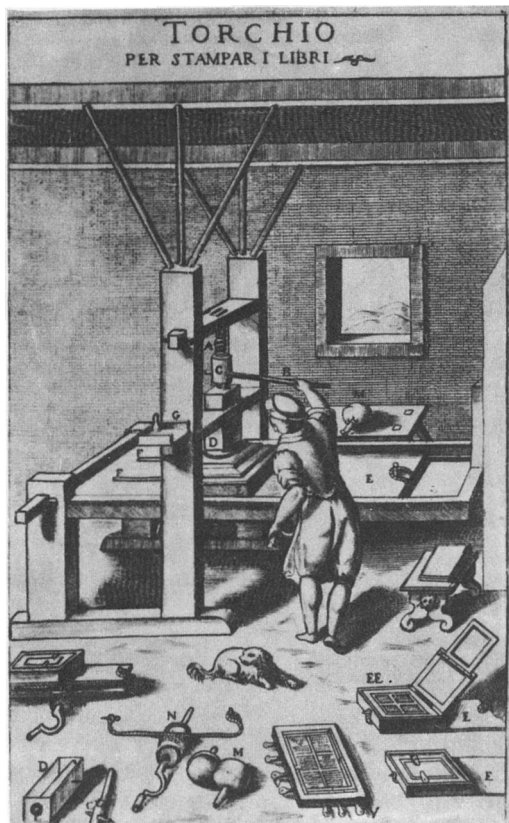
владел медными и серебряными рудниками, занимался металлургическим делом, торговал медью. Ему, видно, и принадлежала идея организовать печатание богослужебных книг кирилловского шрифта, которые можно было продавать в Московской Руси, на землях южных славян, но главным образом украинцам и белорусам, населявшим восточные земли Польско-Литовского государства.

Так случилось, что коммерция послужила делу просвещения восточнославянских народов. Швайпольт Фиоль и был таким человеком, который мог организовать предприятие, обещающее большие выгоды. Кирилловским шрифтом в ту пору никто и нигде не печатал. А потребность в книгах была большая.

Торговые агенты Турзо привезли из далекой Московии рукописи богослужебных книг. Студенту Рудольфу Борсдорфу, учившемуся в Краковском университете и хорошо знакомому с литейным делом, поручили изготовить шрифт. В университете занималось немало украинцев и белорусов. Они-то и стали редакторами, наборщиками и корректорами в первой славянской типографии.

В 1491 г. вышли в свет две первые книги — *Октоих* и *Часослов*. На последних страницах помещены краткие послесловия. В них говорится о том, что издания напечатаны «в великом граде Кракове... мещанином краковским Швайпольтом Фиолем». Указан и год выхода книг в свет.

Ручной печатный станок. С гравюры XVII в. «Распятие» — фронтиспис *Октоиха* 1491 г.

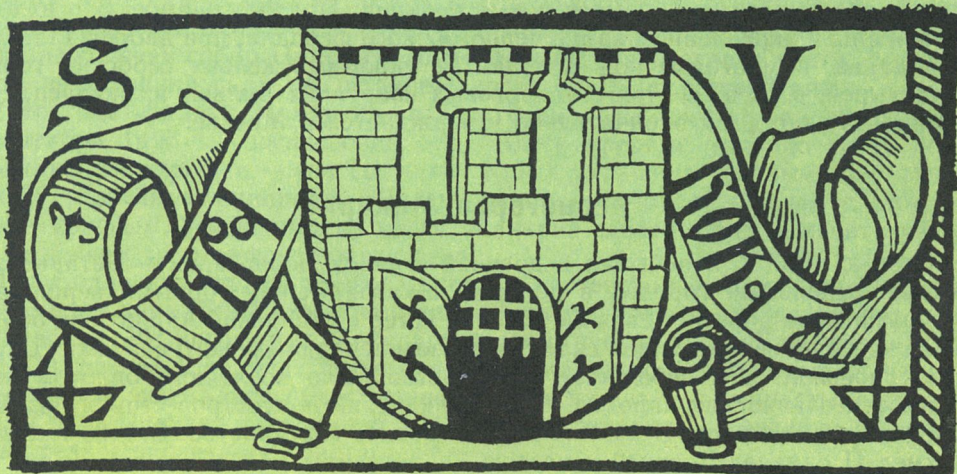
Издания Фиоля во всем подражают русским рукописям. Отпечатаны они в два цвета — черным и красным. Отдельным разделам предварены киноварные заголовки, выполненные узорным письмом — вязью. Украшены книги заставкой балканского стиля и многими гравированными на дереве инициалами. А в начале *Октоиха* помещен фронтиспис, изображающий распятие.

Издания пользовались успехом. Агенты Турзо развезли книги по славянским странам, где их охотно покупали. Вскоре, однако, типографией заинтересовалась краковская инквизиция. Фиоля арестовали и посадили в тюрьму. Просидел он в ней, правда, недолго. Его покровитель Турзо имел связи в высших церковных кругах. Он добился того, что типографа выпустили до суда под залог в 1000 венгерских дукатов. Суд состоялся в марте 1492 г. Он признал Шваймпольта Фиоля «правоверным и преданным католиком».

Месяца за два до этого Турзо обратился к краковскому архиепископу с просьбой разрешить ему распространять «русские печатные книги» — те, которые уже напечатаны и которые будут оттиснуты впредь. Ответ был мягок, но недвусмыслен.

Между тем в типографии уже лежали отпечатанные листы двух других изданий — *Триоди постной* и *Триоди цветной*. Турзо и Фиоль решили рискнуть и выпустить их в свет анонимно, без выходных сведений. *Триодъ цветная* начиналась изображением распятия, отпечатанного с той же доски, что и в *Октоихе*. Так как формат *Триоди* был больше, Фиоль дополнил изображение ленточкой, на которой написано его имя. Во избежание неприятностей страницу решили вырвать. До последнего времени было известно 25 экземпляров *Триоди цветной*. Ни в одном из них гравюры нет. Но один экземпляр с гравюрой все же уцелел. Его нашли в 1972 г. в румынском городе Брашове.

Всего ученые обнаружили 92 экземпляра четырех изданий Швайпольта Фиоля. Я подробно описал их в каталоге, который был издан в 1979 г. Государ-

Докончана бы снажнига великоу градоу
 краковъ прндержавъ великаго короля полскаго
 казидира . н докончана бы мѣщанниоу краковъ
 скомышван полтоу , фѣоль , н з нѣмцыне
 мѣцкогородоу , франкъ . н скончаша побожнеи
 парожениемъ . дѣ сѣть . де вѣтъ де сѣ нѣ а лѣто .

ственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина. Во многих экземплярах есть записи, сделанные в Московском государстве в XVI в. Да и большинство экземпляров — 64 — сохранилось в библиотеках и музеях нашей страны. Это позволило выдвинуть гипотезу о том, что издания свои Фиоль печатал если и не по прямому заказу из Москвы, то, по крайней мере, рассчитывая на распространение книг преимущественно в Московском государстве.

После 1492 г. в архивных документах не раз встречаются упоминания о Швайпольте Фиоле. Однако типографской деятельностью он больше не занимается. Швайпольт живет в Силезии, а затем — в Венгрии, управляет шахтами. Документы называют его берггофмейстером.

В последние годы жизни мастер вернулся в Краков. Мы знаем об этом из его завещания, составленного 7 мая 1525 г. Вскоре Швайпольт Фиоль умер. Начатое им дело не забылось. Отныне славянское книгопечатание с каждым годом завоевывает все новые и новые позиции. Подчас гонимое, оно находит прибежище в укрепленном замке черногорского феодала, при дворе валашских господарей, в многоязычной Венеции, в укромных кельях сербских горных монастырей, в древней Праге, в торговых кварталах Вильны и, наконец, с середины XVI столетия окончательно утверждается в Москве.

Черногорец Макарий

Осенью 1987 г. я побывал в древней столице Черногории — Цетинье. Это уютный небольшой городок в долине, зажатой между горными вершинами. Вечерами сюда долетает свежий морской ветер с недалекой Адриатики. 500 лет назад здесь на неприступной скале стоял замок черногорского владыки Джурджа Црноевича. Его небольшое государство было последним оплотом независимости славянских народов. Весь Балканский полуостров стонал под игом турецких захватчиков. В 1459 г. пало Сербское государство. В 1463 г. султан Мехмед II овладел Боснией и частью Герцеговины.

В борьбе за сохранение национальной культуры и родного, воспринятого с молоком матери языка Джурдж Црноевич решил опереться на славянскую книгу. В этом его поддержал митрополит Вавила, живший в монастыре Рождества Богородицы, который был основан в Цетинье в 1485 г. отцом Джурджа — Иваном.

Замок Црноевичей не сохранился. А монастырь, хотя и перестроенный, стоит. Нынешний митрополит черногорский Данило любезно разрешил мне познакомиться с монастырской библиотекой. Здесь я нашел *Часослов* Швайпольта Фиоля. Судя по записям на его страницах, он находился в Черногории уже во времена Црноевичей. Задумываясь о создании собственной типографии, черногорский властитель принимал во внимание и краковский опыт.

В Цетиньском монастыре есть и первая черногорская книга. Это тот же *Октоих*, который издавал и Фиоль. Но в Кракове был выпущен сильно сокращенный вариант этой книги. В Цетинье же решили напечатать полный *Октоих*. Первый том — его именуют *Октоих первогласник* — вышел в свет 4 января 1494 г. Это прекрасно напечатанная книга. В ней красивые заставки и очень много красного цвета, которым типограф иногда воспроизводит целые строки. Оттиснули *Октоих первогласник* очень большим тиражом. Об этом можно судить

по тому, что и сегодня книга нередко: сохранилось не менее 80 экземпляров, а известно по упоминаниям в литературе и того больше — 105.

Предисловие книги завершено сообщением о том, что она напечатана священником Макарием из Черногории. Об этом человеке мы почти ничего не знаем. Учился типографскому делу он, скорее всего, в Венеции, а до этого занимался книгописанием в Цетиньском монастыре. Из Венеции привезли печатный станок, а может быть, и типографский шрифт, отлитый по рисункам Макария. Помогали ему семь человек.

Вторая книга Макария — *Октоих пятигласник* — очень редка. Она сохранилась лишь во фрагментах. Самый полный из них был найден в 1951 г. в монастыре Дечани: в нем 38 листов. Сейчас книга находится в Белграде, в Музее сербской православной церкви. Меня познакомил с ней хранитель музея Светозар Душанич.

Самое интересное здесь — прекрасные цельностраничные гравюры, помещенные в узорных, заполненных растительным орнаментом рамках. На одной из них изображен собор Цетиньского монастыря. Послесловие книги, к сожалению, не сохранилось, и мы не знаем, когда она была напечатана.

В третьем издании Макария — в *Псалтыри с воследованием*, вышедшей 22 сентября 1495 г., послесловие есть. Здесь впервые указано место, где находилась типография, — «на Цетиню». Книга украшена узорными заставками и 221 красивым инициалом. Часть букв иц напечатана черным цветом, а часть — красным. Умело сочетая цвета, Макарий сделал книгу замечательным произведением типографского искусства.

И еще одно издание, вышедшее из той же мастерской, — *Молитвенник*. Долгое время эта книга была известна лишь по семи разрозненным листам, которые хранились в Ленинграде, в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Лишь сравнительно недавно в Югославии нашли два неполных экземпляра *Молитвенника*. Один из них — из монастыря святой Троицы близ Плеваля — содержит 184 листа. А в другом, найденном в старой церкви села Црколез, — 43 листа.

Возможно, было еще одно издание. О нем рассказал сербский ученый Джордже Сп. Радойичич, в руки к которому попало рукописное Четвероевангелие, написанное в 1548 г. В послесловии книги указывалось: «Си извод от формы Црноевич, от сложения Макариева». Радойичич предположил, что оригиналом для рукописи послужило неизвестное нам пятое издание Макария.

Возможно, Макарий не успел отпечатать эту книгу, ибо Черногория вскоре была захвачена турками. Джордж Црноевич с семьей спасся бегством в Венецию. С ним вместе уехал и Макарий.

Память о первой черногорской типографии жива поныне. Центральная народная библиотека Социалистической Республики Черногории носит имя Джорджа Црноевича.

Тот ли самый Макарий?

В 1508 г. в Валахии, на территории нынешней Румынии, начала работать новая славянская типография. 10 ноября 1508 г. она напечатала *Служебник*, 26 августа 1510 г. — *Октоих* и 25 июня 1512 г. — *Евангелие*.

Первый черногорский типограф Макарий.
С гравюры XX в.

В послесловии *Служебника* названо имя типографа: «трудится о сем смиренный монах и священник Макарий». То же имя — в послесловиях *Октоиха* и *Четвероевангелия*.

Все эти издания очень редки; в этом отношении их не сравнишь с черногорскими инкунабулами. *Служебник* сохранился в 12 экземплярах. 4 из них находятся в Москве — в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина и в Государственном историческом музее. Эти книги я видел и тщательно изучал. С *Октоихом* 1510 г. познакомиться не сумел. Это одна из немногих старопечатных славянских книг, которую я не держал в руках. Сохранилось всего 2 экземпляра *Октоиха*. Один из них находится в древнем Хиландарском сербском монастыре на Святой Афонской горе в Греции. А второй — в Митрополичьей библиотеке г. Блажь — в Румынии. Ни в Хиландар, ни в Блажь мне попасть не удалось.

Последнее из ранних валахских изданий — *Четвероевангелие* — я видел. Один из экземпляров мне показал московский библиофил Алексей Иванович Маркушевич (1908—1979), который неведомыми путями где-то раздобыл его. В отделе редких книг Ленинской библиотеки есть еще 3 *Четвероевангелия* 1512 г. С книгой можно познакомиться и в Ленинграде — в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в библиотеке Академии наук СССР. Всего же сохранилось 17 экземпляров.

Тот ли это Макарий, который работал в Черногории, или другой? Мнения ученых разделились. Одни из них утверждали, что Макарий перебрался из Венеции в Валахию и напечатал здесь три книги. Затем он уехал на Афон, в древний монастырь Хиландар, и стал здесь игуменом. Такой игумен действительно существовал, его имя встречается в документах 1525—1529 гг. Сохранилось и его географическое сочинение «Толкование о землях дакийских». Оно не опубликовано, но я познакомился с выдержками из него в Центральной народной библиотеке Черногории, где хранятся фрагменты рукописи. Макарий пишет не только о Валахии и Молдавии, но и о Черногории. Это может служить подтверждением идентичности двух Макариев.

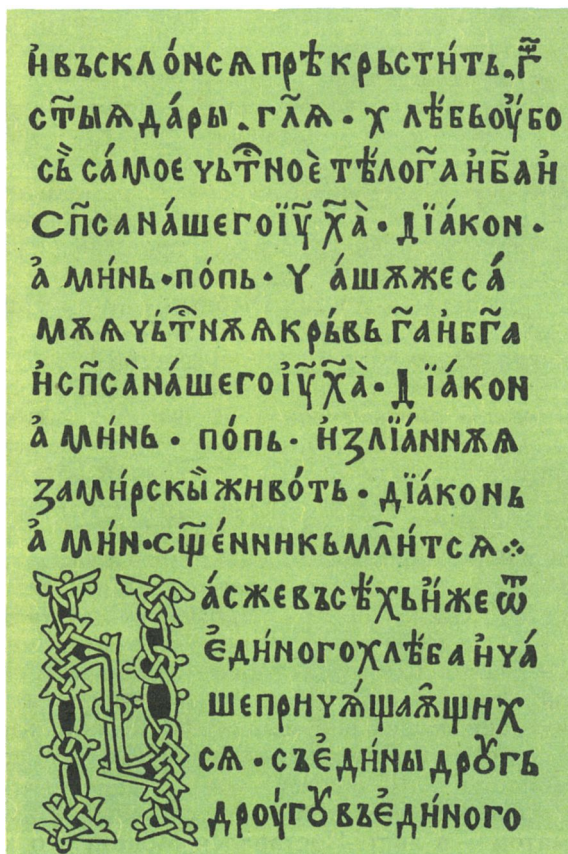
Чтобы познакомиться с точкой зрения ученых, возражающих против этого,

нужно рассказать о процессе, который полиграфисты называют выключкой.

Раскройте какую-нибудь книгу и присмотритесь, как она напечатана. Полосу набора обрамляют ровные белые поля. Почти все строчки, кроме начальных и конечных, одинаковой длины. Если соединить начала и концы строк, получатся две вертикальные параллельные линии. Теперь возьмите в руки лист, напечатанный на пишущей машинке. Здесь строчки также начинаются на одинаковом расстоянии от края листа, однако кончаются на разном. Все строчки имеют разную длину. Иначе, кажется, и быть не может. Ведь в каждой строчке — разные слова. Одно из них короче, другое — длиннее. Одно составлено из двух букв, другое — из двадцати. Да и сами буквы разнятся по величине: «м» или «ш» — широкие, а, например, «н» или «г» — поуже.

Оборвать строку в любом месте нельзя, ибо существуют строгие правила переноса, подчиняться которым необходимо. Как же добиться, чтобы строки в книге имели одинаковую длину? Вспомним, как когда-то работал наборщик — в те годы, когда в типографиях еще не было наборных машин. Он брал буковки-литеры из наборной кассы — наклонного стола с большим количеством ящичков для хранения литер — и устанавливал в верстатку. Это металлический ящичек с тремя стенками, одна из которых — подвижная и может устанавливаться на определенный формат. Набирая, рабочий старается приблизительно заполнить этот формат. Лучше всего, чтобы строка состояла из целого числа слов. Если это невозможно, наборщик делает правильный перенос последнего слова. При этом остается незаполненное место. Чтобы довести длину строки до формата полосы, наборщик вставляет между словами пустые литеры — шпации. Процесс придания строкам одинаковой длины полиграфисты и называют выключкой.

Черногорский Макарий превосходно осуществлял выключку, а его румынский тезка этого делать не умел. Поэтому некоторые ученые утверждают, что это разные люди. Впрочем, возможно и другое: в Румынии Макарий сознательно не делал выключки, ибо хотел, чтобы его книги были похожи на рукописные.

Страница из *Служебника* 1508 г.
Сразу видно — выключка здесь плохая.

Венецианские свершения

Прославленный североитальянский город, лежащий на 118 островах и весь прорезанный каналами, к началу XVI в. стал подлинной Меккой для печатников. Первые типографский станок сюда привезли в 1469 г. За 31 следующий год в Венеции было основано свыше 150 типографий. Печатали здесь не только латинским и готическим шрифтами, но и славянскими — глаголическим, боснийским, кирилловским.

Первую кирилловскую типографию основал здесь в 1519 г. богатый купец Божидар Вукович родом из черногорской Подгорицы, которая сейчас называется Титоградом. В Венеции его знали под именем Дионисио делла Веккио. Божидар во многом италиянизировался, взял себе в жены богатую и знатную венецианку. Но всегда помнил о родине, страдавшей под иностранным игом.

Божидар Вукович устроил в Венеции типографию, чтобы печатать для земляков, как он писал, «душеполезные книги, угодные всякому читающему». На его родине, утверждал он, книги расхищены и уничтожены «измаильтянами», т. е. турками. Поэтому и завел он печатню «в западных странах Итальянских, в славном граде Венетиане».

Работал в типографии «грешный и последний священноинок Пахомие от Черной горы», скорее всего, ученик Макария.

7 июля 1519 г. вышел из печати первенец — *Служебник*. Восемь месяцев спустя — 6 марта 1520 г. — за ним последовала изящная маленькая книга, которую современные сербские исследователи называют «*Сборник для путешественников*». В нем собраны различные молитвы, Часословец, краткий календарь-месяцеслов, всякие справочные сведения (например, перечень созвездий зодиака для каждого месяца).

Букварей и других учебных книг у черногорцев и сербов в ту пору еще не было. Детей учили читать по Псалтыри. Это учитывал Божидар Вукович, когда 12 октября 1520 г. выпустил в свет *Псалтырь с воследованием*.

Все эти книги напечатаны четкими, хорошо читаемыми шрифтами. В «*Сборнике для путешественников*» четыре искусно сделанные гравюры. В 1527 г. Божидар Вукович дополнил эту книгу новыми текстами, улучшил ее оформление, довел количество иллюстраций до 11 и снова выпустил в свет.

В конце 20-х гг. XVI в. Пахомий умер. Божидар Вукович очень долго не мог найти нового типографа, знающего славянский язык. Издательскую деятельность пришлось прекратить. Печатник нашелся лишь в 1535 г., его звали Моисей и был он, как говорилось в послесловиях, «от Сербские земли». Моисей перепечатал «*Сборник для путешественников*» в несколько увеличенном формате.

В другой своей книге — *Праздничной Минее*, оконченной печатанием 19 января 1538 года, Моисей сообщил о себе более подробные сведения. Был он иеродьяконом «от монастыря, глаголемаго Дечанох». Это тот самый существующий до сих пор монастырь Дечани, где был отыскан *Октоих пятигласник* Макария. Родом же был Моисей «от места, нарицаемого Будимлия, близь монастыря Шудикове».

Праздничная Минея очень красивая книга. Отпечатана она большим форматом — в лист. Постарался Моисей и о художественном убранстве, украсив книгу 33 иллюстрациями и большим количеством заставок и концовок. На одной из заставок мы видим гербовый щит с изображением идущего льва. Над-

Иже ехъ ронци Славнинеъ , блго изболи оукрастити
 стоую црковъ скою . разлчными кыгами . — ТѢ .
 мже нѣзѣ хоу рабѣ , божидарь воуковникъ . блгодѣтію
 бжіею желаніе нмѣхъ шюности моє , нлюбовь къ
 бжтвнымъ црквамъ . мліхъ се есѣ блгомоу . вѣце хоу
 моемоу , да ми поспѣшитъ къ желанію моему . да съ врьшн
 нсе дѣло юже на чѣ дѣлати , съ съборникъ . бѣхъ на славоу
 а на похвалу всѣмъ стѣмъ , нхртіаномъ на ползу . понеже съ
 мыслы врьме старости моє , ѣко врьме смрътноє приблы
 жаѣтсе . нжитіе наше немного врьмѣннѣ , ѣкоже пррѣтѣюу
 іетъ нелъжнн пррѣкъ дѣдъ . днѣ лѣтъ нашн вѣнн хъ же , ѡ
 аще лиже вслахъ , п , лѣтъ . множаѣ нхъ троудъ н болезнь .

Герб Божидара Вуковича.

Страница из Праздничной Минеи 1538 г.

пись на щите — «Господин Божидар воевода» — поясняет, чей это герб. Дворянство и герб даровал ему император Карл V. Императорский указ об этом отыскал в придворном архиве в Вене в 1983 г. профессор из Черногории Евто Милович.

Книги Божидара Вуковича хорошо расходились на южнославянских землях, поэтому он решил расширить типографию. В 1536 г. в ней появились новые мастера — Феодосий и Геннадий, монахи Милешевского монастыря. Работая одновременно с Моисеем, они в 1537 г. выпустили в свет *Октоих пятигласник*. Книга эта — продолжение *Октоиха первогласника*, изданного очень большим тиражом еще в 1494 г. типографией Джурджа Црноевича. Трудившийся там Макарий напечатал и *Октоих пятигласник*, но тираж этой книги, видимо, был очень мал. Поэтому Вукович и решил продолжить труды Црноевича.

В 1540 г. Божидар Вукович умер. Похоронить себя он завещал на родине — в монастыре Старчево на Скадарском озере.

Типография продолжала работать. Ее финансировал сын Божидара Виценцо, а затем и другие люди, счастливо соединявшие предпринимательство с просветительством. Новые мастера перепечатывали старые издания Божидара, причем так, что лишь специалисты могут отличить копию от оригинала. Знали эти издания во всем славянском мире. Уже в XVII в. украинские и белорусские типографы копировали отсюда иллюстрации и заставки.

Доктор Франциск Скорина из Полоцка

«Мы благодарны Франциску Скорине за тот прорыв, который в потемках истории исходил из его сердца и его рук» — так писал в 1975 г. литовский поэт Юстинас Марцинкявичус.

Имя и дела великого белорусского просветителя Франциска Скорины, основавшего первую типографию на территории нашей страны, памятливы в истории отечественной культуры. Человек этот символизирует единство всего восточнославянского культурного наследия, вливающегося мощной струей в поток гуманистических традиций просвещенной Европы.

Точной даты рождения Скорины мы не знаем. Но существует гипотеза, которая нам эту дату предлагает. Во многих изданиях просветителя помещен — нередко на гербовом щите — характерный издательский знак: солнечный диск с разбегающимися во все стороны веселыми лучиками и наползающим на него полумесяцем. Затмение солнца! Какое отношение имеет оно к деятельности Скорины?

Белорусский искусствовед Николай Николаевич Щекатихин установил, что 6 марта 1486 г. солнечное затмение наблюдалось в Полоцке — родном городе Франциска Скорины. Именно в этот день, предположил он, в семье белорусского купца Луки и родился мальчик, впоследствии прославивший родную землю. В память о необычном событии, которым был ознаменован его день рождения, Скорина и избрал для себя столь загадочный и необычный издательский знак.

Справедливость гипотезы косвенно доказывается тем фактом, что в 1505 г. Франциск стал студентом Краковского университета. В ту пору в университет принимали юношей, достигших 15—18 лет. За 13 лет перед тем, например, в тот

Белорусский просветитель Франциск Скорина.
С гравюры XVI в.

же Краковский университет поступил 18-летний Николай Коперник, будущий основоположник современной астрономии. Если Скорина родился в 1486 г., в 1504 г. ему также было восемнадцать.

В стенах университета юноша провел два года, освоив за это время курс так называемых свободных искусств — грамматику, логику, риторику (науку об ораторском искусстве), арифметику, геометрию, астрономию и музыку. 14 декабря 1506 г. в книгах университета была сделана запись о том, что «Франциск из Полоцка, литвин» удостоен ученой степени бакалавра. «Литвинами» тогда называли всех выходцев из Великого княжества Литовского, без различия их национальности.

Бакалавр — это низшая ступень на пути освоения средневековой учености. А в своих книгах Скорина именовал себя «в лекарстве и в науках вызволенных доктором», т. е. доктором медицины и «свободных» искусств. Это была самая высшая ступень учености. На пути к ней предстояло сдать экзамен на степень магистра.

Где совершенствовал свои знания молодой белорус, мы не знаем. Документы об этом не сохранились или, скорее всего, пока не найдены. Видимо, он учился в одном из немецких университетов. Может быть, в Эрфурте, где в начале XVI в. получил образование изобретатель книгопечатания Иоганн Гутенберг. Может быть, в приморском Росток, с которым поддерживали тесные связи торговые люди Великого княжества Литовского.

В 1512 г. мы встречаем Франциска Скорину в итальянском городе Падуе. Здесь он сдал экзамены в медицинской коллегии местного университета и 9 ноября получил очень почетную в те годы ученую степень доктора медицины. В одном из документов, связанных с этим экзаменом, Скорина назван «секретарем короля Дакии». Некоторые историки считают, что здесь подразумеваются княжества Валахия и Молдавия, которые были расположены на землях древней римской провинции Дакии. Читатель помнит, что при дворе валашских господарей в 1508—1512 гг. работала типография Макария. Если Франциск был секретарем одного из этих господарей, он мог освоить здесь основы типографского искусства.

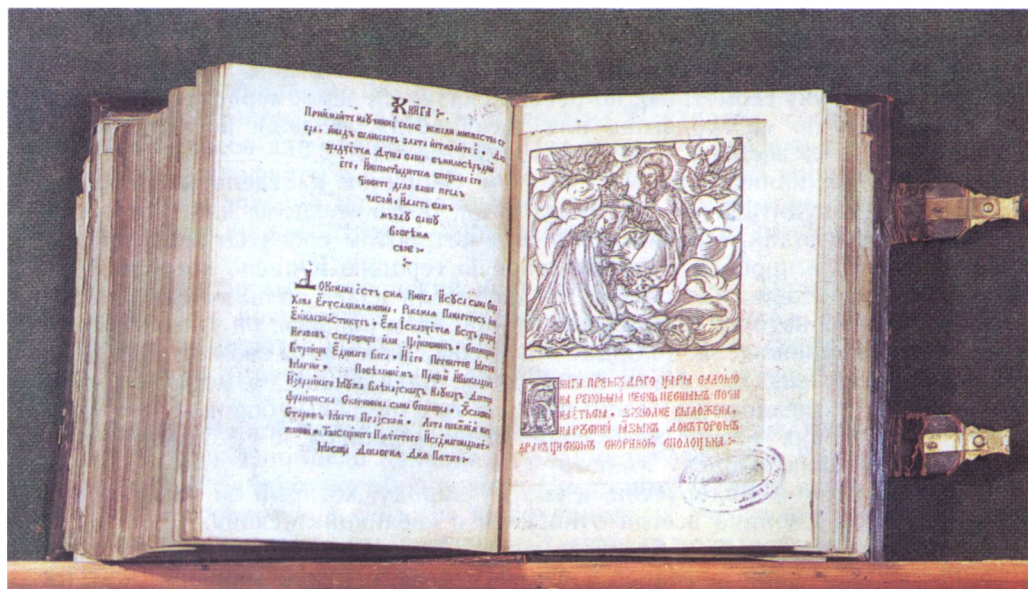
Проходит пять лет, и в столице Чехии — Праге выходит в свет славянская *Псалтырь*, в предисловии к которой сказано: «Я, Францишек Скоринин сын с Полоцка, в лекарских науках доктор, повелел есми Псалтырю тиснути русскими словами, а словенским языком, ... наболей с тое причины, иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил». Здесь недвусмысленно говорится о том, какой язык Скорина считал своим родным.

Датирована *Псалтырь* 6 августа 1517 г. По *Псалтыри* учились читать, а научившись, не раз перечитывали ее. Книга эта, по словам Скорины, «старым потеха и песня, женам — набожная молитва и покраса, детям малым — начало всякой доброй науки, взрослым — помножение в науке».

Все старые учебники очень редки. *Псалтырь* 1517 г. сохранилась всего в двух экземплярах. Ученым она стала известна лишь в 60-х гг. прошлого века, когда библиофил А. И. Хлудов случайно купил хорошо сохранившийся экземпляр на нижегородской ярмарке. В 1904 г. нашелся еще один экземпляр, который был приобретен Петербургской публичной библиотекой.

Средневековая Европа воспринимала мир через призму религиозного мировоззрения. В эпоху Возрождения ученые-гуманисты стали прославлять ум

Титульный лист одной из книг Ф. Скорины.

и способности человека, говорить о его поистине неограниченных возможностях. С религиозных догматов совлекли «одежды божественности». Пока еще робко, но уже говорили, что священная книга иудеев и христиан — Библия — дело рук человеческих. Чтобы приблизить Библию к повседневной действительности, ее надо было перевести на живые языки европейских народов.

Франциск Скорина решил перевести Библию на язык, на котором в ту пору говорили белорусы и украинцы. В 1517—1519 гг. он напечатал в Праге отдельными изданиями 19 книг Библии, им «на русский язык ново выложенных». Просветитель предназначал эти книги светскому читателю, указывал, что «не толико докторове, а люди вченые в них разумеют, но всякий человек простой и посполитый, чтучи их или слушаючи, может поразумети».

Подбор текстов преследовал определенные педагогические цели. В предисловии к Библии Скорина поместил своеобразные методические рекомендации о том, какие книги следует читать, изучая те или иные науки. Средневековое образование, да и наука носили во многом религиозный характер. Поэтому нас не должны удивлять советы Скорины. Его стремление совлечь с Библии «одеяния божественности», приспособить «священную книгу», которая была великим памятником народной словесности, к практическим целям, несомненно, носило прогрессивный характер.

«Хощеши ли умети грамматику или, по-русски говорячи, грамоту,— советует просветитель,— еже добре чести (т. е. читать) и мовити (т. е. говорить) учит, знайдеши в зуполной Библии Псалтыру, чти (т. е. читай) ее. Пакли ти ся любит логику,— она же учит з доводом (т. е. аргументированно) розознати правду от кривды,— чти книгу святого Иова или Послания святого апостола

Павла. Аще ли же помыслиши уметь риторику, еже есть красномовность, чти книги Соломоновы».

Отдельные книги Библии, утверждал Скорина, полезны для изучающих арифметику, «науку геометрию, по-русски скажется землемерие». В них можно найти сведения по «астрономии, или звездочети». А люди военные отыщут здесь рассказы «о военных и о богатырских делах».

Предисловия, написанные Франциском Скориной к отдельным изданиям, позволяют нам судить о его мировоззрении, о его философских, этических и эстетических взглядах. Просветитель был патриотом своей Отчизны, родного языка. Поэтому и прославил он библейскую героиню Юдифь, которая спасла свой народ, обезглавив Олоферна, предводителя войск захватчиков. В предисловии к книге, в которой рассказывалось об этом подвиге, он писал так: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыне, знают ямы свои; птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда свои; рыбы, плавающие по морю и в реках, чуют виры (т. е. гнездовища) свои; пчелы и тым подобные боронят (т. е. защищают) ульев своих — тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть... к тому месту великую ласку имают».

К своей родине — Белоруссии, к своему народу, который он называл «братия моя, Русь», Скорина всегда относился с «великой лаской».

Франциск Скорина был блестящим мастером книги. Он хорошо понимал значение иллюстраций и говорил, что поместил в книге гравюры для того, «абы братия моя, Русь, люди посполитые, чтучи, могли ясней разумети». «Гравюры в его изданиях, — утверждает белорусский скульптор, Герой Социалистического Труда З. И. Азгур, — очень «книжные», они прекрасно ложатся в текст, носят высокопрофессиональный характер. Их отличает убедительный рисунок, тонкий, изящный штрих, мастерски подчеркивающий технологию процесса создания гравюры».

В пражских изданиях Франциска Скорины помещено 45 иллюстраций, отпечатанных способом гравюры на дереве. Позднее я познакомлю читателя с этим способом. Среди гравюр — портрет самого просветителя. Скорина сидит на низком скамеечке перед столиком, на котором лежит раскрытая книга. В руке у него — перо. Сбоку — полки, на которых корешками вверх поставлены книги. Это самый первый портрет издателя и типографа, помещенный в напечатанном им самим издании.

Художественное убранство пражских изданий дополняют 22 большие заставки, немало декоративных виньеток, около 1000 нарядных буквиц-инициалов. В типографском деле Скорина был новатором, не боялся ломать установившиеся каноны. Он ввел в книгу титульный лист, который ни раньше, ни много лет спустя в русской, белорусской и украинской книжности не применялся. Впервые в славянской книге Скорина проставил фолиацию, или последовательную нумерацию листов. Шваймпольт Фиоль и оба Макария нумеровали лишь отдельные тетради. Так же поступал и Божидар Вукович.

В 1520-х гг. Франциск Скорина перенес типографию в Вильну (ныне Вильнюс) — столицу Великого княжества Литовского, чтобы быть поближе к «своей братии, Руси», для просвещения которой он трудился. Мастерская была устроена в доме «почтивого мужа Якуба Бабича, наистаршего бурмистра славного и великого места Виленского». Во дворе этого дома, размещенного неподалеку от ратуши, где сейчас находится Художественный музей, установ-

лен памятный знак: здесь была первая на территории нашей страны типография.

Виленским первенцем белорусского просветителя была «*Малая подорожная книжка*». Так он сам назвал комплекс из 21 издания, среди которых были использовавшиеся для учебных целей Псалтырь и Часословец, торжественные песнопения — акафисты и каноны. Некоторые акафисты Скорина сочинил сам. Часть из них написана рифмованными стихами. Мы можем считать Скорину первым поэтом нашей страны, произведения которого были изданы при его жизни.

Изучая акафисты, московский исследователь А. А. Турилов нашел в них акrostихи. Так называются стихотворения, первые буквы отдельных строк которых складываются в какую-либо фразу. В одном акафисте читается «Доктор Скоринич Францискус», в другом — «Писал доктор Скоринич Францискус».

Издания «*Малой подорожной книжки*» не датированы. Определить время выпуска их в свет помогла находка, сделанная в 1957 г. в Копенгагене. Здесь в Королевской библиотеке обнаружили *Пасхалию*, которая в других экземплярах «*Малой подорожной книжки*» не сохранилась. Это своего рода календарь, в котором указаны даты так называемых «переходящих» праздников, которые в разные годы приходятся на разные дни. Вычислены также даты, в которые произойдут затмения солнца и луны. Рассчитан календарь с 1523 по 1543 г. Выпустить календарь для лет, которые уже прошли, не имело никакого смысла. Поэтому сейчас «*Малую подорожную книжку*» ученые датируют временем около 1522 г. Это и дата появления первой типографии в нашей стране.

В марте 1525 г. Франциск Скорина окончил печатать *Апостол*; сохранилось 10 экземпляров этой книги, которые находятся в библиотеках Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Львова и Лондона. Как и «*Малая подорожная книжка*», *Апостол* напечатан уборым, но исключительно четким шрифтом в удобном и изящном формате — в 8-ю долю листа. Это наши отечественные «эльzeвиры» (так называют малоформатные книги прославленных голландских издателей XVII в.).

Апостол — последняя известная нам книга белорусского просветителя. Больше он ничего не печатал. Или, по крайней мере, мы до сих пор не нашли более позднего его издания.

Скорина жил еще долго, и жизнь эта в соответствии с нравами эпохи была бурной. Во второй половине 1520-х гг. просветитель служил личным секретарем и врачом виленского епископа Яна из князей литовских. Тогда же он женился на Маргарите — вдове одного из членов виленского магистрата. За дом супруги, стоявший на центральной в городе рыночной площади, пришлось судиться с родственниками жены.

Затем Скорина поступил на службу к прусскому герцогу Альбрехту и уехал в Кенигсберг. Оттуда вскоре ему пришлось бежать, причем вместе с ним город покинули врач и типограф, состоявшие при герцоге. Причины бегства неясны. Не знаем мы, и для чего понадобился Франциску типограф. Быть может, он собирался возобновить издательскую деятельность?!

Много неприятностей доставили Скорине кредиторы его брата Ивана, торговавшего кожей; брат умер в Познани в июле 1529 г. Кредиторы требовали, чтобы Франциск уплатил долги Ивана, и, хотя просветитель и не отказывался

сделать это, засадили его в тюрьму. Он был освобожден оттуда декретом польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I. Отмечая заслуги ученого и издателя, король освободил его «на веки вечные от власти обыкновенного суда, воевод и старост».

Последние годы жизни Франциск Скорина провел в Праге, куда его пригласил король Чехии Фердинанд. Здесь его трудами был создан один из первых в Европе ботанических садов.

В одной из пражских хроник есть упоминание, что 2 июня 1541 г. во время пожара погиб «младенец Франтишек, сын покойного доктора Руса». Если этим доктором считать Скорину, нужно признать, что скончался он около 1540 г.

Изданные Франциском Скориной книги широко распространялись на землях не только Великого княжества Литовского, но и Московской Руси. Упоминания о них можно встретить в переписных книгах монастырских библиотек. Среди владельцев изданий Скорины в XVI—XVII вв. были и частные лица — известные купцы и промышленники Строгановы, брестский мещанин Грицко Попович, ярославский купец Егор Третьяк Лыткин, смоленский бурмистр Артемон Семенович Жуков... По книгам этим учились не только читать, но и мыслить.

Скорина, писавший о себе «аз... нароченный в русском языку», одним из первых на Руси понял общественную значимость книгопечатания, его непреходящую роль в политической и культурной жизни народа.

Послания старца Артемия

В середине XVI в. о необходимости книгопечатания задумались и в Москве.

Этот древний город завершал объединение русских земель в единое централизованное и уже многонациональное государство. В конце XV в., в 1478 г., к Великому княжеству Московскому были присоединены обширные владения Великого Новгорода, простиравшиеся от Балтики до Печоры и Оби. За Новгородом под власть Москвы подпали Тверское княжество, в 1503 г. — Чернигово-Северская земля, в 1510 г. — Псков, в 1521 г. — Рязанское княжество.

Уже Иван III именовал себя «Великим князем всея Руси»; его внук Иван Васильевич Грозный в январе 1547 г. венчался на царство.

Царствование Ивана Грозного было противоречивым. Начавшееся важными реформами, носившими прогрессивный характер, оно закончилось откровенным террором, во время которого погибли тысячи людей и который едва не привел Русское государство к краху.

Усиленный хозяйственный и культурный рост страны, широкое развитие различных ремесел, возникновение общерусского рынка, централизация государственной власти — все это вступало в противоречие с устаревшим и малоэффективным рукописным способом изготовления книг.

В ту пору лишь немногие понимали, что экономическую отсталость страны можно преодолеть, лишь углубляя просвещение народа, что было возможно только с внедрением книгопечатания.

Среди людей, задумывавшихся над будущим страны и народа, был просвещенный старец Артемий. По нашим меркам он вовсе не был старым. Стар-

цами называли монахов независимо от их возраста.

Об Артемии мы знаем немного. Одни утверждают, что он принял постриг в Вологде, другие же — Псково-Печерском монастыре. Из Печерского монастыря свободолюбивый монах однажды поехал в близлежащий ливонский город Нейгауз, чтобы с тамошними богословами «поговорить книгами». Поездку эту впоследствии поставили Артемию в строку.

В 1553 г. Артемия обвинили в ереси, осудили и сослали в далекий Соловецкий монастырь. Некоторое время спустя он бежал оттуда в Великое княжество Литовское, по-видимому не без помощи соловецкого игумена Филиппа Колычева, будущего митрополита, не побоявшегося поднять голос против преступных деяний царя Ивана Васильевича Грозного.

Свои взгляды Артемий излагал в *Посланиях* к разным лицам; рукопись посланий еще в середине прошлого века нашел библиограф и собиратель древних книг Вукол Михайлович Ундольский.

Два *Послания*, по единодушному мнению историков, адресованы царю Ивану Васильевичу, хотя именно царя в них нет. Написаны они около 1551 г., когда практически решался вопрос: быть в Москве книгопечатанию или нет. Артемий излагает достаточно четкую гуманистическую программу, защищая «книжное учение» от нападок обскурантов. Он советует молодому царю больше читать, предлагает ему книгу для чтения и одновременно обличает тех, кто протестует против распространения книги в массах. Таких людей, по его словам, немало, и они, не стесняясь, утверждают: «Грех простым читать Апостол и Евангелие!»

Противники просвещения, говорит Артемий, заявляют, что книга есть причина душевных недугов человека. «И еще кому прилучится недуг,— пишет он,— от него же человек естественного смысла испадет, тоже прельщаяще глаголют: «Зашелся есть в книгах!»

Слыша такое, неискушенные люди боятся читать книги, даже опасаются взять их в руки.

Есть у обскурантов и другой аргумент: «Не чти много книг, да не во ересь впадеши!» Артемий отрицает какую-либо связь ересей с просвещением. Более того, он считает, что в ересь впадают те, кто незнаком с книжной премудростью.

Царь Иван Васильевич Грозный.
С гравюры XVI в.

В. Н. Тяпинский-Омельянович.
С гравюры 1576 г.

Еретики, по его словам, «не от книжного чтения прельщают себя, не буди то, но от своего неразумия и зломудрия».

Идет в посланиях речь и об учебниках, которых на Руси было мало. «Зело нужна,— пишет Артемий царю,— божественная сия Азбука к научению детям». Книжное учение тренирует ум, развивает воображение.

Артемий произносит панегирик учению: «Никто же бо с разумом родился когда, но учиться всякому словеси надлежит нужа. Любовь в божественных — любовь человеческих, от учения бо разум прилагается, яко же в святых людях глаголется, еже и до смерти учиться подобает».

«До смерти подобает учиться!» — так до Артемия на Руси еще не говорил никто.

Нам еще придется встречаться с Артемием на страницах этой книги. А пока я приглашаю читателей на Стоглавый собор, который провел в жизнь многие идеи старца.

Решения Стоглавого собора

Этот церковный собор, на который съехались со всей Руси архиепископы, епископы, игумены крупнейших монастырей, заседал в Москве в январе — феврале 1551 г. Собор происходил необычно. Молодой царь задавал иерархам вопросы, а они отвечали на них. Всего вопросов было сто.

Когда собор кончился, искусные писцы переписали все царские вопросы и ответы на них. Получился сборник, в котором было сто глав. Сборник получил название *Стоглав*, а по сборнику и назвали сам церковный собор.

Круг вопросов достаточно широк. В первую очередь обсуждалась большая проблема — владеть монастырям землей и крепостными крестьянами или нет. Крупные церковные феодалы — «осифляне» (так их называли по имени игумена Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого) утверждали: владеть. Их противники — «нестяжатели» были против. Молодой царь и его ближайшее окружение склонялись к мнению «нестяжателей».

Шел на соборе разговор о непорядках в церковном богослужении. Интересовало царя, почему в монастырях «по келиям инде небрежно женки и девки приходят», волновало, «чтобы в пьянстве пастыри не погибли», возмуща-

ло, что «во Пскове граде моются в банях мужи и жены и чернцы (т. е. монахи) и черницы в одном месте без зазору».

Ряд соборных решений подготовил почву для возникновения в Москве первой типографии. Вот один из царских вопросов: «Божественные книги писцы пишут с неправленных переводов, а написав, не правят же, опись (т. е. ошибка) к описи прибывает... И по тем книгам в церквах божиих чтут (т. е. читают), и поют, и учатся, и пишут с них. Что о сем небрежении и о великом нерадении... будет по божественным правилам?»

Речь, таким образом, шла о недостатках рукописного способа изготовления книг.

Один из царских вопросов назывался «О учениках». «А ученики учатся грамоте небрежно», — утверждал царь.

По вопросу о неисправных списках книг Стоглавый собор решил: «...которые писцы по городам пишут и вы бы им велели писати с добрых переводов, да написав правила, потом же бы и продавали, а не правив бы книг не продавали. А который писец, написав книгу, продаст не исправив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением».

Слово «книгопечатание» пока еще сказано не было. Но все вело к этому. Борьба с небрежением писцов надо было кардинальными мерами!

Подумал Стоглавый собор и о том, как наладить систему образования. «И мы о том по царскому совету, — говорилось в одном из разделов *Стоглава*, — уложили в царствующем граде Москве и по всем городам... избрати добрых духовных священников, и дьяконов, и дьяков женатых и благочестивых... могущих и иных пользоваться и грамоте бы и чести и писати горазди. И у тех священников, и у дьяконов, и у дьяков учинити в домах училища, чтобы все православные хрестьяне предавали им своих детей на учение грамоте и на учение книжного письма».

Впервые на Руси создавалась система школьного обучения. Появление же сети училищ и школ с неизбежностью ставило вопрос об учебных пособиях, которых должно было потребоваться немало. Решить этот вопрос могло только книгопечатание.

В дни, когда заседал Стоглавый собор, Ивану IV шел всего двадцать первый год. Мог ли молодой и неопытный царь сформулировать столь четкую систему реформ? Большинство историков считает, что авторами царских вопросов были люди из его окружения. Чаще всего в этой связи называют священника Сильвестра.

Предприимчивый священник Сильвестр

По рождению Сильвестр был новгородцем. В Москве он появился в 30-х гг. XVI столетия. В 1542 г. он был уже священником Благовещенского собора — домово́й церкви московских царей. Выдвинулся он во время страшного московского пожара, случившегося в июне 1547 г. Историк Николай Михайлович Карамзин рассказывает, что во время пожара, когда «юный царь трепетал в Воробьевском дворце своем, а добродетельная Анастасия (первая и самая любимая жена Ивана Грозного. — Е. Н.) молилась, явился там какой-то удивительный муж, именем Сильвестр, саном иерей, родом из Новгорода, прибли-

зился к Ивану с поднятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд божий гремит над главою царя легкомысленного и злострастного... потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши и произвел чудо: Иван сделался иным человеком».

Все это, конечно, красиво, но, по-видимому, далеко от правды. Возвышение Сильвестра произошло постепенно, а его поведение во время пожара лишь упрочило положение священника. Вместе с ним большим влиянием на царя пользовался и незнатный дворянин, приехавший из Костромы, — Алексей Федорович Адашев. Сильвестр, Адашев и близкие к ним молодые люди, стремившиеся реформировать замшелый быт государства, составили при царе правящий кружок, который называли Избранной радой. Кружок этот и провел многие реформы 1550-х гг., среди которых было введение книгопечатания.

И Сильвестр, и Адашев были книжными людьми, любили читать, собрали неплохие библиотеки. Сильвестр и сам писал, хорошо владел пером. Среди его произведений — знаменитый *«Домострой»* — своеобразный свод правил хорошего тона, советов по ведению хозяйства и домоводства. «Как жити с женами, с детьми и с домочадцы» — таков рефрен, проходящий через всю книгу.

«Домострой» Сильвестр писал для своего сына Анфима, дабы преподать ему азы праведной жизни. В начале книги он поместил послание к сыну. Читая его, мы узнаем, что Сильвестр был владельцем большой мастерской, изготовлявшей рукописные книги и иконы. Мастерская была основана еще в Новгороде, но с успехом продолжала свою деятельность в Москве. Сильвестр и сам был превосходным мастером. Наставляя Анфима, он вспоминал, как «многих пустошных сирот и работных и убогих, мужеска полу и женска, и в Новгороде и зде на Москве вскормих и вспоих, до совершена возраста; научих, хто чево достоин: многих грамоте, и писати и пети, иных иконных письма, иных книжного рукоделия, овех серебренново мастерства».

Умелых людей в доме благовещенского попа было много — «иконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы, и плотники, и каменщики, и всякие, и кирпичики, и стенщики, и всякие рукодельники». Мастерские работали на рынок, принося Сильвестру немалую прибыль. «А кому што продаывал, — рассказывал он, — все в любовь, а не в обман; не полюбит хто моего товару, и аз назад возьму». Шла торговля и с иностранцами. В послании к Анфиму Сильвестр говорил, что у него «со многими иноземцы торговля и дружба есть».

Книги из своей мастерской Сильвестр щедро дарил монастырям: Кирилло-Белозерскому, Соловецкому, Чудову. Многие из них сохранились в собраниях этих монастырей, которые ныне хранятся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Государственном Историческом музее в Москве.

В доме у Сильвестра в начале 50-х гг. XVI в. возникла и первая в Москве типография. Дело было новым, и благовещенский священник не знал, как оно будет принято в высших кругах духовенства. Возможно, именно поэтому ни в одной из напечатанных в типографии книг не указано, кто, где и когда их делал. Книги эти ученые называют безвыходными, а типографию — анонимной.

Всего в доме Сильвестра в 50-х — начале 60-х гг. напечатали семь безвыходных книг: три *Четвероевангелия* (их различают по шрифтам: узкошрифтное, среднешрифтное и широкошрифтное), две *Псалтыри* (среднешрифтная и широкошрифтная), *Триодь постную* и *Триодь цветную*.

Кто работал в первой московской типографии

В двух документах 1556 г. — в них речь идет о церковном строительстве в Москве — назван «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев. О нем ничего не известно. Ученые считают, что он работал в анонимной типографии. Там же, видимо, трудился и Иван Федоров — великий просветитель, которому посвящена наша книга. Правда, имя Ивана Федорова в безвыходных изданиях не названо. Нет здесь, впрочем, и никакого другого имени. Но впоследствии первопечатник будет использовать такие полиграфические приемы, которые нигде, кроме типографии Сильвестра, не применялись. Следовательно, научиться им Иван Федоров мог только здесь. Скорее всего, он сам разработал эти приемы.

В конце 1550-х гг. влияние Сильвестра на царя ослабло. Иван Грозный стремится к самостоятельности в государственных делах; опека Сильвестра и Адашева начинает докучать ему. Назревает разрыв, который, наконец, происходит. В 1560 г. Сильвестра заставили постричься в монахи и отправили в далекий Кирилло-Белозерский монастырь.

Книгописная мастерская и типография остались на попечение Анфима Сильвестрова. Но постепенно они приходят в упадок. Быть может, они были разгромлены.

По инициативе царя была основана новая, на этот раз государственная типография. Во главе ее поставили Ивана Федорова — наиболее способного мастера первой московской книгопечатни. Это решение Ивана IV — закономерный результат политики централизации, усиленно проводимой им во всех областях политической, экономической и культурной жизни Московской Руси.

Глава третья,
**В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЮ БУДЕТ ПРЕДСТАВЛЕН
ВЕЛИКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ ИВАН ФЕДОРОВ**

Памятник в центре Москвы

Великие дела предков потомки увековечивают в бронзе и чугуне, в мраморе и граните...

В самом центре Москвы, на одном из наиболее оживленных проспектов столицы, стоит памятник, воздвигнутый в 1909 г. скульптором Сергеем Михайловичем Волнухиным (1859—1921). Мимо него вниз, к площади Свердлова, неудержимо стремится поток автомобилей. Толпа людей, не умолкая ни на секунду, заполняет тротуары. Плавный приволжский говор смешивается с гортанной кавказской речью. Каких только языков и наречий здесь не услышишь!

Памятник стоит на пригорке над всей этой многоголосицей, словно отгородившись невидимой стеной от людской сумятицы. Он скромн и не подавляет грандиозностью, как некоторые другие монументы. Но его эпическое спокойствие вносит упорядочивающее начало в повседневную жизнь оживленной магистрали.

На пьедестале, облицованном черным мрамором, стоит человек в старинной долгополой одежде. Открытое русское лицо, высокий лоб мыслителя, перехваченные ремешком волосы...

К подножию памятника ведет неширокая лестница. Уже поднимаясь по ней, видишь слова на скромном четырехгранном постаменте:

Николы чудотворца Гостуньского

диякон

ИВАН ФЕДОРОВ

А несколько ниже, по обе стороны барельефа, на котором изображена рука, держащая гербовый щит, выбита дата:

1563 19 апр.

Если обойти памятник с другой стороны, можно прочесть на постаменте такие слова:

Первее нача печатати
на Москве святые книги
в лето 7070 первое
апрilia 19
ради братий моих
и ближних моих

Поясним, что 7071 г. «от сотворения мира» означает 1563 г. по современному летосчислению.

Сегодняшние прохожие не знают, кто такой Никола Гостунский. Далеко не каждый сможет толково рассказать, в чем заключались обязанности дьякона. Но имя Ивана Федорова — человека, подарившего нашей стране книгопечатание, великого просветителя и гуманиста — известно всем.

Типографский станок — детище эпохи Возрождения. «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того человечеством, — писал Фридрих Энгельс, — эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».

Одним из таких титанов был великий русский просветитель Иван Федоров.

Старые русские историки считали Ивана Федорова не более чем мастером, ремесленником, послушным исполнителем воли сильных мира сего, задумавших приобщить Россию к печатному слову. В брошюре, которую раздавали участникам конкурса на проект памятника первопечатнику, была помещена статья историка Ивана Егоровича Забелина, в которой великий просветитель был показан в первую очередь как религиозный деятель.

«В своем труде и подвиге, — писал Забелин, — он стоял на высоте религиозного сознания. Печатное слово он почитал талантом, дарованным самим Господом, и очень боялся уподобиться лукавому и ленивому рабу, очень опасался сокрыть Господний талант в землю... Он разумел себя только служителем Церкви, служителем всему народу. Он же и был диаконом у Николы Гостунского в Кремле».

В полном соответствии с такой трактовкой жизни и дела великого просветителя на постаменте памятника начертали: «Николы чудотворца Гостунского дьякон Иван Федоров».

Именно так! Не просветитель, не гуманист, даже не первопечатник! А что такое дьякон? Это человек, стоявший на низшей ступени церковной иерархии, в XVI в. обычно полуграмотный...

Мог ли такой человек отобрать в рукописной книжности наилучшие тексты для полиграфического воспроизведения, мог ли сравнить эти тексты с греческими, латинскими и древнееврейскими оригиналами, мог ли отредактировать их и выправить ошибки? Сумел бы он освоить комплекс достаточно сложных производственных процессов, необходимых для создания типографии? Ответ может быть только отрицательным.

Годы учебы

Сегодня мы не сомневаемся, что мастера, стоявшие у истоков печатного дела, знакомившие с типографским станком разные страны и народы, были людьми высокообразованными, имевшими зачастую университетское образование. Читатель помнит о том, что Иоганн Гутенберг учился в Эрфуртском университете, а Франциск Скорина — в Краковском и Падуанском.

Есть определенные основания предполагать, что и Иван Федоров занимался в Краковском университете. Он знал древнегреческий язык, писал и печатал на этом языке. Знал и латынь. В письме первопечатника саксонскому курфюрсту

Августу, написанному по-латыни 23 июля 1583 г., он называет себя «Иван Федорович Москвитин, типограф греческий и славянский».

Близкое по звучанию имя «Иван сын Федора Москвитин» нашлось в книге Краковского университета, куда записывали имена лиц, удостоенных ученых степеней. «Иван сын Федора» получил в 1532 г. степень бакалавра. Чтобы стать бакалавром, требовалось два-три года, записывались же в университет 15—18 лет от роду. Значит, «Иван сын Федора Москвитин», в котором мы бы хотели видеть будущего первопечатника, родился около 1510 г.

Следующее упоминание об Иване Федорове встретится нам только в 1564 г. на страницах первой точно датированной московской печатной книги *Апостол*. Тридцать два года его жизни скрыты от нас непроницаемой пеленой столетий. Где и как провел Иван Федоров это время, чем занимался? Можно с уверенностью сказать, что эти годы не прошли для него даром. Это было время учебы, напряженного труда.

Именно в эту пору и освоил он основы типографского ремесла. Быть может, первые свои знания в этой области он получил в Кракове, где было много искусных книгопечатников.

В московскую анонимную типографию, основанную Сильвестром, Иван Федоров пришел уже сложившимся мастером. Он трудился здесь, скорее всего, с 1553 по 1563 г. На нем и на его друге Петре Тимофеевиче Мстиславце лежали и редакторские обязанности. Правда, деятель польско-литовской религиозной реформации Сымон Будный впоследствии в предисловии к *Новому завету*, вышедшему в свет в 1574 г. в белорусском городе Лоске, критиковал эту сторону деятельности первопечатников: «Знаю, что многие недавние и небольшие ошибки они-то друкари, как мне сами сообщили, по старым книгам исправили, но старые маркиановские, гомозианские и других еретиков искажения не по московскому собранию книг править, и мало для этого голов Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Учинили то, что могли, за что им другие должны быть благодарны...»

Это свидетельство Сымона Будного ценно для нас тем, что прямо указывает на редакторскую работу Ивана Федорова над славянскими евангелиями. А значит, первопечатник работал в типографии Сильвестра, ибо следующее *Четвероевангелие* было издано в Москве только в 1606 г.

О том же говорят и типографские особенности безвыходных изданий. Мастера первой московской типографии были знакомы с западноевропейской печатной книгой. Но вместе с тем они использовали некоторые полиграфические приемы, которые ранее нигде в мире не применялись. Среди них, например, метод набора с так называемым «перекрещиванием строк», который позволяет имитировать страницу рукописной книги. А первые печатники стремились к тому, чтобы издания их во всем походили на рукописи. Аналогичный прием впоследствии использовал и Иван Федоров. Значит, у нас появляется возможность утверждать, что первопечатник работал в первой московской типографии. Есть и другие нити, связывающие его с мастерской Сильвестра.

В 1563 г. Иван Федоров начал печатать *Апостол* — первую книгу, в которой указано его имя.

«Первого издания печатным тиснением»

Осенью 1695 г. Петр I осматривал «книгохранительную палату» кремлевского Чудова монастыря. В покоях стояла полутьма. Тонкий солнечный луч, пробившийся через зарешеченное оконце, осветил массивные дубовые полки. Царь взял один из томов, стукнул о колено, чтобы отряхнуть от пыли. С любопытством стал перелистывать. Что-то привлекло его внимание на последних страницах. Петр перечитал их, закрыл книгу, застегнул медные застёжки, сунул том под мышку и размашистым шагом вышел во двор.

С книгой, заинтересовавшей царя, ныне можно познакомиться в Центральном государственном архиве древних актов. Длинные узкие окна серого здания центральных архивов смотрят на Большую Пироговскую улицу. Когда-то здесь пролежала старая Литовская дорога и по ней в Новодевичий монастырь везли опальную царевну Софью.

Книга, о которой шла речь, хранится в фонде Синодальной типографии, унаследовавшей древнюю библиотеку Московского Печатного двора. О том, как она попала сюда, рассказывает запись на одной из страниц:

«Книга великого Государя казенная, взята из книгохранительной палаты Чудова монастыря для того, что она первого издания печатным тиснением. И от той книги почала быть Московская книжная типография. И отдана в книгохранительную палату, потому что на Печатном дворе в книгохранительной палате такой книги не было».

Запись сделал дьяк Андрей Михайлов 3 ноября 1695 г.

Откуда царь Петр узнал, что именно эта книга «первого издания печатным тиснением»?

Раскроем том и заглянем в конец его.

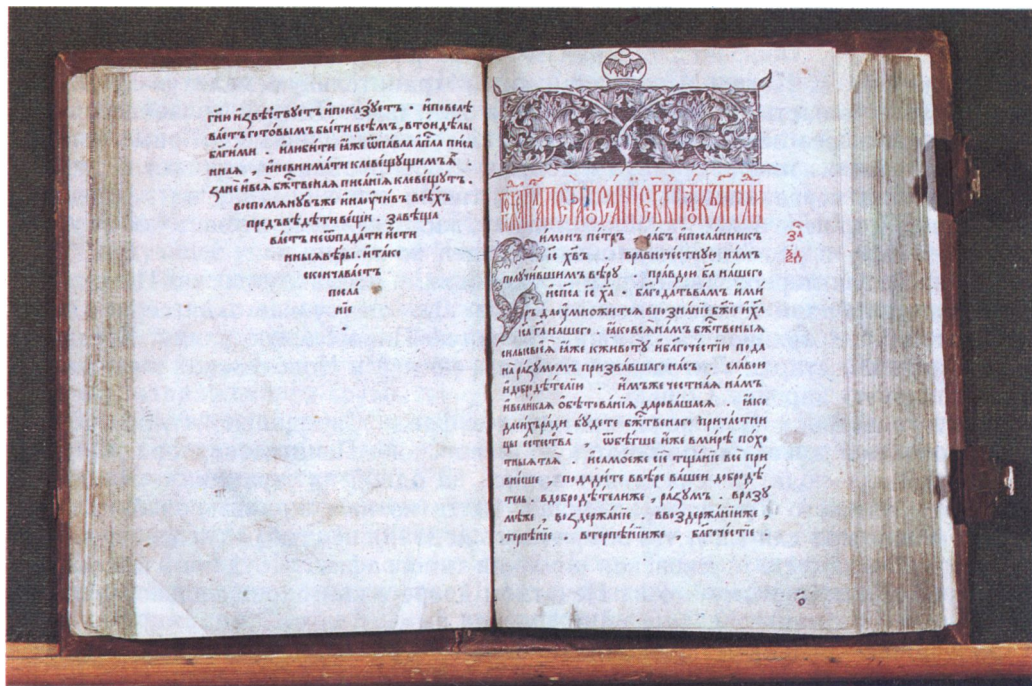
Строки, отпечатанные четким и красивым славянским шрифтом, читаются легко. Перед нами послесловие, автор которого рассказывает о большом церковном строительстве, предпринятом «повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича». По всем городам Московской Руси, а особенно в недавно завоеванной Казани, воздвигались «многие святые церкви». Храмы царь украшал «честными иконами, и святыми книгами, и сосудами, и ризами, и прочими церковными вещами».

Книги Иван Грозный велел покупать «на торжищах». Среди рукописей — а печатных книг на Руси в ту пору еще не было — «мало обретошася потребни», большинство же было неисправных — с ошибками, а иногда и с прямой ересью. Ошибки делали переписчики, которых автор послесловия именует «ненаученными и неискусными в разуме».

Когда об этом доложили царю, он решил завести типографию — стал «помышляти, како бы изложить печатные книги». Он знал, что такие книги есть у греков, в Венеции, «во Фригии» (это, возможно, «Фрягия», как на Руси называли Италию), в «прочих языцех». Мысль свою Иван IV изложил митрополиту Макарию, который «зело возрадовся» и благословил царя на основание типографии. Тогда-то и начали «изыскивати мастерства печатных книг».

Царь приказал соорудить «дом..., иде же печатному делу строитися». Нашлись мастера — дьякон церкви Николы чудотворца Гостунского Иван Федоров да Петр Тимофеев Мстиславец. Мастера эти «первое начаша печатати» именно ту книгу, о которой идет речь, — «Деяния апостольские и послания соборные и святого апостола Павла послания».

Апостол 1564 г.— первая точно датированная русская печатная книга.

Для простоты и краткости эту книгу на протяжении вот уже нескольких столетий именуют просто *Апостолом*.

Экземпляр, побывавший в руках царя Петра, в 1908 г. показывали на выставке, устроенной в память 200-летия гражданского алфавита, введенного царем-реформатором. В 1914 г. историк Алексей Алексеевич Покровский (1875—1954) опубликовал запись, сделанную на страницах книги дьяком Андреем Михайловым. В том же 1914 г. экземпляр увезли в Лейпциг — на Международную выставку печатного дела и графики. Вскоре началась война, и следы книги потерялись...

В начале 60-х гг., работая над монографией «Возникновение книгопечатания в Москве», я решил просмотреть в библиотеках, музеях, архивах все сохранившиеся до наших дней экземпляры *Апостола*. Их оказалось немало: в ту пору мне было известно более сорока, сейчас их число превысило шестьдесят. Экземпляр с записью Андрея Михайлова я отыскать не сумел. В Центральном государственном архиве древних актов сказали, что книга утеряна.

«Скорее всего, она осталась в Лейпциге», — предположила сотрудница архива.

В Лейпциг я впервые попал в 1968 г. В ту пору я меньше всего думал о пропавшем *Апостоле*. Монография моя уже вышла, работал я над другой темой. Постоянные «книжные» интересы привели меня в старейший в мире Германский музей книги и шрифта. Я много читал об этом музее, открытом в 1885 г.,

полностью разрушенном в годы последней войны и с любовью воссозданном книговедами Германской Демократической Республики.

Я долго стоял перед изогнутым по дуге зданием Немецкой библиотеки, в котором размещен музей. Неподалеку высилась бесформенная громадина памятника Битвы народов, воздвигнутого в 1913 г., когда отмечалось 100-летие сражения. И как аккомпанемент к нему — золотая маковка русской церкви — память о 22000 наших соотечественников, сложивших головы в кровопролитном бою против армии Наполеона.

С фронтона Немецкой библиотеки смотрел Иоганн Гутенберг — изобретатель книгопечатания. Рядом с ним странно смотрелся бюст «железного» канцлера Отто Бисмарка.

По залам музея меня водил директор Фриц Функе, автор широко известного учебника «Книговедение», выдержавшего много изданий. В 1982 г. он вышел и на русском языке под моей редакцией.

Около одной из витрин я резко остановился, к немалому удивлению моего спутника. Под стеклом — хорошо знакомый мне разворот *Апостола* Ивана Федорова с записью Андрея Михайлова. По моей просьбе витрину тут же открыли.

Книга, однако, оказалась неподлинной. Это был лишь хорошо сработанный муляж с факсимильным воспроизведением разворота. Как я узнал впоследствии, в 20-х годах факсимиле было опубликовано в немецком книговедческом журнале.

Где же сам экземпляр? Быть может, в одной из немецких библиотек? Или погиб в годы последней войны?

Отыскалась книга... в Москве, в том самом Центральном государственном архиве древних актов, где ее долго считали утерянной. Пришла в архив молодая энергичная сотрудница Светлана Романовна Долгова, привела в порядок библиотеку и обнаружила в ней много такого, о чем ранее никто не догадывался и о чем можно рассказывать часами. Впрочем, сама Светлана Романовна — ныне кандидат филологических наук и автор нескольких книг — это с успехом делает.

Среди находок — и тот экземпляр *Апостола*, который некогда перелистывал Петр I. Статью об этом экземпляре С. Р. Долгова в 1973 г. напечатала в известном нашем книговедческом сборнике «Книга. Исследования и материалы». Кроме записей Андрея Михайлова, на страницах *Апостола* отыскились и другие. Старейшая из них сделана 26 октября 1570 г. — через шесть лет после выхода книги в свет. Рассказывает она о том, что инок Сергей, который «в миру был Семен Савельев сын», подарил книгу в Чудов монастырь.

Запись свою Сергей заключил заклатьем: «И кто сию книгу возьмет насильством, архимандрит или иные кто, и он со мной судится пред богом».

Петр I не испугался заклатья и 125 лет спустя передал книгу на Печатный двор.

Читатель помнит, что молодому царю, энергично переустранивавшему быт и экономику России, мы обязаны и другой находкой — *Остромировым Евангелием*.

Когда началось книгопечатание в Москве

Послесловие к московскому *Апостолу* Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца — первое произведение русской литературы, отданное типографскому станку. Первопечатник был большим мастером слова.

Я уже цитировал послесловие. Но отдельные фразы, вырванные из контекста, не могут дать представления о всем произведении, о литературном таланте его автора. Дорогие читатели! Вслушайтесь в музыку древнерусского текста. Внимание! Говорит Иван Федоров:

«Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святого духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея великия Росия самодержца и благословением преосвященного Макария, митрополита всея Руси, многи святые церкви воздвизаемы бываху во царствующем граде Москве и по окрестным местам и по всем градам царства его, паче же — в новопросвященном месте во граде Казани и в пределах его. И сия вся святыя храмы благоверный царь украшаше честными иконами и святыми книгами, и сосуды, и ризами, и прочими церковными вещми по преданию и по правилу святых апостол и богоносных отец и по изложению благочестивых царей греческих, во Цареграде царствовавших, великаго Константина, и Устинияна, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей, в своя времена бывших. И тако благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повеле святыя книги на торжищах куповати и в святых церквах полагати: Псалтыри, и Евангелия, и Апостолы, и прочая святыя книги. В них же мали обретошася потребни, прочии же вси растлени от преписующих ненаученных сущих и неискусных в разуме, ово же и неисправлением пишущих. И сие доиде и царю в слух. Он же начат помышляти, како бы изложити печатные книги, яко же в греках, и в Венеции, и во Фригии, и в прочих языцех, дабы впредь святыя книги изложилися праведне. И тако возвещает мысль свою пресвященному Макарию митрополиту всея Руси. Святитель же, слышав, зело возрадовася, и богови благодарение воздав, царю глаголяше, яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ. И тако повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением пресвященного Макария митрополита начаша изыскивати мастерства печатных книг...»

Здесь мы на время прервем Ивана Федорова. Воспроизводя его речь, я несколько осовременил орфографию и не соблюдал пунктуацию XVI в., во многом случайную. Дальнейший же текст нужно привести с максимальной точностью, ибо над его противоречивостью давно ломают голову ученые. Продолжает говорить Иван Федоров:

«...начаша изыскивать мастерства печатных книг, в лето, 61, осмыя тысящи, въ, 30, е, лето государства его. Благоверный же царь повеле устроить дом от своея царския казны, иде же печатному делу строитися. И нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем, Николы чудотворца Гостуньского дякону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатному делу и к их упокоению, дондеже и на совершение дело их изыде».

Здесь приведена дата, когда в Москве начали сооружать типографию. Случилось это в 61-м году восьмого тысячелетия на 30-м году царствования Ивана Васильевича Грозного.

В допетровской Руси время отсчитывали от «сотворения мира», которое, как утверждали богословы, произошло в 5508 г. «до рождения Христова». Чтобы перейти от старого летосчисления на новое, введенное в России по указу Петра I с 1 января 1700 г., нужно от старой даты отнять 5508.

Произведем нехитрое арифметическое действие: 7061 г.— это 1553 г. Но вот беда! 30-е лето царствования Ивана Грозного приходится не на 1553, а на 1563 г.

Когда же была основана первая типография в Москве — в 1553 г. или же 10 лет спустя?

В послесловии есть и другие даты. Пусть об этом скажет сам Иван Федоров:

«И первое начаша печатати сия святыя книги Деяния апостольска и послания соборная и святого апостола Павла послания в лето 7070 первое, априля в 19 день на память преподобного отца Иоанна Палеврета... Совершени же быша в лето 7070 второе марта в 1 день при архиепископе Афанасии митрополите всея Росия в первое лето святительства его».

Опять займемся арифметикой и узнаем, что *Апостол* начали печатать 19 апреля 1563 г. и закончили 1 марта 1564 г.

«Все понятно,— скажет читатель.— Ежегодно, 1 марта, мы можем отмечать юбилей русского книгопечатания».

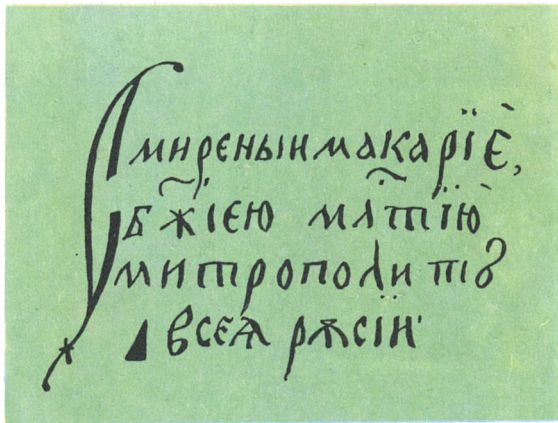
Не будем, однако, торопиться!

Мы с вами не учли разницы между старым стилем — Юлианским календарем, и новым, который введен в 1582 г., еще при жизни Ивана Федорова, римским папой Григорием XIII, почему и получил название Григорианского. В нашей стране Григорианский календарь стал употребляться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Торопливый читатель и здесь постарается сказать слово. Он вспомнит, что старики празднуют Новый год не 31 декабря, а 13 января. Значит, чтобы перевести дату по старому стилю на новый, нужно прибавить к ней 13 дней.

И все же отмечать юбилей русского книгопечатания 14 марта нельзя. Разница между Юлианским и Григорианским календарями накапливалась постепенно. В XX в. она действительно составляет 13 дней. А во времена Ивана Федорова была поменьше.

Вводя новый календарь, Григорий XIII повелел, чтобы 5 октября 1582 г.

Так подписывался митрополит Макарий — один из покровителей Ивана Федорова.

Иван Федоров в своей типографии. С картины XX в.

считали 15 октября. Разница между новым и старым стилем в ту пору составляла не 13, а 10 дней.

400-летие русского книгопечатания отмечали 11 марта 1964 г. Впрочем, мы в свое время узнаем, что и эта дата условна.

Итак, *Апостол* начали печатать 29 апреля 1563 г., а окончили 11 марта 1564 г.

Сопоставив эти даты с указанием на время начала строительства типографии, ученые решили, что 7061 г. «от сотворения мира», или 1553 г. «от рождения Христова», не более чем опечатка. Не могли же строить избу, в которой помещалась типография, 10 лет! Правильная дата не «в лето 61 осмая тысящи», а «в 30-е лето государства его».

На самом деле 1553 г. в послесловии *Апостола* был указан совсем не случайно. В этом году начала работать анонимная типография Сильвестра. Сказать о ней прямо Иван Федоров не смог из-за опалы благовещенского попа.

Трудные времена

Апостол 1564 г.— книга большого формата (примерно 28×18 см), содержащая 268 листов, отпечатанных красивым шрифтом, восходящим к московским полууставным почеркам XVI в. Основному тексту предпослан гравированный на дереве фронтиспис, на котором изображен один из легендарных авторов книги — апостол Лука. Книга богато и с большим вкусом украшена. В ней 48 заставок, отпечатанных с 20 ксилографических досок, 22 буквицы-инициала, 54 рамки и 24 строки узорной замысловатой вязи, которой воспроизведены названия разделов.

Судя по всему, *Апостол* 1564 г. был напечатан достаточно большим тиражом, думается, не менее 2000 экземпляров. До наших дней дошел 61. Книги эти хранятся в библиотеках, музеях, архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Брянска, Владимира, Горького, Иванова, Казани, Львова, Новосибирска, Риги, Свердловска, Устюжны, Фрунзе... Есть они и за рубежом — в Вашингтоне, Дублине, Кембридже, Лондоне, Праге. Все эти экземпляры тщательно изучены. Записи на их страницах расшифрованы и опубликованы, что позволяет судить о географии распространения книги и ее читателей.

Вторым московским изданием Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца был *Часовник* — небольшая по формату и скромная по сравнению с *Апостолом* книга, содержащая 172 листа. По *Часовнику*, как и по *Псалтыри*, в ту пору учились грамоте. В детских руках книги долго не живут. Я уже говорил, что все старые учебники редки. Спрос на *Часовники* был большой. Поэтому Иван Федоров напечатал книгу двумя изданиями, причем к работе над вторым из них приступил, еще не кончив первое. Ученые предполагают, что второе издание делалось по заказу купцов и промышленников Строгановых, которые владели обширными землями на севере страны. У них была большая библиотека. Сохранилась ее опись, составленная в 1578 г. Здесь учтено 48 *Часовников* Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Строгановы часто дарили книги церквям и монастырям.

Первое издание *Часовника*, печатавшееся с 9 августа по 29 сентября 1565 г., известно сейчас в единственном экземпляре, который был найден в начале

XX столетия в Королевской библиотеке в Брюсселе. Лет двадцать назад библиотека выпустила факсимиле этого уникала. От второго издания, печатавшегося со 2 сентября по 29 октября 1565 г., сохранилось пять экземпляров: три из них находятся за границей, а два — в Ленинграде. Один из «Часовников» был найден совсем недавно в заброшенной северной деревне.

Вскоре после выхода *Часовника* в свет Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец покинули Москву и уехали в Великое княжество Литовское. Что заставило их сделать это? Ученые отвечают на этот вопрос по-разному.

Ранее считали, что главными врагами первопечатников были переписчики, которые даже подожгли типографию. На самом деле у мастеров рукописной книги не было для этого никаких оснований. Рукописные книги мирно уживались с печатными, они преобладали на книжном рынке еще в XVII в.

Сам Иван Федоров в послесловии к книге, изданной в 1574 г. во Львове, говорил, что в Москве нашлись люди, которые «зависти ради многие ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и божие дело вконец погубити». Обвинение в ереси по тем временам грозило многими бедами. «Зависть и ненависть» недоброжелателей заставили типографов покинуть отчизну: «...от земли и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели».

О недоброжелателях своих Иван Федоров говорит скупно. Он лишь замечает, что притеснения исходили не от царя — «не от самого того государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель».

Иван Федоров мог искренно верить, что царь непричастен к тем обвинениям, которые стали возводить на начинателей печатного дела. Когда же впоследствии на чужбине просветитель вновь в мыслях пережил все случившееся, истинная роль царя могла открыться ему. Но и здесь он счел себя не вправе осуждать Ивана Васильевича Грозного, ибо русский человек XVI в. склонен был обожествлять своего властелина. Об этом достаточно откровенно сказал младший современник первопечатника дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника» — важного источника по истории России конца XVI — начала XVII в.: «Не праведно о царюющем худым многословити, ниже без муки, иже аще что порочно; лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрыти, яко же ризою».

В общем же, говоря словами советского поэта: «И что не так — скажи, что так!»

Вторая половина 1560-х гг. — трудные времена на Руси. Царь Иван IV, по инициативе которого возникла государственная типография, отдавал все силы ожесточенной внутривластной борьбе. В декабре 1564 г. он объявил, что «оставляет государство», и переехал в Александрову слободу, формально посадив на престол татарского царевича. Вскоре было учреждено опричное войско, призванное искоренить феодально-аристократическую оппозицию. Начались массовые казни. В начале 1566 г. тяжело заболел преемник Макария митрополит Афанасий, поддерживавший печатников. Предчувствуя, что митрополит вскоре уйдет с политической арены, и понимая, что внутривластная обстановка в стране не благоприятствует просветительской деятельности, Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец решили покинуть Москву. Уход этот вовсе не был «изменой» или «дезертирством», как это рисуется некоторым авторам. Восточные земли Великого княжества Литовского, куда направились первопечатники, населяли украинцы и белорусы, исповедовавшие православ-

ную веру. В те годы, да и впоследствии, переходы людей из Московской Руси в Литовскую землю и обратно происходили достаточно часто. В 1586 г., например, «выехал из Литвы» и пришел в Москву мастер Анисим Михайлов Радишевский, ученик Ивана Федорова.

На белорусской земле

Украинцы и белорусы, жившие в Великом княжестве Литовском, говорили на языке, который они сами называли русским. Этот старобелорусский язык был государственным языком княжества. Печатники рассчитывали найти здесь приложение своему искусству и не ошиблись. Великий гетман княжества Григорий Александрович Ходкевич пригласил их в свое имение Заблудов. Здесь в 1568 г. была основана славянская типография кирилловского шрифта.

17 марта 1569 г. вышла в свет первая книга — *Учительное Евангелие*. Это был сборник «бесед» с толкованием евангельских текстов. Среди «бесед» — и «Слово на Вознесение» Кирилла Туровского, древнерусского писателя и проповедника XII в.

Учительное Евангелие отпечатано в большом формате, но скромно. Иллюстраций в книге нет, если не считать изображения герба Г. А. Ходкевича. Орнаментальное убранство скудно: всего три заставки, шесть концовок и два инициала. Украшения отпечатаны с досок, которые уже использовались в Москве.

Длинный текст, помещенный на титульном листе, сообщал сведения об издании:

«Книга, зовемая Евангелие учительное... на поучение христоименитым людем ко исправлению душевному и телесному божиею помощию выдрукована (т. е. напечатана. — *Е. Н.*). За щастливого панования (т. е. правления) наяснейшего государя нашего Жикгимонта Августа, божиею милостию короля польского и великого князя литовского, русского, прусского, жомойтцкого, мазовецкого, вифляньского и иных. А при архиепископе Ионе божиею милостию митрополите киевском и галицком и всея Руси. И выдана есть во отчизном имению пана виленского, гетмана наивышшаго Великого князьства Литовского, старосты городеньского и могилевского его милости пана Григория Александровича Ходкевича в месте, зовомом Заблудовью властным (т. е. собственным) накладом его милости. А начася сия книга друковати по воплощению сына слова божия 1568 месяца июля 8 и совершися року 69 месяца марта 17».

Вслед за титульным листом шло предисловие, написанное от имени гетмана. «Сего ради аз Григорей Александрович Ходкевича, — говорилось в нем, — видех таковое христианское научение в сей книзе, восхотех еже бы слово божие розмножилось и на учение людем закону греческого ширилося, занеже оскуде сих книг на много различных местех. И не пощадох от бога дарованными сокровищ на сие дело дати. К тому же изобретох себе в том деле друкарском людей наученных Ивана Феодоровича Москвитина, да Петра Тимофеевича Мстиславца. Повели есми им учинивши варстат (т. е. мастерскую) друкарский и выдруковати сию книгу».

Ходкевич рассказывал о спорах, на каком языке печатать книги: на славянском, применявшемся в церковном богослужении, или же на народном, бело-

Гетман Григорий Александрович Ходкевич. С гравюры XIX в.

Герб Г. А. Ходкевича из *Учительного Евангелия*. ►

русском. Сам он склонялся к последнему: «Помыслил же был...сию книгу выразумения ради простых людей преложити (т. е. перевести) на простую молву». Гетман имел в том деле «попечение великое», но принять окончательно самостоятельное решение не хотел. На совет были призваны «люди мудрые в том письме, ученые». Они не рекомендовали ему переводить книгу на «простую молву».

«Прекладанием з давних пословиц на новые,— сказали советчики,— помылка (т. е. ошибки) чинится немалая, яко же и ныне обретається в книгах нового переводу».

Внимая совету, Г. А. Ходкевич приказал Ивану Федорову отпечатать *Учительное Евангелие* по старым рукописям, «яко з давна писаную».

Сохранилось 44 экземпляра книги. Записи, которые владельцы делали на них, рассказывают о том, что немалая часть тиража была распространена в России. Среди 208 книг, находившихся в 1578 г. в библиотеке торговых людей Строгановых, было 27 *Учительных Евангелий*.

Между Московским государством и Великим княжеством Литовским шла война. Но торговые и культурные связи не прерывались. Книги первопечатника в большом количестве попадали на родину.

Второе заблудовское издание — *Псалтырь с Часословцем* — Иван Федоров печатал один. Его друг и помощник Петр Тимофеев Мстиславец ушел в Вильну и основал там собственную типографию. Работать над *Псалтырью* Иван Федоров начал 26 сентября 1569 г. и завершил 23 марта 1570 г. Книга очень редка, ибо и ее использовали для обучения грамоте. Известны лишь три экземпляра, самый полный из них найден в 1968 г. в Англии.

В книге две цельностраничные гравюры: герб Г. А. Ходкевича и изображение царя Давида, легендарного автора Псалтыри. Царь сидит на троне с книгой в руках. Неподалеку — лев. Рисунок трона, как установил член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Алексеевич Сидоров, скопирован с одной из гравюр немецкой Библии 1560 г. Это лишний раз свидетельствует о том, что Иван Федоров был блестяще образован и хорошо знал современную ему западноевропейскую книгу.

И опять пришлось первопечатнику собираться в дорогу. Гетман Григорий Александрович Ходкевич стал стар, финансовые дела его пришли в упадок, и он решил прекратить издательскую деятельность. Чтобы вознаградить Ивана Федорова, гетман подарил ему деревню Мизяково (ныне в Калиновском районе Винницкой области), предложил заняться земледелием. Типограф был уже не молод: ему исполнилось шестьдесят. Заманчивое предложение Ходкевича сулило безбедную старость. Но Иван Федоров отказался, он считал своим долгом, пока есть силы, продолжать выпускать книги для родного народа.

«Откуда начася и како свершися...»

Осенью 1572 г. Иван Федоров со всеми своими инструментами и шрифтами перебрался в древний украинский город Львов. Здесь — в доме бондарного мастера Адама Торека на Краковской улице — была основана первая на украинской земле типография. Иван Федоров долго не мог собрать деньги на нее. Помогли печатнику львовские ремесленники, один из которых — седельный

мастер Семен Каленикович — одолжил Ивану Федорову колоссальную по тем временам сумму — 700 золотых.

25 февраля 1573 г. Иван Федоров начал, а 15 февраля 1574 г. закончил печатать *Апостол* — повторение московского издания.

Львовский *Апостол* превосходно оформлен. В книге три цельностраничные иллюстрации — изображение апостола Луки, герб Г. А. Ходкевича и удивительно декоративная геральдическая композиция, в которую вкомпонован герб города Львова и типографский знак Ивана Федорова. Знак этот отныне можно будет найти на всех книгах первопечатника. Его выбьют и на могильной плите Ивана Федорова, а три с лишним столетия спустя воспроизведут на московском памятнике.

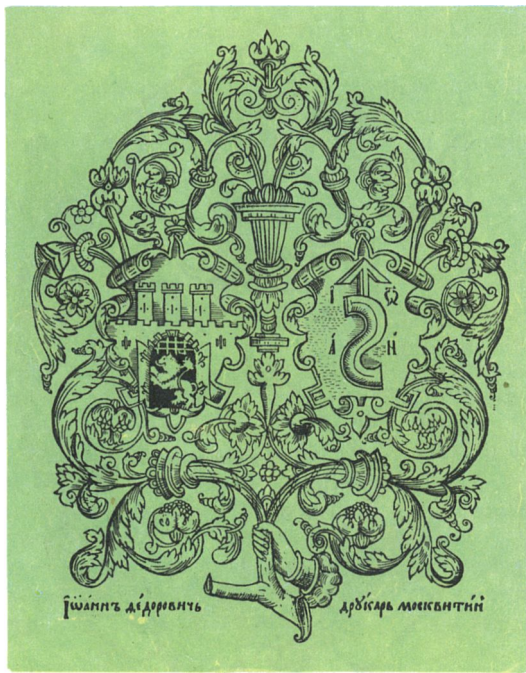
Художественное убранство *Апостола* 1574 г. дополняют 51 прекрасная заставка, 47 концовок и 23 буквы.

Напечатан *Апостол* значительным по тем временам тиражом — не менее 3000 экземпляров. Об этом свидетельствует большое количество — около 100 — экземпляров, дошедших до нас. С книгой этой можно познакомиться не только в Москве, Ленинграде, Киеве и Львове, но и в Брянске, Вильнюсе, Владимире, Горьком, Днепропетровске, Новосибирске, Саратове, Свердловске, Харькове. Львовский *Апостол* есть и во многих зарубежных библиотеках — в древнем Хиландарском монастыре на Афоне, в Белграде, Будапеште, Варшаве, Кембридже, Кракове, Нью-Йорке, Пловдиве, Праге, Риме, Упсале...

Изучая старопечатные книги, исследователь извлекает из них подчас бесценные сведения о трудах и днях наших предков. Приемы набора и верстки, методы печати рассказывают об уровне материальной культуры, об успехах древнерусского ремесла. Текстологические исследования первых книг питают историю родного языка. На гравированных изображениях — в фигурах библейских персонажей — можно разглядеть бородатые мужественные лица русских людей, погодков тех богатырей, которые с Ермаком Тимофеевичем воевали Сибирь.

Есть в первопечатных книгах страницы исключительной важности. Это предисловия и послесловия — живое слово издателей и типографов, их беседа с современниками и потомками.

Разные люди стоят за этими страницами, с разными характерами и судьбами. Рассказ их то патетичен, как у Петра Тимофеева Мстиславца, сорат-

Геральдическая композиция из *Апостола* 1574 г.

Герб князя К. К. Острожского.

Прервем первопечатника, чтобы отметить: противоречия в датах, с которыми мы встретились в послесловии *Апостола* 1564 г., здесь уже нет. Обе даты указывают на 1563 г.

Продолжает говорить Иван Федоров:

«Сия же убо не туне начах поведати вам, но презелнаго ради озлобления, часто случающегося нам не от самого того государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради многие ереси умышляли, хотячи благое в зло превратити и божие дело вконец погубити. Яко ж обычай есть злонравных, и ненаученных, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навывше, ниже духовного разума исполнены бывше, но туне и всуе слово зло проне-соша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе наветующи не разумеет, како ходит и о чем утверждается. Сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаеми пресели. Егда же оттуду семо преидохом, и по благодати богоначальнаго Иисуса Христа господя нашего, хотящего судити вселенней в правду, восприяша нас любезно благочестивый государь Жикгимонт Август, кроль польский и

ника Ивана Федорова, то предельно лаконичен, как у Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева, учеников первопечатника.

Читатель помнит послесловие *Апостола* 1564 г. — первое произведение русской литературы, отданное типографскому станку. Познакомимся теперь с послесловием львовского *Апостола* 1574 г. Это великолепные мемуары, первые воспоминания, напечатанные в нашей стране, которые Иван Федоров озаглавил так: «Сия убо повесть изъявляет, откуда начаса и како свершися друкарня сия».

Говорит Иван Федоров:

«Изволением отца и споспешением сына, и совершением святого духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением преосвященного Макария, митрополита всея Руси, друкарня сия составися в царствующем граде Москве в лето 7070 первое, в тридесятое лето государства его».

великий князь литовский, русский, прусский, жемотиский, мазовецкий и иных, с всеми паны рады своя».

Эти слова Ивана Федорова долгое время казались литературным преувеличением. Как это так: король Сигизмунд Август, да еще со всей своей Радой (советом), торжественно принимает безвестного московского дьякона, ремесленника, человека незнатного и небогатого? Находки последних лет подтвердили правильность слов первопечатника.

Иван Федоров продолжает рассказ:

«В то же время с тщанием умоли государя волеможный пан Григорей Александрович Ходкевич, пан виленский, гетман наивысшей великого князства Литовского, староста городеньский и могилевский. Прия нас любезно к своей благоутешней любви и упокоеваше нас немало время, и всякими потребами телесными удовляше нас. Еще же и сие не довольно ему бе, еже тако устроити нас, но и весь (т. е. деревню.— *Е. Н.*) немалу дарова ми на упокоение мое».

Поясним читателю, что «весь» — это деревня, которая была подарена Ивану Федорову гетманом Григорием Александровичем Ходкевичем, чтобы типограф мог жить безбедно и заниматься своим ремеслом. Вскоре, однако, отношение Ходкевича к издательской деятельности изменилось.

«Егда же приити ему в глубоку старость и начасте главе его болезни одержиме бывати, повеле нам работания сего престати и художество рук наших ни во что же положить и в веси земледелием житие мира сего препровождати».

Жить в деревне и заниматься земледелием! Печатник ответил отказом:

«Не удобно ми бе ралом (т. е. плугом.— *Е. Н.*) ниже семен сеянием время живота (т. е. жизни) своего сокращати, но имам убо вместо рала художество наручных дел сосуды, вместо же житных семен духовныя семена по вселенней разсевати и всем по чину раздавати духовную сию пищу».

Слова эти часто цитируют. В них видят — и вполне справедливо — свидетельство неукротимой силы духа первопечатника, его гуманизм, стремление отдать жизнь великому делу просвещения народа.

Рассеять духовные семена! Это ли не формула, воплотившая идею просветительского книгоиздания, — предвестье слов Н. А. Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное...»?!

И все же Иван Федоров сомневался, правильно ли он поступил:

«Наипаче же убоясь истязания владыки моего Христа, непрестанно вопиюща ко мне: «Лукавый рабе и лениве, почто не вда сребра моего торжником? И аз пришед, взял бых свое с лихвою!» И когда убо на уединении в себе прихождах, и множецею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя в сердца своем, да бых не сокрыл в земли таланта от бога дарованного ми».

Далее Иван Федоров рассказывал, как он ушел из имения Ходкевича, не убоившись свирепствовавшего в ту пору морового поветрия:

«И в путь шествующу ми многи скорби и беды обретоша мя, не точию долготы ради путнаго шествия, но и презелному поветрею дышушу и путь шествия моего стесняющу, и просто рещи вся злая и злых злее. И тако промыслом божия человеколюбия до богоспаемого града нарицае-

Разворот с фронтисписом из *Апостола* 1574 г.

мого Львова приидох. И вся, еще на пути случающаяся ми ся ни во что же вменях... И когда вселшу ми ся в преименитом граде Львове, яко по стопам ходяще топтанным некого богоизбранна мужа, начах глаголати в себе молитву сию...

О каком «богоизбранном муже», по стопам которого он пришел во Львов, говорил Иван Федоров? Вопрос этот породил целую литературу. Решен он был лишь в самое последнее время. Каким образом, читатель узнает позже.

Иван Федоров говорил в послесловии к *Апостолу* 1574 г. и о своих мытарствах, о том, как во Львове на первых порах никто не хотел ему помогать.

«И помолившу ми ся, начах богоизбранное сие дело к устроению на-
вершати, яко бы богодохновенныя догматы распространевати. И обрицах
многаши богатых и благородных в мире, помощи прося от них, и метание
сотворяя коленом касаяся, и припадая на лица земном, сердечно кап-
лющими слезами моими ноги их омывах. И сие не единою, ни дваши, но и
многаши сотворях. И в церкви священнику всем вслух поведати повелех.
Не испросих умиленными глаголы, не умолих многослезным рыданием,
не исходатайствовах никоея же милости иерейскими чинми. И плакахся

прегоркими слезами, еже не обретох милующаго ниже помагающаго не точию же в русском народе, но ниже в греках милости обретох».

Язык и стиль послесловия многозначительны и возвышенны. Иван Федоров нередко применяет здесь устаревшие или славянские грамматические конструкции. В быту таким языком не говорили. Но здесь он был уместен, ибо способствовал созданию у читателя представления о важности и трагичности всего происходящего.

Помог Ивану Федорову трудовой люд львовских предместий:

«Но мали неции в иерейском чину, инии же неславнии в мире обретошася, помощь подающе. Не мню бо от избытка им сия творити, но яко же оная убогая вдовица от лишения своего две лепте въвергыши».

В конце послесловия Иван Федоров сообщал, когда он начал и когда закончил печатать первую украинскую печатную книгу:

«А начася сия книга друковати рекомый Апостол в богоспасаемом граде Львове, в ней же деяния апостольская и послания соборная, и послания святого апостола Павла, по воплощении господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа в лето 1573 февраля в 25 день, и совершися в лето 74-е того же месяца в 15 день».

В Белоруссии и на Украине, где было принято новое летосчисление, Иван Федоров указывал даты не от «сотворения мира», а от «рождества Христова». Завершающие слова послесловия обращены к читателю:

«И аще что погрешено будет, бога ради, исправляйте, благословите, а не клените, понеже не писа дух святыи, ни ангел, но рука грешна и брена».

Первые Азбуки

Первая книга в жизни каждого человека памятна так же, как первая любовь. Чаще всего это букварь. И совсем не случайно ныне, когда учебник служит нескольким поколениям, букварь оставляют первоклашкам, сделавшим начальные шаги в освоении богатого опыта предшествующих поколений. Оставляют на память.

Ну а первая азбука в жизни народа?!

Человек, создавший ее, достоин бессмертия. Он стоит у истоков робкого и на первых порах неширокого ручейка просвещения, которому со временем суждено было превратиться в могучую реку великой культуры.

В 1574 г. во Львове Иван Федоров напечатал первую известную нам восточнославянскую *Азбуку*.

Книга открывается 45 буквами алфавита, созданного славянскими просветителями Кириллом и Мефодием. На обороте листа буквы перечислены в обратном порядке — от «ижицы» до «аз». Такой алфавит старые русские книжники называли «вспятословием». В третьем перечне знаки алфавита размещены по вертикали в восьми колонках. Если читать их по горизонтали, последовательность будет случайной: «а», «е», «и», «о», «у», «ц», «ы»...

Ученики заучивали буквы по первому перечню, а затем закрепляли знания по второму и третьему, где литеры размещены необычно.

Следующая стадия в постижении грамоты — начальные упражнения для

ꙗко да сѣбѣ бѣдетъ .
 Възлюбленныи чѣстныи
 христѣаньскѣи рѣшѣи на
 роде , греческаго закона .
 сѣа еже писахъ вамъ , не
 ѿсебѣ , но ѿже тѣбѣныхъ
 апѣлъ нѣбѣ оносныи етихъ
 оцѣ оученїа , и препода
 бного оца нашего ꙗуана
 дамакина , ѿграмати
 кѣи , мало нѣбѣто . радн
 скорого младенеческаго
 наоученїа . въ малѣ сѣ
 кратнѣвъ сложи . ꙗкоже
 сѣи трѣбѣи мѣа благоу҃го

дмы бѣдѣтъ вашѣи лю
 бви . прїимѣте сѣа сло
 боуи . ꙗко нѣонныхъ пи
 санїихъ благоу҃го дмы сѣ
 вождѣнїе потрѣднѣти
 сѣа хощѣ . ꙗкоже благоу҃и
 бѣтъ , вашѣи мѣи
 молитвами
 аминѣ .

Вѣдрѣковано болѣе
 роуѣ , ꙗ , фѣд .

Разворот с послесловием из Азбуки 1574 г.

чтения и, видимо, для письма, представленные сочетаниями согласных с различными гласными. Мы можем представить сейчас, как ученики древней школы водили пальцами по строкам и произносили сначала «двуписьменные слоги» — «ба», «ва», «га», а затем уж «триписьменные» — «бра», «вра», «гра»...

Дальше — сложнее. Следующие упражнения для чтения сочетались с элементами грамматики, хотя никаких правил и пояснений Иван Федоров в своей книге не приводил. Предполагалось, что наставления даст учитель в процессе проработки текста.

Первопечатник озаглавил раздел так: «А сия Азбука от книги осмочастная, сиречь грамматики». «Осмочастная книга» — это грамматический труд «О осьми частях слова», который традиция приписывала византийскому писателю и богослову Иоанну Дамаскину, жившему в VII—VIII вв.

Азбука Ивана Федорова знакомила учеников с примерами спряжения глаголов, с премудрой системой «ударений» и «придыханий», со склонением существительных и прилагательных. Школяры осваивали также правописание наиболее широко распространенных в тогдашней книжности слов. Слова эти сокращались, писались под специальными, вынесенными над строкой знаками — «титлами». Это позволяло экономить дорогой тогда писчий материал.

Обучая детей чтению, Иван Федоров решил одновременно познакомить их с кирилловской цифирью. В Древней Руси цифры и числа обозначали знаками алфавита, над которыми ставился знак «титла». Первопечатник применил остроумный прием — он разместил числа на боковых полях первых 24 листов *Азбуки* так, что они смотрелись как нумерация примеров.

Познакомимся же вместе с древнерусскими школьниками, нашими далекими пращурами, с кирилловской цифирью: «а» — это 1, «в» — 2, «г» — 3, «д» — 4, «е» — 5, «с» (этот знак назывался «зело») — 6, «з» — 7, «и» — 8, «Ѡ» («фита») — 9, «і» — 10. Далее знаки формировались по принципу $1 + 10 = 11$: «аі» — 11, «бі» — 12 и т. д. Кратные десяти обозначались следующими буквами: «к» — это 20, «л» — 30, «м» — 40, «н» — 50, «ѣ» (эта буква называлась «кси» и обозначала сочетание звуков «кс») — 60, «о» — 70, «п» — 80, «ч» — 90.

БЫ ВЫ ГЫ ДЫ ЖЫ ЗЫ КЫ
 ЛЫ МЫ НЫ ПЫ РЫ СЫ ТЫ
 ФЫ ХЫ ЦЫ ЧЫ ШЫ ЩЫ •

БѢ ВѢ ГѢ ДѢ ЖѢ ЗѢ КѢ
 ЛѢ МѢ НѢ ПѢ РѢ СѢ ТѢ
 ФѢ ХѢ ЦѢ ЧѢ ШѢ ЩѢ •

БЮ ВЮ ГЮ ДЮ ЖЮ ЗЮ КЮ
 ЛЮ МЮ НЮ ПЮ РЮ СЮ ТЮ
 ФЮ ХЮ ЦЮ ЧЮ ШЮ ЩЮ •

БА ВА ГА ДА ЖА ЗА КА
 ЛА МА НА ПА РА СА ТА
 ФА ХА ЦА ЧА ША ЩА •

БРА ВРА ГРА ДРА ЖРА ЗРА КРА

ЛРА МРА НРА ПРА РРА СРА ТРА
 ФРА ХРА ЦРА ЧРА ШРА ЩРА •

БРЕ ВРЕ ГРЕ ДРЕ ЖРЕ ЗРЕ КРЕ
 ЛРЕ МРЕ НРЕ ПРЕ РРЕ СРЕ ТРЕ
 ФРЕ ХРЕ ЦРЕ ЧРЕ ШРЕ ЩРЕ •

БРН ВРН ГРН ДРН ЖРН
 ЗРН КРН ЛРН МРН НРН
 ПРН РРН СРН ТРН ФРН
 ХРН ЦРН ЧРН ШРН ЩРН •

БРО ВРО ГРО ДРО ЖРО ЗРО КРО
 ЛРО МРО НРО ПРО РРО СРО ТРО
 ФРО ХРО ЦРО ЧРО ШРО ЩРО •

БРѢ ВРѢ ГРѢ ДРѢ ЖРѢ

Наказание провинившегося ученика. С гравюры начала XVIII в.

Начиная со второго десятка принцип формирования чисел был другим — сначала ставились кратные десяти числа, а затем уже цифры, например: $20 + 4 = 24$ («кд»).

Сотни обозначались буквами: «р» — 100, «с» — 200, «т» — 300, «у» — 400, «ф» — 500, «х» — 600, «ф» («пси») — 700, «ω» («омега») — 800, «ц» — 900.

Выучив все эти обозначения, читатель легко сможет написать любое число. Например: 937 — «цлз».

В *Азбуке* Ивана Федорова есть и знаки, обозначающие тысячи. Это цифры первого десятка, к которым пририсовывалась слева наклонная линия, перечеркнутая двумя черточками.

Заключала книгу краткая хрестоматия — тексты для закрепления и развития навыков чтения и письма. Взятые из Библии, они были подобраны таким образом, что создавали нечто вроде свода этических норм и правил: «Не сотвори насилия убогому», «Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай», «послушая отца твоего, иже тя родил».

В древнерусской школе. С гравюры начала XVIII в.

Фразой «К вам же отцы и учителя тако глаголет» Иван Федоров предваряет советы родителям и учителям. В полном согласии с духом времени рекомендуется строго наказывать детей: «Не отмай от детища твоего казни, безумие бо есть привязано в сердце отрочате»; «Детищу, иже дают волю его, напоследок посрамотит мать свою»; «Аще ли накажеш его жезлом, не умрет от того. Ты бо жезлом биеш его, душу же его от ада избавиши»; «Аще ты в юности накажеш его, а он успокоит тебе на старость твою».

Призывая на помощь авторитет апостола Павла, Иван Федоров приводит слова из его «Послания к ефесианам»: «Чада послушайте своих родителей... да благо будет вам и будете долголетны на земли». Отдав дань традициям, Иван Федоров устами того же апостола советует родителям и учителям умело сочетать в системе обучения строгость и ласку, наказание и поощрение: «Отцы не раздражайте чад своих, но воспитайте их в наказании... в милости, в благоразумии, в смиреномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга и прощение дарующе».

Заканчивается *Азбука* послесловием, которое мы приведем полностью:

«Возлюбленный честный христианский русский народе, греческого закона! Сия еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина от грамматики мало нечто. Ради скорого младенческого научения вмаде сократив, сложих. И аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, примите сия с любовью. А я и о иных писаниях богоугодных с вожделением потрудитися хошу, аще благоволит бог, вашими святыми молитвами. Аминь».

В *Азбуке* 1574 г. всего 40 листов. Но эта небольшая книжечка, отпечатанная в 8-ю долю листа, имела громкое политическое звучание. Она противостояла сильной тогда на Украине католической реакции, стремившейся подчинить православие римскому папе.

В 1577 г. в Вильне вышла в свет книга «О единстве церкви божией под одним пастырем». Написал ее польский проповедник Петр Скарга (1536—1612), член воинствующего монашеского ордена иезуитов, призывавшего своих приверженцев идти на любое преступление ради «вящей славы божьей». Скарга утверждал, что «есть только два языка, греческий и латинский, которыми святая вера во всем свете распространяется». По его мнению, еще «не было на свете никакой академии или коллегиума, где бы богословие, философию и другие свободные науки на другом языке изучали и могли понимать».

Далее Скарга написал слова, которые прямо направлены против дела, которому отдал свою жизнь Иван Федоров. «Со славянского языка нигде и никто ученым быть не может,— утверждал иезуит.— Уже теперь почти никто его досконально не понимает. Ибо нет на свете нации, которая бы на нем, как в книгах написано, говорила, а своих правил и грамматик с толкованием для языка этого не имеется и быть не может».

Это было написано через три года после того, как вышла в свет *Азбука* славянского языка, напечатанная Иваном Федоровым.

В России, Белоруссии и на Украине дети учились по книгам, выпущенным московским типографом. А Скарга утверждал, что для этих народов другой школы быть не может, как только переводить славянские тексты на польский язык,— иначе смысл их остается темным. Иван Федоров старался как можно тщательнее редактировать отобранные для издания тексты, а Скарга говорил, что в славянских книгах «нелепости и ошибки бесконечно возникают, словно слепой водит слепого».

Иван Федоров ответил на эти нападки, напечатав во втором издании своей *Азбуки*, вышедшем в 1578 г., «Сказание, како состави святыи Кирилл Философ азбуку по языку словенську и книги преведе от греческих на словенский язык». Это известный памятник древнеболгарской литературы, который сочинен черноризцем Храбром. Читая его, скептики могли убедиться, что славянская культура имеет давние и прочные традиции.

Рассказ о возникновении славянского письма был более чем уместен на страницах начального учебника грамоты. Он обращен как к педагогу, так и к ученику. Для учителя это своеобразное пособие по истории культуры вообще и по истории педагогики в частности, а для ученика — занимательный текст для чтения. Были здесь и сведения о том, как следует произносить отдельные знаки кирилловского алфавита.

Были в новой *Азбуке* и параллельные греко-славянские тексты, набранные в две колонки: в левой — греческие, в правой — славянские. Тексты помогали школярам освоить основы греческого языка.

Острожская Библия

Азбука 1578 г. напечатана Иваном Федоровым не во Львове, а в Остроге, куда его пригласил богатейший магнат Польско-Литовского государства князь Константин Константинович Острожский (1526—1608).

Я побывал в Остроге в 1981 г. Ныне это районный центр Ровенской области УССР. Утопают в зелени садов белые хатки. На горе, над заросшей камышом речкой Вилия, возвышаются купола пятиглавой церкви Богоявления. От некогда опоясывавшей город крепостной стены осталась Круглая башня, прорезанная узорчатыми бойницами и увенчанная высоким аттиком с зубчатым парапетом.

Неподалеку от церкви — замок. Его многократно перестраивали; сейчас уже трудно представить, как он выглядел при Иване Федорове. В ту пору Острог был центром удельного княжества, которым владел князь К. К. Острожский.

В краеведческом музее, который ныне находится в замке, можно увидеть портрет князя: ухоженная борода; изнеженное, почти женское лицо; руки, нервно перебирающие четки.

Прожил он долгую и богатую событиями жизнь. Рассказывая о появлении на свет Константина Острожского, летописец посчитал необходимым отметить, что «того же року... уродилося дитя — голова львова, перси косматые, стригитало зубами, голосом страшным рычучи». Этот «див человеческий» умер восемь лет спустя. Князь же дожил до 82 лет.

Владения у него были немалые — 100 городов, 1300 сел, 10 монастырей, леса, луга и пахоты... Большую часть времени князь проводил в Остроге, хотя нередко наезжал во Львов и Краков. Острожский замок имел два этажа. В девяти подземных склепах хранились несметные сокровища — бочки с золотыми и серебряными слитками, сундуки со звонкой монетой, панцири и сбруя, осыпанные жемчугом и драгоценными камнями.

На нижнем этаже, слева от входа, горбила сводчатые потолки большая светлица, справа — комната для придворных. Поднявшись по лестнице, посетители попадали в прихожую. Отсюда был путь в канцелярию князя и в его спальню.

Где-то здесь находилась и княжеская библиотека, которую, к сожалению, потомки не сохранили. По сей день в польских книгохранилищах находят книги, которые когда-то принадлежали К. К. Острожскому. (Герб князя К. К. Острожского см. на стр. 76.)

Нам, привыкшим к благоустроенной комфортабельности XX столетия, показались бы бедными строгие в своей простоте чертоги самого богатого человека Литвы и Польши. Скучность мебели и убранства уравнивались великолепием одежд и пышностью церемоний. О приемах и балах, которые задавались в Острожском замке, ходили легенды. Рассказывали, что князь Константин Константинович имел собственного маршала двора и платил ему

Князь Константин Константинович Острожский. С портрета XVII в.

70 тысяч золотых за одно лишь то, что маршал два раза в год участвовал в торжественных церемониях.

Количество придворных доходило до двух тысяч. Среди них был прославленный обжора Богдан Объедало, портрет которого еще в прошлом веке показывали в соседней Межиричской церкви.

Но не одними балами и пиршествами жил Константин Острожский.

Князь был признанным главой культурно-просветительного кружка крупных феодалов, сложившегося в ту пору на Волыни. Он устроил в Остроге училище для детей. Для этого училища Иван Федоров и напечатал *Азбуку* 1578 г. Князь собирал в своем замке книжников всех племен и вероисповеданий. Впоследствии здесь возникла прославленная Острожская академия.

В 1580 г. Иван Федоров выпустил в Остроге *Псалтырь и Новый завет*. Это изящная книга, набранная специально отлитым мелким, но превосходно читающимся шрифтом. Выпущена она в небольшом формате — в 8-ю долю листа. Нарядный титул ее украшен гравированной на дереве рамкой с изображением оленя и единорога. В конце книги — небольшое послесловие и типографский знак первопечатника. Сохранилось не менее 60 экземпляров *Псалтыри и Нового завета*.

В том же 1580 г. вышел и указатель — *«Книжка собрание вещей нужнейших, вкратце скорого ради обретения в книзе Нового завета»*. Об этой книжке мы расскажем позднее.

Все это были подготовительные работы к решению главной задачи, ради которой князь Острожский и пригласил к себе Ивана Федорова.

Князь решил выпустить в свет полную славянскую Библию. Франциск Скорина, который также мечтал об этом, завершить свой труд не успел.

Слово «библия» в переводе с греческого означает «книги». В коллективной памяти человечества это название ассоциировалось с изначальной мудростью, вместилищем которой издавна было письменное, а затем и печатное слово.

Возникшая на Ближнем Востоке, на землях, ставших колыбелью цивилизации, Библия вобрала в себя мечты и чаяния, фантазию и исторический опыт многих народов. Книга эта принадлежит всему миру.

Библия — это не единая книга с общим сюжетом, а совокупность сочинений, возникших в разное время и весьма отличающихся друг от друга. Сюда входят исторические хроники, героические сказания народного эпоса, сборники изречений, даже эротическая лирика.

Библейские сюжеты питали литературу и изобразительное искусство на протяжении многих столетий. Современный человек не может считать себя культурным, если он не читал Библии.

В XVI в. перевод Библии на национальный язык и издание ее на этом языке преследовали цели, связанные с ростом народного самосознания, укреплением позиций родного языка, служили задачам борьбы гуманистического мировоззрения со средневековой схоластикой. Печатный станок способствовал этому.

Вспомните, с каким ужасом отец Клод из «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго взирал на печатную книгу, хотя книга была не более чем толкованием одного из разделов Библии.

Вспомните и слова великого французского писателя:

Титульный лист Острожской Библии 1581 г.

«Изобретение книгопечатания — это величайшее историческое событие. В нем зародыш всех революций... Шестнадцатый век окончательно сокрушает единство церкви. До книгопечатания Реформация была бы лишь расколом; книгопечатание превратило ее в революцию. Уничтожьте печатный станок — и ересь обессилена».

Во все времена реакционеры и мракобесы всех оттенков воевали против книгопечатания.

Еретической кое-кому казалась и первая полная славянская Библия, напечатанная Иваном Федоровым в Остроге в 1581 г. Это толстый том объемом в 1256 страниц. Один из современных исследователей подсчитал, что в книге не менее 3 240 000 печатных знаков.

Острожскую Библию сегодня можно встретить в библиотеках Москвы и Свердловска, Ужгорода и Ташкента, Варшавы и Белграда, Софии и Праги, Гамбурга и Нью-Йорка... Сохранилось около 300 экземпляров этой знаменитой книги. В Британской библиотеке вам покажут экземпляр, когда-то подаренный Иваном Грозным английскому послу Джону Горсею. В Стокгольме хранится *Острожская Библия*, принадлежавшая шведскому королю Густаву II Адольфу.

Хорошо знали *Острожскую Библию* и в Московской Руси. Один из экземпляров, издавна попавших сюда, находится в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Первый владелец ее рассказал в записях на страницах книги, что жил он «на севере близ студенного моря-акиана, земли Двинские, града Колмогорского». Он украсил том превосходными миниатюрами, пополнил рукописными текстами, в которых рассказал и о большом тираже издания, отметив его широкое распространение на землях Московской Руси:

«Напечатаны быша множество книг сих и привезены быша Великия Росии в царствующий град Москву и рассеяша во вся грады».

От Москвы до Острога не одна сотня верст. В XVI в. эти города разделяла граница между Московским и Польско-Литовским государствами. Но расстояние и граница для книги не преграды!

Выпуск в свет первой полной восточнославянской Библии — издательский подвиг Ивана Федорова. Книга эта стала важной вехой в борьбе с экспансионизмом католической реакции; она способствовала росту национального самосознания русских, украинцев, белорусов, укреплению позиций родного языка, развитию естественнонаучных и технических знаний на Руси.

Чешский филолог и историк, классик славяноведения Йосеф Добровский (1753—1829) как-то воскликнул:

«Я отдал бы половину своей библиотеки за Острожскую Библию!»

А другой незаурядный человек, проповедник и полемист XVII столетия Михаил Андрелла-Оросвиговский утверждал, что «един листок» этой книги он «не дал бы за всю Прагу, Англию, немецкую веру, и за Литву, Прусы, Гельвецы, Поляки, Мураву, Тоты, Чехи, Сведы, Фландры...» И Андрелла в полемическом задоре перечислил еще с добрый десяток стран, племен, народов.

Сегодня *Острожскую Библию* могут поставить на свои полки многие библиофилы. В 1988 г. в Москве было выпущено факсимильное издание этой знаменитой книги.

Одна из страниц Острожской Библии 1581 г.

«Какой-то друкать москвитский...»

Погожий декабрьский день. Солнце пробило тяжелое марево облаков и заиграло на крышах домов, покрытых недавно выпавшим снегом. На фоне прозрачной, словно вымытой синевы над городом возник силуэт Высокого Замка. А под Замком, где обнаженные ветви каштанов сбегают к приземистым стенам монастыря Святого Онуфрия, собрался народ. В ворота, увенчанные строгим прямоугольником надвратной церкви, вносят некрашеный гроб. Умер человек, который не был богат. Но люди любили и уважали его. На похороны собрался весь православный Львов.

На монастырском дворе гроб встретил отец Леонтий, настоятель Святого Онуфрия. Покойный был ему другом, они вместе не раз коротали зимние вечера. Лопаты с трудом входили в замерзшую землю. Гроб опустили в яму; над ней вырос усыпанный цветами холм.

Так, в декабре 1583 г. Львов проводил в последний путь московского и украинского первопечатника Ивана Федорова. Это печальное событие изображено на литографии народной художницы Украины Е. Л. Кульчицкой, созданной в 1949 г.

Вечером на поминках Иван Иванович, сын типографа, плакал. Не знал, не ведал, что самому ему осталось жить около года. Сидели за столом друзья покойного, которых у него всегда было много. Мог ли кто-нибудь из них представить немеркнувшее величие посмертной славы, осенившей имя человека, с которым они повседневно встречались?! Памятники в Москве и Львове?! Институты, техникумы, типографии, пароходы, носящие это имя?!

Современникам не часто дано оценить значение подвига, свершенного человеком, который жил, боролся и страдал у них на глазах.

Еще при жизни Ивана Федорова его ученики Невежа Тимофеев и Никифор Тарасиев в послесловии напечатанной ими в 1568 г. Псалтыри утверждали, что именно их трудами — повелением же царя Ивана Васильевича Грозного — «в пресловушем граде» Москве была устроена «штанба, сиречь дело печатных книг». Об учителе своем и его типографии, выпустившей за четыре года пред тем первую точно датированную московскую печатную книгу, Невежа и Никифор не упоминали. Может быть, потому, что Ивану Федорову к этому времени пришлось покинуть Москву?

Допустим, что *Апостол* 1564 г. не дошел до нас. Тогда бы, казалось, гордое звание «первопечатник» пришлось даровать другим людям...

Полвека спустя после смерти Ивана Федорова о жизни и деятельности его почти ничего не знали. Незнакомый нам по имени книжник, который в 40-х гг. XVII в. составил на Московском Печатном дворе первую историю русского книгопечатания — «Сказание известно о воображении книг печатного дела», об Иване Федорове мог рассказать лишь то, что сам типограф поведал в послесловии своего первого *Апостола*.

Вот слова этого книжника:

«...По повелению царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Росии... начаша изыскивати мастерства печатных книг, кто бы смыслен и разумен к таковому делу обрелся. И обретется некто смыслен и хитр к таковому орудию, Николы чудотворца Гостунскаго, иже и ныне зрится тот храм близ двора царева. И у тоя церкви диякон был, званием Иван Федоров сын, а другой клевет

его Петр Тимофеев сын, Мстиславец, искусны бяху и смыслени к таковому хитрому делу. Глаголят же нецѣи о них, яко от самех фряг (т. е. от итальянцев.— *Е. Н.*) то учение прияста».

Точных обстоятельств начала книгопечатания на Руси автор «Сказания. .» не знал. До него доходили неясные сведения о том, что и до Ивана Федорова в Москве печатались книги. Впрочем, возможно, что печатал их сам Иван Федоров со своим товарищем: «Повествуе же ся от неких, яко преже их нецѣи, или будет и они сами, малыми и некими неискусными начертании печатываху книги».

Не помнили Ивана Федорова и во Львове, где он заложил первую на украинской земле друкарню. Отец Гавриил Попель, начавший в 1771 г. писать «Книгу истории минастыря львовского Онуфриевского», сообщил на одной из страниц, что «при церкви» монастыря погребен «какой-то друкарь московитский». Попель считал необходимым сохранить надгробие. Но не потому что чтит память типографа, а лишь как доказательство существования в монастыре в XVI в. типографии.

Книги Ивана Федорова, которых много было рассеяно на русских, украинских и белорусских землях, хранились в небрежении. Никто ими в течение долгого времени не интересовался.

Ни один из историков, живших в XVIII в., ни словом не обмолвился о начале книгопечатания в России. В трудах В. Н. Татищева, Г.-Ф. Миллера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А.-Л. Шлецера имени Ивана Федорова мы не найдем. Да и в первой четверти XIX в. в знаменитой «Истории Государства Российского» Николая Михайловича Карамзина о замечательном событии в истории русской культуры сказано мимоходом, скороговоркой.

Понадобился вдохновенный труд многих ученых, чтобы имя Ивана Федорова сделалось достоянием учебников.

Наш рассказ — о поисках и находках следопытов, раскопавших в многовековых напластованиях книгохранилищ и архивов издания первопечатника, документы о его жизни и деятельности.

Глава четвертая, В КОТОРОЙ НАЧИНАЕТСЯ ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Лирическое отступление

Французскому философу Огюсту Конт (1798—1857), родоначальнику идеалистического учения — позитивизма, принадлежит парадоксальное утверждение:

«Мы больше живем с мертвыми, чем с живыми!»

Говоря о мертвых, Конт подразумевал книги.

Известный советский книговед Михаил Николаевич Куфаев (1888—1948) так пояснял это утверждение на страницах труда «Проблемы философии книги», вышедшего в Ленинграде в 1924 г.:

«Родившись для жизни, книга тотчас умирает, хотя материальная ее оболочка живет. Умирает потому, что слово книжное фиксирует то, что уже отошло... Со стороны идеальной у книги нет настоящего, и если иногда в книгах мы узнаем себя, то разве не узнаем ушедшими? Книга — окаменевшее слово и, родившись, уже умирает; рождаясь, окаменевают...»

Что и говорить, печальное утверждение и печальный комментарий!

Если книги — мертвецы, то кто же все мы, работающие с книгой? Книговеды, издатели, полиграфисты, книготорговцы, библиотекари, библиографы?..

Я не раз задавал себе этот вопрос, петляя по лабиринту книгохранилищ Ленинской библиотеки. Металлические стеллажи в величавом спокойствии своем выглядят саркофагами. Монументальные дубовые шкафы, доставшиеся библиотеке по наследству от Румянцевского музея, похожи на надгробные памятники. А тишина, стоящая в хранилище, кажется кладбищенской.

Но достаточно подойти к полке и раскрыть книгу, как ощущение неизбежной вечности пропадает. Автор, живший много столетий назад, начинает разговаривать с тобой. Живая мысль выплескивается из тесной бумажной обложки, становится нашей современницей — волнуется, спорит, борется...

У каждого из нас есть любимые книги. Мы перечитываем их через каждые пять-восемь лет, а то и чаще... И всякий раз открываем в них что-то новое — такое, чего раньше, казалось, в книге не было. Одно дело читать «Анну Каренину» на школьной скамье, другое — в зрелом возрасте.

Великие произведения человеческой мысли потому и велики, что рассчи-

таны они на все возрасты и на все времена. Каждая страна и каждая эпоха открывают в них свое — близкое и волнующее.

Заложенные в книге помыслы и свершения совсем не статичны. И не мертвы. Они оживают, когда к переплету прикасаются руки человека. Начинают шелестеть страницы, и чей-то мозг, чей-то ум постигает чужую (но не чуждую!) жизнь, зашифрованную бегущим разнообразием типографских строчек.

Жизнь книги — в ее взаимодействии с читателем!

Много лет назад в журнале «Мир приключений», который в 1922—1930 гг. издавал Петр Петрович Сойкин, я прочитал фантастический рассказ. Герои его, наши потомки, нашли окаменевший мозг человека XX в. и, заложив в специальный проектор, начали разматывать на экране нехитрую в своей повседневности жизнь.

Литературными достоинствами рассказ не блистал. Да и напечатан он был человеком, которого Максим Горький в письме к В. И. Ленину назвал «полуграмотным издателем пошлейшего «Мира приключений» и т. п. ерунды». Но сюжет запомнился.

Окаменевший мозг — это, конечно, чепуха. Но, кто знает, не научатся ли наши потомки моделировать индивидуальный интеллект по его проявлениям, зафиксированным в книгах?

Написать книгу — не значит ли это приобщиться к бессмертию?

«Все остается людям!» — говорил, умирая, академик Дронов, герой известной пьесы С. И. Алешина.

Задача книговедения — комплексной науки о книге и книжном деле — и состоит в том, чтобы облегчить людям доступ к сокровищам человеческой мысли прошедших и текущих столетий. Пробудить книгу, вывести ее из летаргического сна в тот самый момент, когда она кому-то понадобилась! Заставить ее говорить на понятном читателю языке!

Вот почему все те, кто работает с книгой, не гробокопатели, а реаниматоры, повседневно и ежечасно воскрешающие жизнь. Книговеды, издатели, полиграфисты, книготорговцы, библиотекари, библиографы...

Автор биографических словарей

После выхода в свет *Апостола* 1564 г. «типографщик Иван Федоров вызван в волынский город Острог для заведения там типографии у князя Константина Острожского», — говорилось в статье, помещенной в ноябрьском номере «журнала литературы, науки и художеств на 1806 год», называвшегося «Друг просвещения».

Статья эта — «Иоанн Федоров, диакон, и Петр Тимофеев, прозванием Мстиславец» — примечательна тем, что это первая работа, посвященная великому просветителю. Впрочем, содержание ее шире названия. Идет речь не только об Иване Федорове и Петре Мстиславце, но и об истории славянского книгопечатания вообще.

Статья не подписана, но мы знаем, что автором ее был Евфимий Алексеевич Болховитинов (1767—1837), более известный под монашеским именем митрополита Евгения.

Научные интересы автора первой статьи об Иване Федорове широки и раз-

нообразны. Занимаясь в Московской духовной академии, он тайком от начальства посещал лекции в Университете. В 1786—1800 гг. написал «Российскую историю», оставшуюся, однако, в рукописи. В 1800 г. издал «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии».

Делом жизни Болховитинова был биографический словарь русских писателей. Отдельные статьи из него с 1805 г. печатались на страницах журнала «Друг просвещения». В 1818 г. вышло первое, а в 1827 г. — второе издание «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина грекороссийския церкви». Среди 268 биографий мы находим жизнеописание русского первопечатника. Болховитинов постоянно дополнял и перерабатывал его в соответствии с находками, которые публиковались чуть ли не ежегодно.

Уже после смерти ученого митрополита был издан составленный им «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших о России», содержащий 451 биографию.

Иван Федоров причислен к «писателям духовного чина», ибо он был дьяконом. Но можно ли его считать писателем?

Сейчас этот вопрос для нас ясен. Читатель помнит, что Иван Федоров — автор исторического сказания «Сия убо повесть изъясняет, откуда начася и како свершися друкарня сия», составитель первой *Азбуки*. Но в научной литературе Ивана Федорова называли писателем совсем недавно, в 1958 г., когда была опубликована статья ленинградского историка Бориса Викторовича Сапунова «Первопечатник Иван Федоров как писатель». О том же идет речь в увидевшей свет в 1971 г. работе московского литературоведа Анатолия Сергеевича Демина «Послесловие к первопечатному *Апостолу* Ивана Федорова 1564 года как литературный памятник».

А. С. Демин и Б. В. Сапунов убедительно доказали, что имя первопечатника достойно войти на страницы истории российской словесности.

У Е. А. Болховитинова было совсем другое мнение. Почему же он поместил статью о русских типографах в словаре русских писателей? Ученый митрополит пояснял:

«Иоанн Федоров и Петр Тимофеев... были не писатели, но только первые искусники и заводчики первого книгопечатания в России при царе Иоанне Васильевиче. Но поелику история книгопечатания принадлежит к истории словесности, то здесь под именами сих художников предлагаем статью о славяно-русских типографиях».

Иван Федоров — «заводчик», мастер, всего лишь технический исполнитель воли и указаний каких-то других лиц, уму и прозорливости которых мы обязаны созданием первой типографии в Москве. Эта точка зрения надолго утвердилась в сочинениях дворянских и буржуазных историков. Людями, стоявшими у истоков русского книгопечатания, Е. А. Болховитинов считал царя Ивана IV и митрополита Макария.

Первая статья об Иване Федорове не случайно появилась в начале XIX столетия. Это было время растущего интереса к отечественной истории. В 1803 г. поэт, прозаик и очеркист Николай Михайлович Карамзин, по его собственным словам, «постригся в историки». В 1810 г. вышли в свет первые 8 томов «Истории Государства Российского», имевшие успех, небывалый в летописях отечественного книжного дела.

«Три тысячи экземпляров разошлись в один месяц, — рассказывал Алек-

сандр Сергеевич Пушкин,— пример, единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом...»

Собирать древности, говорить о них, изучать их стало модным. В эти годы возникли первые крупные собрания старопечатных книг и рукописей.

«Не только оружием»

«Non solum armis» («Не только оружием») — такой девиз украшал герб екатерининского вельможи графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826).

В Ташкенте, в Государственном музее искусств Узбекской ССР, есть малоизвестный портрет Н. П. Румянцева кисти Ф. С. Рокотова. Розовощеое юношеское лицо, пухлые губы, восторженный взгляд. Таким был Николай Румянцев в начале дипломатической карьеры.

И другой портрет, уже посмертный, сделанный модным английским живописцем Джорджем Доу в 1828 г. Он неоднократно воспроизводился и хорошо известен. Мы видим на нем вельможу, государственного канцлера, о заслугах и влиянии которого говорят многочисленные ордена и регалии.

Между этими портретами — вся жизнь, обеспеченная, но многотрудная. Жизнь, результатом которой была великолепная коллекция книг, монет, произведений живописи, археологических и этнографических находок. Все это легло в основу прославленного Румянцевского музея, открытого для публики 23 ноября 1831 г.

Новая история музея началась в 1862 г., когда он был перевезен в Москву и размещен в лучшем здании города — Доме Пашкова. Из года в год накапливая книжные богатства, Московский Румянцевский музей уже после Великой Октябрьской социалистической революции стал крупнейшим книгохранилищем мира — Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина.

В коллекции Н. П. Румянцева было 28500 книг. Объем фондов Ленинской библиотеки превышает 35 миллионов единиц хранения. Разница колоссальная. И все же в главной библиотеке страны помнят и чтят имя человека, инициатива и труд которого лежат у ее истоков.

Другой заслугой Н. П. Румянцева было создание научного книгоиздательства. Общее количество выпущенных его «иждивением» книг не так уж велико — что-то около пятидесяти. Но среди них капитальное «Собрание государственных грамот и договоров», «Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым», знаменитый труд чешского славяноведа Йосефа Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские первоучители».

Будучи, как и большинство коллекционеров, дилетантом, граф Николай Петрович окружал себя людьми, хорошо знавшими российскую историю и словесность. Они помогали графу комплектовать его собрание, готовили к печати его издания. Участниками Румянцевского кружка были такие знатоки прошлого, как академик И. Х. Гамель (1788—1861), зачинатель отечественного языкознания А. Х. Востоков (1781—1864), первый русский книговед В. Г. Анастасевич (1775—1845).

Самыми деятельными помощниками графа по части собирания и описания российских древностей стали два молодых человека — Константин Федорович Калайдович (1792—1832) и Павел Михайлович Строев (1796—1876). С их именами связаны первые значительные успехи историографии русского первопечатания. Они нашли и описали многие издания Ивана Федорова и других русских типографов.

Чтобы познакомиться с Калайдовичем и Строевым, мы отправимся в один из отдаленных кварталов Москвы первой четверти XIX столетия.

Молодые энтузиасты русской старины

Филипп Филиппович Вигель (1786—1856), известный в свое время литератор-мемуарист, такими словами описал примечательный уголок старой Москвы:

«...в глухом и кривом переулке, за Покровкой, старинное каменное здание возвышается на пригорке, коего отлогость, местами усеянная кустарником, служит ему двором. Темные подвалы нижнего его этажа, узкие окна, стены чрезмерной толщины и низкие своды верхнего жилья показывают, что оно было жилищем одного из древних бояр, которые во время Петра Великого держались еще обычаев старины. Для хранения древних хартий, копий с договоров, ничего нельзя было приискать приличнее сего старинного каменного шкапа с железными дверьми, ставнями и кровлею. Все строение было наполнено, завалено кипами старых дел».

В это старое здание, где в те годы помещался Московский архив Иностранной коллегии, которую с 1808 г. возглавлял Н. П. Румянцев, пришел в 1814 г. Константин Калайдович, а два года спустя — Павел Строев.

Оба еще в детские годы решили посвятить жизнь российской словесности. В 1808 г. в книжных лавках «первопрестольной» столицы появились «Плоды трудов моих, или Сочинения и переводы», автору которых — студенту Московского университета Калайдовичу едва исполнилось 16 лет. В декабре 1813 г. в цензуру поступил труд 17-летнего воспитанника Университетского благородного пансиона Павла Строева «Краткая российская история», сочиненная автором «в пользу российского юношества».

Книга имела такой шумный успех, что вскоре понадобилось второе издание. Много лет спустя академик Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) говорил, что учебник Строева, по которому училось не одно поколение, «заслужил внимание знатоков и педагогов и, как редкое в этом роде явление того времени, в самом деле был достоин внимания».

В начале прошлого века юноши мужали раньше, чем сейчас.

В молодости четыре года — колоссальная разница. Павел Строев с большим почтением относился к товарищу, с которым судьба свела его под сводами архивохранилища Иностранной коллегии. За плечами у Калайдовича была служба в армии, бои под Тарутином, Чириковым, Малым Ярославцем. Их объединяла страсть к журналистике. Оба писали стихи, сотрудничали в альманахах и сборниках.

«У нас смотрят на журналиста с двух сторон, совершенно противных,— утверждал Строев,— или почитают его человеком необыкновенным, или презирают, как маленькое творение».

Едва ли не самым популярным журналом той допушкинской эпохи был «Вестник Европы», выпускавшийся с 1802 г. два раза в месяц при московской университетской типографии. Его первым редактором был Н. М. Карамзин, автор «Бедной Лизы» и «Истории Государства Российского», счастливо соединявший в одном лице недюжинный литературный талант и поклонение Клио — музе истории. Затем редактором «Вестника Европы» стал Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842).

«Для науки нет ничего приличнее, как скептицизм,— говорил он,— не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравнении текстов, на критике свидетельств».

Все это имело прямое отношение к историографии русского первопечатания.

В № 14 «Вестника Европы» за 1813 г. была опубликована статья Е. А. Болховитинова «О славяно-русских типографиях», а в № 18 за тот же год — статья К. Ф. Калайдовича «Иоанн Федоров, первой московской типографщик».

По сравнению с ученым митрополитом молодой энтузиаст российской словесности сделал большой шаг вперед. Е. А. Болховитинов, как помнит читатель, утверждал, что Иван Федоров из Москвы направил стопы в волынский город Острог, где в 1580—1581 гг. напечатал прославленную *Библию*. Константин Калайдович впервые рассказал о другом издании Ивана Федорова — *Апостоле*, который напечатан в 1574 г. во Львове.

Так 17-летний перерыв между московским *Апостолом* 1564 г. и *Острожской Библией* был заполнен еще одним изданием.

Львовский *Апостол*, который Калайдович нашел в собрании Н. П. Румянцева, во всем похож на московский. Однако в конце его, на девяти страницах, помещена «повесть... откуда начаса и како свершися друкарня сия», которой в московском издании не было.

Читатель уже знаком с этим послесловием. Он поймет, почему Константин Федорович, прочитав его впервые, взялся руками за голову, а потом долго отплясывал какой-то невообразимый танец.

Что ни говори, а было ему в ту пору 20 с небольшим лет!

Это послесловие Калайдович полностью перепечатал в своей статье 1813 г.

«Опыт российской библиографии»

Статья К. Ф. Калайдовича в «Вестнике Европы» сделала имя молодого ученого широко известным. Перед ним открывался путь к блестящей научной карьере. Но путь этот был прерван самым неожиданным образом.

В 1814 г., разыскивая старые книги, Константин Федорович ездил во Владимир, и тут приключился с ним «особенный случай», о котором современники рассказывают скупой и глухо.

«Весьма сожалею о случившемся с Вами,— писал Калайдовичу библиограф Василий Степанович Сопиков,— конечно, неосторожность Ваша подвергла Вас такому жестокому испытанию. По крайней мере сим уроком надлежит воспользоваться на будущее время. Уведомьте пожалуйста обстоятельно о сем странном приключении».

«Уведомил» ли Калайдович Сопикова или нет, мы не знаем. Ответное

письмо его до нас не дошло. Известно лишь, что отец Константина Федоровича объявил его сумасшедшим, продержал полгода в доме умалишенных, а затем отправил в захолустный Николо-Песношский монастырь.

Познакомимся с корреспондентом Калайдовича, письмо которого мы только что цитировали. Но сначала послушаем уже известного нам Е. А. Болховитинова — митрополита Евгения.

«Вы спрашиваете задачи у меня для какого-нибудь классического сочинения в русской словесности,— писал в начале XIX в. митрополит одному из русских литераторов.— Прежде спросите, имеем ли мы о сию пору свою классическую словесность. Есть ли хотя двести книг оригинальных русских? Исчислите их и опишите: тогда и эта книга будет классическою в словесности нашей».

Парадоксально, что эти слова написал будущий автор биографических словарей, в которых рассказано более чем о 700 русских писателях. Что же касается задачи ученого митрополита, то ее решил человек, написавший книгу с длинным — по обычаю тех времен — названием: «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года, с предисловием, служащем введением в сию науку, совершенно новую в России, с историею о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях, и с краткими из оных выписками. Собранный из достоверных источников Василием Сопиковым».

В этом капитальном труде, первый том которого увидел свет в 1813 г., а последний, по счету пятый, в 1821 г., уже после смерти автора, описано 13249 русских книг. Среди них бессмертные произведения классиков русской литературы Ломоносова, Кантемира, Фонвизина, Радищева, Державина, Крылова... Названы и издания Ивана Федорова, Петра Тимофеева Мстиславца, Андроника Тимофеева Невежи и других первых русских типографов.

Скептицизм и ирония ученого митрополита были развеяны в прах.

Василий Степанович Сопиков родился в 1765 г. в небогатой купеческой семье. Сведения о его юных годах скудны. Известно лишь, что он служил у московского книготорговца Никиты Никифоровича Кольчугина (1753—1827), который был приказчиком издателя-просветителя Николая Ивановича Новикова и активно участвовал в распространении его изданий. Традиции прославленного просветителя способствовали формированию мировоззрения Сопикова.

Двадцати трех лет от роду он завел в Петербурге собственную книготорговлю, при которой вскоре была открыта «библиотека для чтения». Занимался Сопиков и издательской деятельностью.

Василий Степанович рано заинтересовался библиографией. Первоначально его занятия в этой области преследовали прикладную цель — составление рекламных книготорговых росписей. Со временем научные интересы молодого книготорговца становятся шире. Отсутствие сколько-нибудь полных библиографических указателей натолкнуло его на мысль составить полный список всех когда-либо выпущенных на русском языке книг.

Это был колоссальный труд; ранее никто не решался предпринять его, хотя о сводной библиографии русских изданий мечтали многие. Отныне каждую

свободную минуту Василий Степанович посвящал изучению старых фолиантов. Исследовал он и издания Ивана Федорова, которые к тому времени были известны.

Несколько лет напряженного труда, и первый том указателя был готов. Однако напечатать его Сопиков не мог: не было средств. Чтобы окончить «Опыт российской библиографии» и сделать его достоянием читающей публики, Василий Степанович решил ликвидировать свою книжную торговлю. В это время директор Петербургской публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин (1763—1843) предложил ему должность помощника библиотекаря в отделении русских книг. Вторым помощником вскоре стал баснописец Иван Андреевич Крылов.

Составляя очередной отчет о работе библиотеки, Оленин писал: «Помощник библиотекаря г. коллежский ассессор Крылов обще с помощником библиотекаря Сопиковым заведывает все печатные книги на славянском и русском языке».

Это «заведывание» позволило Сопикову еще раз проверить и дополнить указатель.

В 1811 г. Оленин подал бумагу на высочайшее имя, в которой просил царя выделить средства для издания «Опыта российской библиографии». «Сия книга, — писал он, — несомненно будет помещена в числе классических творений».

Александр I ходатайство отклонил. Однако царь присвоил Сопикову «во внимание к его трудам и отличному усердию к отечественной библиографии» чин XIV класса, которым, по словам Оленина, «награждаются ученики, выходящие из педагогического института».

Время не благоприятствовало занятиям старой книгой. В июне 1812 г. наполеоновские полчища вторглись в Россию. Началась Отечественная война против французских захватчиков. После вступления неприятеля в Москву Публичная библиотека эвакуировала свои сокровища. Руководил эвакуацией Сопиков.

«В сентябре прошлого года, — напишет он впоследствии К. Ф. Калайдовичу, — я возил на судне лучшую часть Императорской библиотеки в Олонецкую губернию и до половины декабря жил с нею в деревне Устланке, на реке Свири. Дело, мне порученное, исполнил как должно...»

Забываясь о сохранении государственных книжных богатств, Сопиков позабыл о своем личном имуществе, которое находилось в Москве и погибло при пожаре древней столицы. Друзья помогли Василию Степановичу. 12 сентября 1813 г. он сообщал Калайдовичу: «Известную Вам мою роспись я действительно печатаю, коей первая часть, состоящая из 29 листов, через две недели явится к Вам с своею должною благодарностью непременно. Набирается в типографии последний оной лист».

Книга вышла в свет осенью 1813 г. Библиографической росписи был предпослан краткий очерк истории книгопечатания, которую Сопиков почитал «самой существенной частью библиографии». О последней же он говорил, что она «состоит в познании книг вообще, в ученой истории и во всем том, что относится к искусству книгопечатания».

В первом томе «Опыта российской библиографии» помещены сведения о четырех изданиях Ивана Федорова. Три из них — московский *Апостол* 1564 г.,

львовский *Апостол* 1574 г. и *Острожская Библия* 1581 г. были уже известны. Впервые упоминался *Новый завет* с присоединенной к нему *Псалтырью*. Книгу эту — изящный, небольшой по формату томик — Иван Федоров напечатал в 1580 г. в Остроге. В предисловии типограф утверждал, что *Новый завет* — «первый овощ от дому печатного... острожского». В дальнейшем, однако, была найдена книга, выпущенная в Остроге за два года пред тем. Но нашли ее лишь в 1961 г.

Получив в подарок «Опыт российской библиографии», К. Ф. Калайдович отправил В. С. Сопикову «Вестник Европы» со своей статьей.

30 октября 1813 г. Василий Степанович писал Калайдовичу:

«Прекрасная Ваша статья об Иване Федорове, помещенная в «Вестнике Европы», вышла уже, к сожалению, поздно; она мне нужна была только для послесловия львовского *Апостола*, которое в моем, как Вам известно, не полно...»

Сведения о других изданиях Ивана Федорова не без участия К. Ф. Калайдовича появились в дополнительном пятом томе «Опыта российской библиографии», который вышел в свет уже после смерти автора, скончавшегося 21 июня 1818 г.

Рассказ о Сопикове хочется кончить сведениями, не имеющими прямого отношения к нашей теме. Описания некоторых книг в своем «Опыте...» Василий Степанович сопровождал характерными выписками, совокупность которых член-корреспондент Академии наук СССР Павел Наумович Берков назвал «хрестоматией политического свободомыслия». В четвертом томе своего знаменитого труда Сопиков поместил выписку из запрещенного «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. По настоянию цензуры страница с выпиской была изъята из тиража и заменена другой. Экземпляры «Опыта...» с радищевской страницей очень редки — библиофилы издавна охотятся за ними.

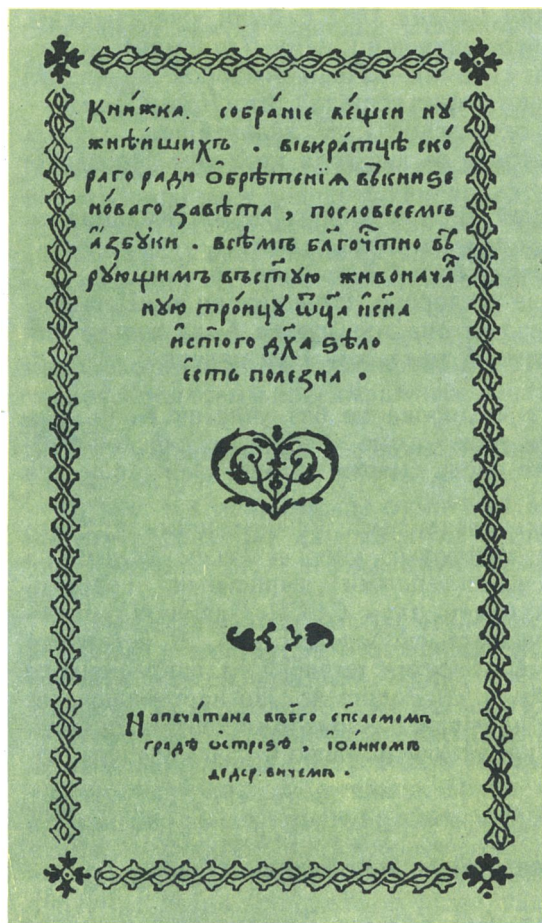
«Книжка собрание вещей нужнейших...»

В XVIII в. на Алтае хорошо знали имя Козьмы Дмитриевича Фролова (1726—1800). Сын простого мастерового, он стал выдающимся знатоком горного дела, известным гидротехником. Фролов собирал книги и в своем доме в поселке при Змеиногорском руднике составил неплохую библиотеку. Он пользовался каждым случаем, чтобы пополнять ее: в 1784 г., побывав в Петербурге, привез оттуда 530 книг.

После смерти К. Д. Фролова библиотека попала к старшему из трех сыновей Павлу Козьмичу (1770—1815). Он окончил Горное училище, служил на Урале и на Алтае и скончался 45 лет от роду.

В 1817 г. Петербургская публичная библиотека приобрела «собрание книг и древностей г. обер-берггауптмана 5 класса Фролова». Краткое описание собрания было опубликовано год спустя в «Отчете» библиотеки. Среди книг Фролова нашлось никому ранее не известное издание Ивана Федорова — небольшая брошюра объемом в 53 листа. На титульном листе ее в узорной рамке стояло название: «Книжка собрание вещей нужнейших скорого радиобретения в книзе Нового завета по словесем азбуки. Всем благочестно верую-

Титульный лист «Книжки собрание вещей нужнейших».

дал Тимофею Михайловичу, уполномочив его получить долг у виленского мещанина Якова Максимовича за проданные ему печатные книги. А в 1584 г. Тимофей Михайлович подарил Дерманскому монастырю Евангелие, которое соратник первопечатника Петр Тимофеев Мстиславец выпустил в Вильне в 1575 г.

В доверенности Тимофей назван слугой королевского писаря Михаила Богдановича Гарабурды, известного дипломата Великого княжества Литовского. Он был из тех просвещенных кругов белорусской и украинской интеллигенции, которые способствовали созданию в Остроге славянской типографии. Побывав в Москве, Гарабурда привез на Волынь исправный список Библии, послуживший оригиналом для острожского издания.

«Книжка собрание вещей нужнейших...» очень редка. В XIX в. она счи-

щим в святую живоначную Троицу — отца и сына и святого духа зело есть полезна». Ниже указывалось: «Напечатана в богоспасаемом граде Остроге Иоанном Федоровичем».

«Книжка собрание вещей нужнейших...» — это алфавитно-предметный указатель, первый в истории русской библиографии и документалистики. Здесь собраны фразы и словосочетания из «Псалтыри и Нового завета» с отсылками к конкретным главам. Фразы размещены по алфавиту, как мы сказали бы сейчас, ключевых слов. Первая буква каждой фразы выделена прописной литерой — это позволяет быстро находить материал. Унифицирована система отсылок, широко использованы сокращения.

Знакомясь с «Книжкой...», читатель узнавал фразы, давно уже ставшие крылатыми: «Око за око», «Человек что сеет, то пожнет», «Сребролюбие корень всем злым есть», «Блажены нищие духом, яко тех есть царство небесное».

Составитель указателя Тимофей Михайлович Аннич был другом Ивана Федорова, преподавателем Острожской школы. Немногие документы о нем впоследствии были найдены в архивах. Сохранилась, например, доверенность, которую Иван Федоров 5 марта 1578 г.

талась почти уникальной. Библиограф и книголюб Иван Прокофьевич Каратаев в 1878 г. сообщал: «Алфавитный указатель очень редок, он один без *Псалтыри и Нового завета* стоит 25 рублей». Писалось это в ту пору, когда, например, львовский *Апостол* Ивана Федорова, по словам того же Каратаева, стоил 30—35 рублей.

Со временем, однако, были найдены новые экземпляры «Книжки...». Сейчас их известно четырнадцать. Хранятся они в библиотеках Москвы, Ленинграда, Львова, Варшавы и Кракова.

Находки, находки, находки...

В июле 1816 г. К. Ф. Калайдович получил в Николо-Песношском монастыре письмо от своего батюшки. «Поблагодари отца Пахомия за его отеческое попечение,— писал Калайдович-старший,— взяв на путь его благословение, испроси от него монастырскую подводу и приезжай ко мне».

В Москве Константин Федорович остриг космы, отпущенные в монастыре, и отправился на службу — в архив. А затем начались знаменитые археографические экспедиции, которые финансировал Н. П. Румянцев. Археография — это вспомогательная историческая дисциплина, разрабатывающая методику изучения и публикации древних рукописных книг и грамот.

Золотое это было время для археографов! В нетронутых монастырских архивах и книгохранилищах молодых исследователей на каждом шагу ждали находки.

В первую свою экспедицию К. Ф. Калайдович и П. М. Строев выехали 9 июня 1817 г. На пути лежал Новый Иерусалим с известным Воскресенским монастырем, основанным патриархом Никоном в XVII в. Огромный каменный шатер храма Воскресения, взорванный во время последней войны, путники завидели еще издалека. Величественное зрелище могучей главы храма, покоившейся на крестчатом основании, настолько захватило их, что они приказали вознице остановиться и долго молча смотрели на открывшуюся им картину.

В монастыре, договорившись с ризничим — отцом Петром, Калайдович и Строев получили свободный доступ в ризницу, где хранились сокровища обители, и в библиотеку и начали работать. Сразу же сделали открытие — да еще какое! Нашли «Изборник», написанный для киевского князя Святослава Ярославича в 1073 г., — одну из древнейших русских книг. В начало рукописи была вплетена миниатюра, изображавшая княжескую семью, — первый групповой портрет в истории русского искусства.

Из Нового Иерусалима археографы отправились в Саввино-Сторожевский монастырь, а оттуда — в Иосифо-Волоколамский.

Работа в книгохранилищах перемежалась обильными чаепитиями, до которых была охоча монастырская братия. «Пивали его после утрени, — вспоминал Калайдович, — до обедни, перед обедом, по полудни и, наконец, на сон грядущий, что все с итогами составит более 30 чашек».

Книги и старые бумаги в монастырях хранились в небрежении. В Иосифо-Волоколамской обители архив сложили в одну из крепостных башен. «В оной обители благочестия, — возмущался П. М. Строев, — к которой в исходе XVII в.

было приписано более пятнадцати других монастырей и которая владела тогда 17000 крестьян, соляными варницами и богатыми рыбными ловлями, старый ее архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на поларшина кучу книг и столпцев, наваленных без разбора, и я рылся в ней, как в развалинах Геркулана». Строев вспомнил здесь о римском городе Геркулануме, который в 79 г. н. э. вместе с Помпеей был засыпан пеплом во время извержения вулкана Везувия.

Великое множество рукописных и старопечатных книг прошло через руки молодых археографов. Часть из них удалось приобрести для библиотеки Николая Петровича Румянцева, вдохновителя и организатора археографических экспедиций. Были среди них и издания Ивана Федорова.

Со временем К. Ф. Калайдович узнал румянцевское собрание гораздо лучше, чем сам владелец его, который стал глуховат и забывчив.

В письме от 11 декабря 1823 г. к Алексею Федоровичу Малиновскому, через которого граф поддерживал отношения со своими молодыми сотрудниками, Н. П. Румянцев вспоминал о К. Ф. Калайдовиче:

«Свидетельствуйте ему мое почтение и спросите его, не помнит ли он год издания мне принадлежащего «Триодиона», труда известного Фиоля, о котором глухо упоминает г. Лелевель в новом своем сочинении, как изволите усмотреть из приложенной выписки. Я сие редкое издание, помнится, посредством г. Калайдовича получил».

Конечно же, Калайдович помнил о том, как летом 1819 г. он, к великой радости графа, купил у А. С. Шульгина, торговавшего древними книгами в меняльной лавке против университета, *Триодь цветную*, напечатанную около 1493 г. в Кракове Швайпольтом Фиолем, одним из предшественников Ивана Федорова. В том же 1819 г. Константин Федорович опубликовал в «Вестнике Европы» статью о Фиоле. По желанию графа она была отпечатана отдельно тиражом в 30 экземпляров и стала первой русской книгой по истории книгопечатания. Брошюра эта — «Сведения о трудах Швайпольта Фиоля, древнейшего славянского типографика», на обложке которой в овальном медальоне помещены профильные изображения первых типографов Гутенберга, Фуста и Шеффера, — сейчас очень редка.

Читал Калайдович и «Две книги о библиографии» польского историка и революционера Иоахима Лелевеля; первая часть этой монографии издана в 1823 г. в Вильне на польском языке.

Естественно, он тут же дал графу исчерпывающую и достоверную справку.

В архиве Н. П. Румянцева, который ныне находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, есть немало каталогов и реестров, написанных рукой Калайдовича. Среди них «Каталог рукописей и старопечатных книг, приобретенных графом Н. П. Румянцевым», составленный в 1820—1822 гг. В нем описаны и издания Ивана Федорова — *Апостол* 1574 г., *Псалтырь и Новый завет* 1580 г. Рассказывая об экземпляре львовского издания, Константин Федорович писал:

«Сей Апостол дан был вкладу одним запорожским казаком в храм Преображения Господня в городе князей Корецких Лесниках с жестоким проклятием того, кто дерзнет похитить оный из святого места, что видно из собственноручной в начале по листам надписи сего казака».

Грозное заклятие запорожского казака не возымело действия. Книгу по-

хитили. А может быть, ее продал один из священников храма. Так или иначе, но к концу XVII столетия *Апостол* оказался у некой Марьи, которая продала его «посководскому жителю Антипу Анфиньянову», сделав о сем запись на страницах книги. Было это уже в пределах Московской Руси.

В XVIII в. новый владелец оставил следующую запись: «Сия книга Апостол Ивана Яковлевича Панкеева». Возможно, именно он и продал книгу одному из комиссионеров графа Н. П. Румянцева.

Румянцевское собрание, как помнит читатель, ныне находится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Но среди 12 экземпляров *Апостола* 1574 г., хранящихся в Отделе редких книг, фолианта с записью казака из Лесников не было. Я отыскал этот экземпляр в Ленинграде, в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Никаких примет, указывающих на собрание Н. П. Румянцева, на нем не было. На обороте верхней крышки переплета наклеен экслибрис: «Из библиотеки Ивана Прокофьевича Каратаева».

Как книга попала из румянцевского собрания к коллекционеру славянских старопечатных книг И. П. Каратаеву, этого мы, наверно, никогда не узнаем. Но именно этот экземпляр, вне всякого сомнения, описал Константин Федорович Калайдович, ибо на его страницах — запись запорожского казака из Лесников. Вот она:

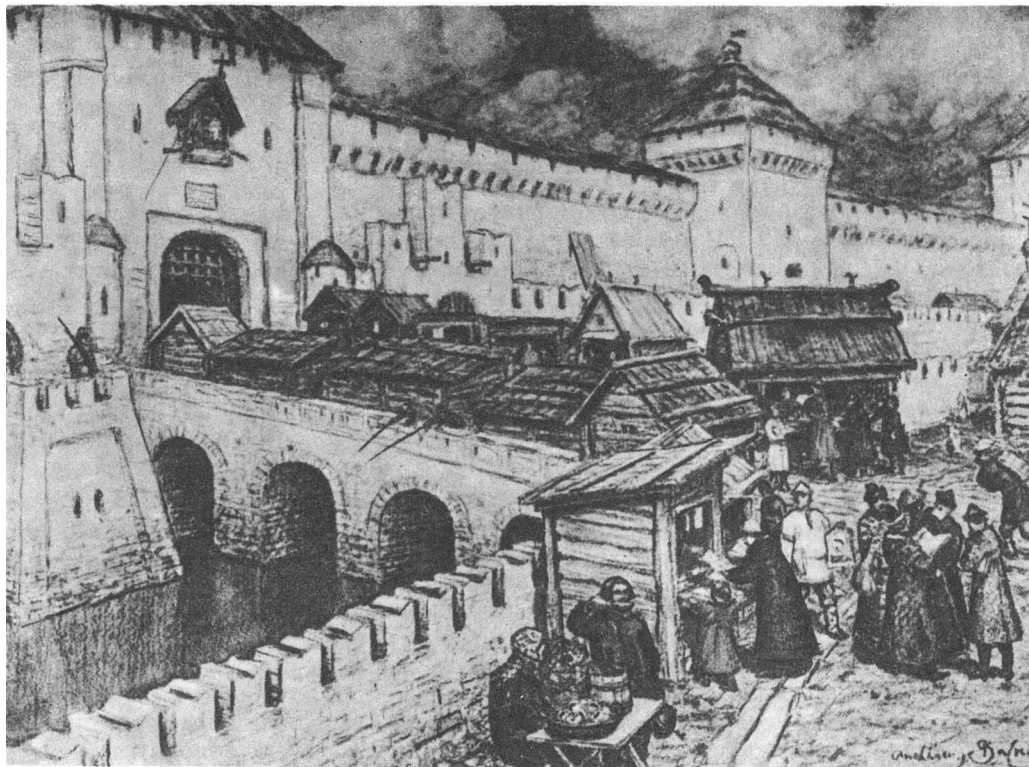
«Я раб божий Иван Лестун, казак войска его королевской милости запорожского и с жоною моею Любовью Павловною Лещинскую наделили сию книгою рекомый Апостол, друкованный в месте славном Львове, храм Преображения Господа государя нашего Исуса Христа в маестности вельможных и славных их милостей княжат Корецких в месте Лесниках за отпущение грехов своих, также и за доброе здоровье наше и всех православных христиан...» Далее Иван Лестун грозит страшной божьей карой тем, кто похитит книгу из храма в Лесниках.

В лавке у почтенного старца Игнатия Ферапонтова

На Спасском мосту Московского Кремля со стародавних времен теснились лавки, в которых торговали иконами и книгами. В конце XVIII в. в Китай-городе — на Никольской и Ильинке, а затем и на Кузнецком мосту открылись модные книжные магазины французов Куртенера, Готье, Рисса. Потянулись на Кузнецкий мост и Никольскую старые московские книжники — Матвей Глазунов, Никита Кольчугин...

Игнатий Ферапонтович Ферапонтов по-прежнему в мороз и в зной сидел в холодной лавке на Спасском мосту и никуда переезжать не собирался. Торговля у него была особая — одни лишь рукописи и старые печатные книги. Сюда в лавку хаживали к нему любители, которых в ту пору было еще немного, — граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, граф Федор Андреевич Толстой, Платон Платонович Бекетов и обрусевший немец, профессор Московского университета Федор Григорьевич Баузе. Все они с помощью Ферапонтова составили неплохие библиотеки.

Константин Федорович Калайдович посвятил трудам и дням книготорговца небольшую книжку «Известие о древностях славяно-русских и об Игна-

Книжные лавочки на Спасском мосту. С рисунка А. Васнецова.

тии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных», выпущенную в 1811 г. «В России много отечественных древностей,— писал он,— первое и важнейшее место занимают книги: в одном краю они гниют в углах монастырских, в другом невежество жжет их, употребляет на обертки,— кой-где попадают они в руки мелочным торговцам и продаются иногда за бесценок... При таком небрежении чего ожидать доброго?»

И. Ф. Ферапонтов старую книгу любил и знал, тщательно выискивал редчайшие издания, которые он продавал лишь знатокам. Для Баузе, например, Ферапонтов достал издания белорусского просветителя Франциска Скорины и *Острожскую Библию* Ивана Федорова.

Библиотека Баузе сгорела в московский пожар 1812 г. Погибло и превосходное собрание А. И. Мусина-Пушкина, в котором находился рукописный сборник с уникальным списком «Слова о полку Игореве».

Чуть ли не на следующий день после бегства французов из Москвы Игнатий Ферапонтов уже сидел в своей нетопленной лавке. Сразу потянулись к нему знакомые покупатели.

«Жив ли старец почтенный Игнатий Ферапонтович и занимается ли по-

прежнему книжными делами? — спрашивал Сопиков Калайдовича в письме от 20 марта 1814 г. — Прошу Вас объявить ему мое почтение».

В лавке у Ферапонтова и отыскал Константин Федорович *Учительное Евангелие* 1569 г. — издание Ивана Федорова, о котором до того времени никто из ученых не знал. Он тут же сообщил об этом Сопикову, который продолжал пополнять «Опыт российской библиографии».

«Если у Ферапонтова заблудовское *Учительное Евангелие* продажное, — писал 4 января 1817 г. Сопиков, — то прошу Вас уведомить меня о последней цене оногo; я бы купил его для себя, буде не очень дорого».

Так нашлось одно из изданий Заблудовской типографии Ивана Федорова, о существовании которой Калайдович знал из послесловия львовского *Апостола* 1574 г. Константин Федорович в ту пору еще не ведал, что несколько лет пред тем другой экземпляр той же книги обнаружил в Редигеровской библиотеке города Вроцлава польский историк Ежи Самуэль Бандтке, который и упомянул об этом в 1815 г. на страницах прославившей его имя «Истории краковских типографий».

Калайдович посвятил находке небольшое исследование — «Библиографическое известие о *Евангелии учительном*, напечатанном в Заблудовье 1569 года первыми московскими типографщиками». Статья, опубликованная в 1823 г. в журнале «Северный архив», стала первым специальным исследованием, посвященным отдельному изданию Ивана Федорова.

Так одна за другой в научный оборот вводились книги Ивана Федорова. Но о жизни типографа ученые почти ничего не знали.

«Преставился во Львове...»

В октябре 1819 г. в салонах Петербурга появился странный человек. Вот как описывал его один из тогдашних мемуаристов: «Всегдашний костюм его составляла серая куртка и серые шаровары, а на голове что-то вроде суконного колпака. В таком костюме являлся он всюду и обращал на себя внимание солдатскою откровенностью, близкою к грубости. Всех дам без различия с простолюдинками называл он «матушка», всех мужчин — «батюшко»...»

«Зориан Доленга-Ходаковский», — представлялся приезжий.

Лишь немногие знали, что настоящее имя его Адам Чарноцкий (1784—1825). Высокообразованный историк, археолог и фольклорист, он пропагандировал фантастическую в ту пору идею комплексного изучения древнейшего прошлого всех славянских народов. В Петербург он привез «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории».

В Петербурге приезжий познакомился с Калайдовичем. Переиначив на русский манер имя странного незнакомца, Константин Федорович впоследствии писал: «З. Л. Долуга-Ходаковский первый сообщил мне известие о сем надгробном камне».

Речь шла о надгробной плите Ивана Федорова, которую Ходаковский видел во Львове, в Онуфриевском монастыре. Калайдович с жаром выпрашивал подробности. Но гость не помнил ни надписи на камне, ни даты, указанной в ней.

Не знал Ходаковский и о том, что еще в 1817 г. ректор Львовского уни-

Надгробная плита Ивана Федорова.
Рисунок П. И. Кеппена.

верситета и прокуратор Онуфриевского монастыря Модест Гриневецкий по просьбе Иоахима Лелевеля снял копию надписи. Она была опубликована много лет спустя, в 1884 г., в варшавском журнале «Колосья».

Осенью 1821 г. один из участников румянцевского кружка Петр Иванович Кеппен (1793—1864) собрался путешествовать по славянским странам. Проводя его, друзья наперебой давали поручения. К. Ф. Калайдович попросил осмотреть и тщательно зарисовать надгробную плиту первопечатника.

Кеппен добрался до Львова в самом конце января 1822 г. М. Гриневецкий любезно ознакомил его с собранием рукописей и старопечатных книг Онуфриевского монастыря, в котором были и издания Ивана Федорова.

Затем пошли в церковь. День был пасмурный, под мрачными сводами стояла полутьма. Отодвинув тяжелую лавку с правой стороны от входа, Гриневецкий показал гостю вмурованную в каменный пол плиту темно-серого песчаника:

«Вот надгробок друкаря московитского!»

В мерцающем отблеске свечи Кеппен увидел рельефное изображение типографского знака Ивана Федорова: рука держит гербовый щит, на который нанесены изогнутая «рекой» лента со стрелочкой сверху, а по бокам ленты литеры «ІѠ». Знак этот Калайдович показывал ему в львовском Апостоле 1574 г. и в острожских Новом завете и Библии.

«Литеры,— пояснил он,— означают «Іван Федоров».

Под типографским знаком Петр Иванович прочитал надпись: «Друкарь книг пред тым невиданных».

Высечена надпись была и по краю плиты. Кеппен разобрал следующее: «...друкарь Москвитин, который своим тщанием друкование занедбалое обновил. Преставился во Львове року 1583 декемвр...» Далее должна была находиться дата, но прочитать ее Петр Иванович не смог — камень был сильно истерт.

Так стало известно, что Иван Федоров скончался во Львове в декабре 1583 г., через два года после того, как он окончил печатать *Острожскую Библию*.

Что привело его снова во Львов? Почему он покинул Острог, где столь ласково был принят князем Константином Константиновичем Острожским?

На эти вопросы ответа пока не было.

П. И. Кеппен как умел — а рисовальщик он был неважный — скопировал надписи и с первой же почтой отправил рисунок в Москву Константину Федоровичу Калайдовичу. Летом 1822 г. рисунок был опубликован в «Вестнике Европы».

Отныне в работах, посвященных Ивану Федорову, указывались дата и место его кончины.

В рукописной «Книге истории монастыря львовского Святого Онуфрия», которая ныне хранится в Львовской научной библиотеке имени В. Стефаника, я отыскал листок с написанными на нем разными почерками фамилиями:

Профессор истории Погодин
Профессор археологии Надеждин
Директор Княжевич
Архивариус Киреевский
Князь Кропоткин.

Латинская надпись, сделанная ниже, рассказывает, что помянутые московские гости 20 августа 1835 г. посетили Онуфриевский монастырь и осмотрели надгробие Ивана Федорова.

По-разному сложились судьбы людей, оставивших свои подписи на клочке бумаги.

Профессор Московского университета по кафедре изящных искусств и археологии Николай Иванович Надеждин (1804—1856), едва вернувшись в Москву, был отправлен в ссылку. Вина его состояла в том, что он опубликовал в своем журнале «Телескоп» «Философические письма» Петра Яковлевича Чаадаева, друга А. С. Пушкина. Публикация была признана «возмутительной».

Историк Михаил Петрович Погодин (1800—1875) прожил долгую обеспеченную и размеренную жизнь. Будущее для него виделось «в руке божией», от «возмутителей спокойствия» он старался держаться подальше.

Впрочем, все они были обеспокоены судьбой надгробной плиты, по которой каждодневно шаркали ногами прихожане Онуфриевской церкви. Погодин попросил нового прокуратора монастыря В. Компаневича замуровать камень в стену. Вернувшись в Москву, он послал во Львов подарок.

«Честь имею представить в библиотеку Вашего монастыря,—писал он Компаневичу,—где покоится прах первого русского типографа, небольшое собрание исторических и педагогических книг».

А затем напоминал:

«Прошу Вас покорнейше уведомить меня, исполнена ли моя просьба о переставлении камня над могилою типографщика Федорова из пола в стену!»

Просьба исполнена не была. Плиту постигла драматическая судьба, изобилующая прямо-таки детективными сюжетами. Об этом будет рассказано позднее.

Второе московское издание

В течение всей своей жизни Константин Федорович Калайдович мечтал написать историю книгопечатания в России. Он работал над ней еще на студенческой скамье и немало преуспел в этом. Пухлая рукопись, которую он готовил к печати, погибла со всей его библиотекой в московский пожар 1812 г.

После войны начались археографические экспедиции, и каждая из находок — а их было немало — вносила что-то новое в представления Калайдовича о развитии книжного дела.

Так и не написал Константин Федорович истории книгопечатания.

В 1828 г. он повредился в уме — сказались годы напряженной работы. Затем вроде ему стало полегче.

«Калайдовича сумасшествие прошло, — писал П. М. Строеву М. П. Погодин в конце 1829 г., — и осталась такая слабость, такая ипохондрия, что нельзя смотреть на него без горести. Вот чем награждаются труды неусыпные».

Однако болезнь вернулась; 19 апреля 1832 г. Константин Федорович умер. Похоронили его на Ваганьковском кладбище. Все бумаги покойного приобрел у наследников М. П. Погодин.

Михаил Петрович стал собирателем первой величины. Его колоссальное Древлехранилище, для которого он построил двухэтажный бревенчатый дом на Девичьем поле, затмило славу библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского, памятниками которых остались превосходные печатные каталоги, составленные Павлом Михайловичем Строевым. Первый из этих каталогов вышел в 1829 г., второй — в 1836 г.

Были описаны в них и издания Ивана Федорова: *Апостол* 1564 г., *Учительное Евангелие* 1569 г., *Апостол* 1574 г., *Псалтырь и Новый завет* 1580 г., «*Книжка собрание вещей нужнейших...*» 1580 г. и, наконец, *Острожская Библия* 1581 г.

Во время одной из археографических экспедиций Павел Михайлович Строев нашел *Часовник*, в конце которого он прочитал следующие слова:

«Славный и миролюбивый над цари царь и великий князь Иван Васильевич всея великия Росия самодержец яко да украсится и исполнится царство его славою божиею в печатных книгах... И такового ради извещения повелением благочестивого царя и благословением преосвященного Макария митрополита всея Руси составися сия шанба, сиречь печатных книг дело, в царствующем граде Москве. В ней же напечатана и сия книга Часовник в лето седьм тысяч семьдесят четвертое сентября в 2 день, совершен того же лета октября в 29 день в 31 лето государства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца и во второе лето святительства Афанасия митрополита всея Руси. Подвигом

М. П. Погодин. С портрета XIX в.

и тщанием, труды же и снисканием диякона Николы чудотворца Гостунского Ивана Федорова да Петра Тимофеева Мстиславца...»

До этого времени было известно лишь одно московское издание первопечатника — *Апостол*, который вышел в свет 1(11) марта 1564 г. Теперь появилась возможность утверждать, что полтора года спустя, в период между 2 сентября и 29 октября 1565 г., Иван Федоров напечатал в Москве еще одну книгу — *Часовник*.

Радоваться, однако было рано. Павел Михайлович держал в руках совсем не печатную, а рукописную книгу. Он догадался, что кто-то много лет назад списал для себя *Часовник* с книги, отпечатанной Иваном Федоровым. Все печатные экземпляры со временем исчезли — ведь *Часовник* книга небольшая. Рукописная же копия каким-то чудом уцелела.

П. М. Строев опубликовал послесловие *Часовника* в 1841 г. в «Описании старопечатных книг славянских, служащем дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского». В предисловии к этому труду он отметил, что рассматривает свои каталоги как единое целое: «...все три вместе они образуют богатую житницу материалов для библиографии, ученой истории, филологии и проч.».

«Будущие преемники мои на поприще славянской библиографии,— писал Строев,— могут соединить вместе сии отдельные описания и составить общую славянскую библиотеку по примеру подобных изданий в литературах западных».

Это желание библиографа попытался осуществить лет 25 спустя Иван Прокофьевич Каратаев. Однако довел он свое описание лишь до 1652 г. Другой библиограф и собиратель — Вукол Михайлович Ундольский, ограничившись минимальными библиографическими сведениями, составил «Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491-го по 1864-й год», выпущенный в Москве в 1871 г. Полного сводного каталога славянских старопечатных книг не существует по сей день. Лишь недавно к созданию такого каталога приступила Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

На Нижегородской ярмарке

После того как П. М. Строев опубликовал послесловие *Часовника*, нашлись люди, которые заявили, что такого издания Ивана Федорова нет и не было. Рукопись, найденная Павлом Михайловичем, говорили они, фальсифицирована.

Прошло, однако, несколько лет, и был отыскан подлинный экземпляр *Часовника* 1565 г. Сделать это посчастливилось Михаилу Петровичу Погодину.

Ежегодно Погодин ездил в Нижний Новгород на знаменитую ярмарку. Привлекали его не узорчатое разнообразие набивных тканей и платков, не деловая сосредоточенность скобяного ряда, а небольшие дощатые балаганы на задворках торгового пространства. Продавали там старые церковные книги — рукописные и печатные.

Михаил Петрович знал по имени всех торговцев — нижегородского мещанина Михайлу Зубова, вязниковского крестьянина Василия Федорова Моржакова... У каждого из них он приобрел немало книг, среди которых были и издания Ивана Федорова.

«Моржаков,— вспоминал Погодин,— не умея ни читать, ни писать, торговал рукописными и старыми книгами и так был счастлив, так был ловок, что всякую ярмарку привозил множество отличных вещей, да приезжал еще в Москву раза по два в год и всегда не с пустыми руками... Это был русский человек в полном смысле слова: не зная грамоте, он взглянет на книгу и скажет вам, бывало, где она напечатана — в Остроге или Львове, Киеве или Венеции. Этого мало — он узнает, какая это книга — Триодь или Псалтырь, Часовник или толковое Евангелие».

Съезжались на Нижегородскую ярмарку книжники.

У московского книготорговца и собирателя Д. В. Пискарева Михаил Петрович перекупил *Часовник* Ивана Федорова.

Это была небольшая по формату, но достаточно толстая книжица. В дальнейшем отыскалось еще несколько экземпляров *Часовника*. Судьба раскидала тираж издания по всему свету. Один экземпляр нашелся в Копенгагене, другой — в Лондоне, третий — в Кембридже.

Сотрудник Королевской библиотеки в Брюсселе А. Тиберген в начале XX в. отыскал московский *Часовник* с другими датами: Иван Федоров начал его печатать 7 августа 1565 г., а окончил 29 сентября, за месяц до погодинского экземпляра. А значит, *Часовник* был напечатан в Москве двумя изданиями.

В 1844 г. Михаил Петрович Погодин купил в нижегородском ярмарочном балагане еще одно неизвестное издание русского первопечатника — *Псалтырь с Часословцем*, выпущенную Иваном Федоровым в 1570 г. в Заблудове. Книга открывалась гравюрой, изображавшей герб гетмана Г. А. Ходкевича. Здесь же начиналось предисловие Ивана Федорова, продолженное на обороте гравюры и на лицевой стороне второго нумерованного листа.

Иван Федоров рассказывал:

«И начася друковати в именью его милости отчизном в месте Заблудовью лета по рождестве Христове 1569-го месяца септяврия 26, а совершена бысть книга сия року 70-го месяца марта 23».

Затем первопечатник обращался к читателям:

«А трудивый ся многогрешный и непотребный раб на имя Иван Федорович Москвитин. Молю убо всякого благочестивого православного христианина, прочитающих или переписующих книгу сию Псалтырь. Аще где, что погрешено будет моего ради небрежения, бога ради исправляйте, благословите, а не кляните, понеже не писа дух святыи, ни ангел, но рука грешна и брена. Да и сами тоже благословение обрящете от всемогущего бога, ныне и присно и во веки веков».

Это была общепринятая формула. Так обращались к читателю и мастера рукописных книг.

Далее листы отсутствовали. А затем шел текст *Псалтыри*.

Отсутствующие листы нашлись в экземпляре, который в 1864 г. отыскиали в западноукраинском селе Тыряве Волошской, около города Санoka. Украинский историк и искусствовед Илларион Семенович Свентицкий (1876—1956) приобрел книгу для Церковного музея во Львове. В 1908 г. ее описание появилось на страницах печатного каталога этого известного собрания старопечатных изданий. Ныне с *Псалтырью* 1570 г. можно познакомиться в библиотеке Львовского музея украинского искусства.

На листах, о которых идет речь, напечатано второе предисловие, написанное от имени гетмана Григория Александровича Ходкевича. В нем говорится о широком распространении книгопечатания «в здешнем панстве его милости государя нашем отчизном, як в коруне польской, так и в Великом князьстве Литовском...— тшанием и попечением многих людей промыслено есть создавши варстаты друкарские». Далее гетман сообщал, что он «желанием вожделех» печатать книги «в нашем языке словенском для лености и нерадивости писцов, русским писанием». Для этого он и «учинил... варстат друкарский». Заканчивалось предисловие обещанием Ходкевича и в дальнейшем не жалеть средств на печатание славянских книг: «я тако же и вперед працы (т. е. труда.— *Е.Н.*) и накладу (т. е. средств) моего жаловати не буду и другыя книги... друковати дам».

Мы знаем, что обещание это выполнено не было. В скором времени после выпуска в свет *Псалтыри с Часословцем* Иван Федоров вынужден был уйти во Львов.

Друг и соратник первопечатника Петр Тимофеев Мстиславец еще раньше перебрался в Вильну. *Псалтырь* 1570 г. подписана одним лишь Иваном Федоровым. Все предыдущие его издания подписаны им вместе с Петром Тимофеевым.

Самый первый календарь

Московский *Часовник* 1565 г. и заблудовская *Псалтырь с Часословцем* 1570 г. — по экземплярам, которые нашел М. П. Погодин, — впервые были описаны в «Обзрении славяно-русской библиографии», вышедшем в 1849 г. Автор в издании не указан, но современники свидетельствуют, что им был чрезвычайно разносторонний человек, врач по образованию Иван Петрович Сахаров (1807—1863).

Чтобы читатель мог судить о широте интересов Сахарова, назовем некоторые его работы: «Русское церковное пение», «Луковичный промысел в России», «Выделывание овечьих шкур и дубление их», «Исследование о русском иконописании», «Роспись писателям, родившимся и жившим в Тульской губернии», «Летопись русского гравирования»... И все это капитальные, далекие от дилетантства труды.

Многотомный труд «Обозрение славяно-русской библиографии» — один из грандиозных замыслов Сахарова, которому — увы! — не суждено было осуществиться. Вышла в свет лишь вторая книга первого тома — «Хронологическая роспись славяно-русской библиографии». Это сводный каталог старопечатных книг. Иван Петрович не только описывал их — впрочем, достаточно кратко, но и указывал, в каком книгохранилище они находятся.

Кроме *Часовника* и заблудовской *Псалтыри*, И. П. Сахаров ввел в научный оборот еще одно издание Ивана Федорова.

Пригласил его как-то к себе богатый купец Алексей Иванович Кастерин, владелец великолепной библиотеки старых книг церковной печати. Много лет спустя библиограф и книголюб Н. Ф. Бокачев рассказывал: «Кастерин был знаком со всеми любителями книг и книгопродавцами, со всеми ими находился в постоянных сношениях; за книги, которые ему нравились, платил столько, сколько с него спрашивали, так что после его смерти дорогие книги упали в цене почти на 30 процентов. Таким образом, при обширных связях, большой охоте и коммерческой ловкости Кастерин в короткое время собрал более тысячи книг, тогда как другие собиратели в продолжение десятков лет едва успели набрать одну четвертую долю сего».

Кастерин польстил Ивану Петровичу, сказал, что преклоняется перед его ученостью, и поэтому решил просить его составить каталог своей библиотеки — по примеру строевских каталогов собраний И. Н. Царского и Ф. А. Толстого. Сахаров познакомился с библиотекой и согласился. Тогда же он начал работать. Но какой-то злой рок тяготел над Иваном Петровичем — и здесь его ждала неудача. Каталог уже начали печатать, как пришла беда: 1 августа 1847 г. Кастерин неожиданно скончался. Печатание каталога остановили.

Собрание Кастерина приобрел у его наследников богатый меценат С. Ф. Соловьев и преподнес его Петербургской публичной библиотеке. За это ему выхлопотали золотую медаль на Владимирской ленте.

Корректурные оттиски каталога, составленного И. П. Сахаровым, сохранились в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Есть тут сведения и об издании Ивана Федорова, о котором ранее библиографам известно не было. «Наш экземпляр — единственный», — с гордостью подчеркнул И. П. Сахаров. Это была двухстраничная листовка, озаглавленная так: «Которого ся месяца што из старых веков деело короткое описание».

Ныне с листовкой можно познакомиться в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это первый в нашей стране печатный календарь, в котором перечислены 12 месяцев — с сентября по август; новый год в ту пору начинался 1 сентября.

Названия месяцев приведены латинские, древнееврейские и «простые» — украинские: «Месяца июля, по гебрейску тамус, просто — липец». Вслед за названием месяца рассказывается о наиболее важном, по мнению автора календаря, событии, которое в этом месяце произошло. Рассказывается двухстрочными виршами, поэтому листовка не только первый у нас календарь, но и первое в России и на Украине отдельное издание поэтического произведения.

События, о которых идет речь, взяты из библейской истории. 27 июня, например, случился всемирный потоп:

Ужо воды всих топят. Ной же в корабль вошел.
Знать иж богу кланялся, про то ласку знашол.

17 октября Ноев ковчег приплыл к горе Арарат:

Арка с Ноем на горе станула на суши.
Другой потоп не будет — так нам письмо туши.

Кто автор этих немудреных виршей? В конце листовки указано: «Друковано 5 дня мая, року 1581, в Остроже. Писанье Андрея Рымши». Учёные установили, что Рымша родился около 1550 г. в шляхетской семье, владевшей землями в деревне Пеньчина неподалеку от Новогрудка. В 1580-х гг. несколько его стихов-«эпикграмм» на гербы литовских и белорусских вельмож опубликованы в виленских изданиях. В 1585 г. в Вильне был напечатан прозаический труд Рымши «Десятилетняя повесть военных лет», сообщавший о походах литовского военачальника Криштофа Радзивилла. Десять лет спустя белорусский литератор перевел с латыни на польский язык рассказ о путешествии в Иерусалим паломника Ансельма Поляка. Перевод увидел свет в Вильне в 1595 г.

Вскоре после этого Андрей Рымша умер. Больше его имя не встречается.

Все его книги очень редки. «Десятилетняя повесть...», как и первый календарь, сохранилась в единственном уникальном экземпляре, который хранится в Гданьске, в Библиотеке Польской академии наук. А перевод рассказа о паломничестве Ансельма, который Рымша назвал «Хорография, или Топография, или Подробное и обстоятельное описание Святой земли», сохранился в двух экземплярах. Они находятся в Кракове: один — в Ягеллонской библиотеке, а второй — в Национальном музее.

**Глава пятая,
В КОТОРОЙ ПОЙДЕТ РЕЧЬ О ТОМ,
ЧТО ЕЩЕ ДО АПОСТОЛА 1564 г.
В МОСКВЕ ВЫПУСКАЛИСЬ ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ;
НА НИХ, ОДНАКО, НЕ УКАЗАНО НИ ВРЕМЕНИ,
НИ МЕСТА ИЗДАНИЯ**

«В московском недавно друкованном...»

В том самом 1844 г., когда Михаил Петрович Погодин приобрел заблудовскую *Псалтырь*, пришел к нему некий И. Ф. Тархов, промышлявший продажей старых фолиантов, и принес толстый, переплетенный в кожу том. Погодин отстегнул застешки переплета и осторожно открыл книгу. Вначале шли переписанные от руки беседы Григория Богослова, «послание Доминика, архиепископа Венетийского», житие первооткрывателя славянской письменности Кирилла Философа.

Сборник был интересным. Погодин с удовольствием и с острым предчувствием великолепной находки перелистывал его.

Предчувствие не обмануло. В конец книги были вплетены 62 листа — не написанных, но напечатанных. На титуле, правый нижний край которого был оборван, стояло: «Первая часть Нового завета, або Тестаменту».

Руки у Погодина дрогнули. Такой книги не было ни в его Древлехранилище, ни в одной из знакомых ему библиотек. Да и в библиографических указателях издание описано не было — это Михаил Петрович знал точно. Он тут же, не торгуясь, купил сборник.

Когда книготорговец ушел, Погодин подробно познакомился с книгой. Перед печатным текстом оказалось написанное от руки предисловие, составленное человеком по имени Василий Тяпинский (см. иллюстрацию на с. 51). Это имя в ту пору никто не знал! Тяпинский рассказывал, что из любви «ку моей отчизне», «своей Руси услугоючи» он перевел часть Нового завета — Евангелие на народный язык и решил напечатать его «двема языки зараз, и словенским и при нем тут же русским». Переводить книгу и готовить ее к печати, по словам Тяпинского, более пристало сведущим людям. Себя же он ученым мужем не считал, говорил, что он «не немец, и не доктор, и ниякий постановенный меж попы». Но «митрополитове, владыки и нихто з учоных» до сих пор не взялись за издание Евангелия на родном языке.

Вдохновлял Тяпинского подвиг славянских просветителей Кирилла и Мефодия, которые перевели Священное писание еще в ту пору, когда у других

народов — «у недалеких влохов, немцев, поляков, французов, гангликов (англичан.— *Е. Н.*), гишпанов (испанцев), а коротко мовечи — всих на свете хрестиянских народов» — таких переводов не было.

Тяпинского глубоко огорчало забвение родного языка, особенно же в среде феодальной знати — у «великих княжат, таких панов значных». На смену былой народной мудрости, по его словам, «оплаканная неуметность пришла». Более же всего его возмущало, что те, «которых межи нами зовут духовными и учителя», настолько забыли родной язык, что «его не вмеют, его вырозуменя не знают».

Василий Тяпинский призывает знатных и богатых белорусских и украинских магнатов содействовать просвещению народа. Нужно, говорит он, «школы заложити и науку... от так многих лет занедбаную, выдвигнути».

Впоследствии историки отыскали в архивах документы, из которых явствовало, что полное имя человека, о котором идет речь, — Василий Николаевич Тяпинский-Омельянович. Он родился около 1530 г. — в белорусской шляхетской семье и прожил богатую приключениями жизнь. Воевал, путешествовал, сблизился с радикально настроенными протестантами, которых называли антитринитариями. «Тринити» значит «Троица». Антитринитарии — этот догмат, признанный и православной, и католической церквями, отрицали.

Собрания «синоды» антитринитариев происходили «в доме брата милого Василия Тяпинского» — об этом сообщает в одной из своих книг Сымон Будный — деятель белорусско-литовской реформации. Об этом человеке нужно рассказать, ибо жизненные пути его и Ивана Федорова пересекались.

Сымон Будный родился в 1530 г. Учился он в Краковском университете и здесь познакомился с гуманистическими идеями века. Еще в молодые годы он отошел от католицизма, стал протестантом, затем антитринитарием, а перед смертью вообще порвал с религией. Его отлучили от церкви. Умер «великий еретик» 13 января 1593 г. в местечке Вишневе под Ошмянами. Последними его словами были: «Ей-богу, я не знаю никакого бога... Ей-богу, я не знаю Христа, я ничего не помню о Христе!»

С именем Будного связана деятельность славянской типографии, находившейся в Несвиже, небольшом белорусском городке неподалеку от Слуцка. Здесь в 1562 г. были напечатаны две книги, сочиненные Будным. Одна из них — «Катихисис для деток христьянских языка русского», вторая — «О оправдании грешного человека перед богом».

«Катихисис...» сохранился в 10 экземплярах, которые сейчас находятся в библиотеках Москвы, Ленинграда, Кракова и Праги. Вторая же книга Будного до нас не дошла. В начале прошлого века ее видел и описал Василий Степанович Сопиков. Где находится экземпляр, который он держал в руках, никто не знает.

В дальнейшем вышло немало книг Сымона Будного, но уже на польском языке. Он перевел на этот язык сначала Новый завет, а затем и всю Библию.

Человек острого и язвительного ума, блестящий полемист, знаток древних и новых языков, Будный не мог не оставить заметного следа в памяти первопечатника Ивана Федорова.

Впрочем, встречались ли они? Ответ на этот вопрос можно найти в переводе *Нового завета*, изданном в 1574 г. в Лоске — небольшом местечке Виленского воеводства. Книга очень редка — сохранилось лишь два экземпляра,

КАТИХИСИЪ.

ТО ЕСТЬ,

НАЗКА СТАРОДЯВНЯЯ ХРІСТІАНЬ
СКІЯ ѿ СВЕТОГО ПИСМА, ДЛЯ ПРО
СТЫХЪ ЛЮДЕИ ІЗЫКА РЪ
СКОГО, ВЪПЫТАНІЯХЪ ѿ
КЯЗЬХЪ СЪБРАННА.

ѿ ПЕРВЯГО СВЕТОГО АПОСТОЛА
ПЕТРА ПОСЛАНІА ЗАЧАЛО ѿ.

ГОТОВИ ПРИНО КЪ ѿВѢТЪ ВСАКОМУ ВЪ ПРОШАЮЩЕМУ ВЫ,
СЛОВО ѾВЯЩЕМЪ ѾПОВАНІИ СЪКРОПОСТІЮ И СТРАХО
СОВѢСТЬ ИМАЩЕ БЛАГУ И ПРОЧА.

которые в настоящее время находятся в Библиотеке Польской академии наук в Курнике и в Библиотеке имени Оссолинских во Вроцлаве. Возможно, именно поэтому никто из русских ученых, изучавших жизнь и деятельность Ивана Федорова, не знал о предисловии Будного «Ко всем верным читателям этих книг», помещенном в издании 1574 г. В 1913 г. предисловие перепечатал польский историк Г. Мерчинг. Но и на эту публикацию никто не обратил внимания. Лишь в 1965 г. белорусский историк Георгий Яковлевич Голениченко заметил, что в предисловии названо имя Ивана Федорова.

Сымон Будный говорит о начале книгопечатания в Москве, цитирует послесловие *Апостола* 1564 г. При этом он ссылается на «друкарей московских, которые здесь у нас уже несколько лет». Московское издание Будный получил от самих первопечатников. Рассказывая о редактировании первых русских книг, Будный пишет: «Знаю, что многие недавние и небольшие ошибки они, друкари, как сами мне сообщили, по старым книгам исправили, но старые... еретиков искажения не по московскому собранию книг править, и мало для этого голов Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Учинили то, что могли, за что им другие должны быть благодарны...»

Можно не соглашаться с Будным, когда он ставит под сомнение компетентность первопечатников. Важно другое: он лично встречался с Иваном Федоровым, значит, мог быть знаком с первопечатником и Василий Тяпинский.

Первую часть *Нового завета* Тяпинского описал в 1849 г. Иван Петрович Сахаров на страницах «Обозрения славяно-русской библиографии». Знакомясь с книгой в Древлехранилище М. П. Погодина, Сахаров нашел на ее полях ссылки на хорошо известный ему московский печатный *Апостол*. На первое издание Ивана Федорова Тяпинский ссылался тогда, когда ему нужно было растолковать какое-либо иностранное слово. В *Апостоле*, например, в одном случае было приведено греческое слово «евнух», а в другом — его славянский эквивалент — «скопец». Тяпинский же считал нужным употреблять в переводе народное слово «каженик».

Толкуя греческое слово «хламида», Тяпинский ссылался на то, что «в московском недавно друкованном Евангелии» это одеяние именуется «багряница». На московское *Евангелие* Тяпинский ссылается 8 раз. Ссылки эти И. П. Сахарова удивили. И вот почему. На страницах рукописного сборника, в который вплетено издание Василия Тяпинского, Иван Петрович обнаружил запись монаха Супрасльского монастыря Евстафия, сделанную в 1580 г. А значит, и *Новый завет* Тяпинского напечатан не позднее этого года.

А первое *Евангелие* в Москве, как это хорошо знал Иван Петрович и как утверждали решительно все библиографы, было напечатано лишь в 1606 г. Анисимом Михайловичем Радишевским, учеником Ивана Федорова.

«На какое московское издание ссылается Тяпинский? — писал И. П. Сахаров на страницах «Обозрения славяно-русской библиографии». — Конечно, на *Евангелие*, напечатанное Иваном Федоровым, доселе не отысканное, но знаемое по одним темным указаниям».

Означает ли это, что к числу книг, напечатанных Иваном Федоровым в Москве, нужно прибавить еще *Евангелие*? На этот вопрос лет двадцать спустя ответил Алексей Егорович Викторов. Но прежде чем рассказать о нем, зададим читателю вопрос, может быть, несколько неожиданный.

Что предпочтительнее — факт или гипотеза?

Разговор состоялся примерно четверть века назад в небольшой комнатенке одноэтажного флигеля на улице Неждановой, где в ту пору находилась редакция сборника «Книга. Исследования и материалы», только-только основанного. Кроме автора этих строк, который по относительной молодости лет и застенчивости больше слушал, чем говорил, в нем участвовали заместитель редактора «Книги» Николай Иванович Сахаров (1891—1971), подтянутость, аккуратность и выправка которого сразу же выдавали кадрового военного-отставника, и Николай Петрович Киселев (1884—1965), сухощавый, немного сгорбленный старик, лучший у нас знаток западной книги.

Тема разговора была отвлеченной — о допустимости гипотез и об их роли в научном прогрессе.

Тогда-то Николай Петрович и сказал, что, по его мнению, высшим научным достижением нужно считать открытие нового факта, никому ранее не известного.

Эрудиция Н. П. Киселева в области истории западноевропейской культуры была фантастической. По небольшому фрагменту латинского текста, напечатанного трудночитаемым готическим шрифтом-текстурой, он тотчас определял, что текст взят из учебника грамматики Элия Доната, что набран он шрифтом, известным в книговедении под наименованием «В⁴²», что этим шрифтом Иоганн Гутенберг напечатал знаменитую «42-строчную» Библию и что наш фрагмент скорее всего вышел из типографии Петера Шеффера, ученика Гутенберга.

Все публикации Н. П. Киселева, а было их не так уж много, вводили в оборот науки новые факты: фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии, обнаруженные им в библиотеке Московского университета; редкий экземпляр сочинения испанского философа Раймунда Луллия «Древо знания», напечатанного в Испании в начале XVI в.; никогда не воспроизводившийся инициал, найденный в уникальном экземпляре одного издания белорусского просветителя Франциска Скорины.

Николай Петрович составил образцовый для своего времени каталог инкунабулов — изданий XV в., хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Начал он издавать и каталог палеотипов — изданий первой половины XVI в., но, к великому сожалению, не закончил. Время — 1930-е гг. — не благоприятствовало книговедческим штудиям. Да и сам Киселев вскоре вынужден был переехать в Александровскую слободу — городок, лежащий в так называемой 100-километровой зоне, в которой можно было жить людям, высланным из Москвы.

Во всех работах Николая Петровича господствует «его величество факт». Может быть, и число трудов, опубликованных Николаем Петровичем за его долгую жизнь — он умер на 81-м году жизни, столь не велико и, очевидно, не соответствует его колоссальной эрудиции, потому что не хотел он заниматься пересказыванием и толкованием истин, установленных не им самим.

Виктор Александрович Истрин (1906—1967), автор капитальных монографий по истории письма и вместе с тем талантливый беллетрист, был человеком другого склада. В его трудах, содержащих свежие и смелые оценки и остроумные параллели, не было ни одного нового, самолично им добытого

факта, что ни в коей мере не умаляет значения этих работ и той роли, которую они сыграли в нашей науке о книге. В 1963 г. В. А. Истрину, первому из наших ученых, была присуждена степень доктора филологических наук по специальности «Книговедение».

В марте 1964 г., когда я защищал кандидатскую диссертацию, Виктор Александрович выступил на заседании ученого совета с блестящей речью-экспромтом, сказав между прочим следующее:

«Есть ученые двух типов. Одни проводят жизнь в архивах и библиотеках, перекапывая тысячи тонн бумаги в поисках новых фактов. Другие берут эти факты, анализируют их, обобщают и делают выводы,двигающие науку вперед».

К чести Н. П. Киселева и В. А. Истрина нужно сказать, что они никогда не абсолютизировали свою точку зрения. Николай Петрович не отрицал важной роли гипотетических построений, а Виктор Александрович отдавал должное неумолимым искателям новых фактов.

Были, однако, и в нашей области люди, для которых факт и только факт имел сколько-нибудь весомую научную значимость. Их нападки в свое время так рассердили Алексея Алексеевича Сидорова (1891—1978), члена-корреспондента Академии наук СССР, известного книговеда и искусствоведа, что он в статье о художественно-технических особенностях славянского первопечатания вспомнил о предостережении В. И. Ленина. Основатель нашего государства говорил о том, что за выхватыванием отдельных фактиков, игрой в примеры нельзя забывать о требовании брать факты в их целом, в неразрывной связи друг с другом и с окружающим их миром.

Наш рассказ — об ученом, который ввел на страницы истории книжного дела великое обилие фактов и вместе с тем не боялся выдвигать смелые гипотезы. В прошлом веке они почти никем приняты не были, в наше время считаются аксиомами.

А. Е. Викторов не верит авторитетам

В 1912 г. в импозантном томе, изданном к пятидесятилетию Московского Румянцевского музея, был помещен список «личного состава» этого прославленного собрания книг и произведений изобразительного искусства, которому в следующем пятидесятилетии суждено было стать крупнейшей библиотекой мира. Помянут в списке и «младший помощник библиотекаря, сверхштатный чиновник X класса, имеющий свидетельство Императорского университета Николай Петрович Киселев»; он пришел в библиотеку 21 мая 1911 г.

В ту пору еще была жива память о человеке, который создавал Отделение рукописей и славянских старопечатных книг и стал его первым хранителем. Имя его также названо в списке: «статский советник Алексей Егорович Викторов». Он стал сотрудником Румянцевского музея в 1862 г., в год его открытия для публики, и трудился здесь до последнего дня — до 20 июля 1883 г.

Лицо, которое смотрит на нас с портрета, напечатанного в юбилейном сборнике, ничем не примечательно. Гладко выбритый подбородок, густые, переходящие в бородку баки, мечтательные глаза. Галстук «бабочкой» и фатоватые брюки в полоску как-то не вяжутся с традиционным обlikом «книжного червя», вся жизнь которого прошла среди старых рукописей.

Внешность обманчива. Чего-чего, а фатовства в жизни А. Е. Викторова не было. Личная судьба его сложилась трагически.

Сын деревенского дьячка из небольшого сельца Орловской губернии, он пошел традиционным путем выходца из духовного сословия. Четырнадцать лет от роду поступил в Орловскую семинарию, в 1846 г. стал слушателем Московской духовной академии. Схоластическая система образования, процветавшая здесь, гнетущим образом действовала на слушателей. Вспоминая о годах учебы, Викторов впоследствии писал академику И. И. Срезневскому, что вышел он из стен академии с теми же знаниями, с которыми пришел туда.

Карьера священнослужителя не вдохновляла Алексея Егоровича. В 1852 г., окончив академию, он попросил уволить его из духовного звания «за слабым здоровьем». И тогда же поступил на службу в архив Министерства иностранных дел, где когда-то трудились К. Ф. Калайдович и П. М. Строев.

Младший архивариус Викторов много читал в те годы. Древняя российская словесность стала его страстью — одной на всю жизнь.

Работая в архиве, Алексей Егорович одновременно вел курс древнерусской литературы в Ермоло-Мариинском институте для девиц. Одна из слушательниц — княжна Мария Макушева — привлекла его внимание тем, что самостоятельно изучила древнерусский язык и перевела с него летопись Нестора. Викторов часто беседовал с девушкой и постепенно привязался к ней. Выпускные экзамены Макушева сдала блестяще. Поздравляя ее, Алексей Егорович неожиданно для себя сделал предложение. И добавил:

«Вы княжна, а я попович! Захотите ли идти об руку с поповичем?»

Вскоре сыграли свадьбу. Совместная жизнь складывалась счастливо. Но полтора года спустя молодая жена Алексея Егоровича заболела и умерла. Викторов замкнулся в себе и отныне уже ничем, кроме милых его сердцу старинных книг, не интересовался. Жил он на казенной квартире, в которой, как вспоминают современники, не было «ни кровати, ни обеда, ни даже прислуги — ничего, что делает уютной и приветливой квартиру одинокого человека». Спал Алексей Егорович «на жесткой кушетке, питался — как студент — сухоядением: яйца, колбаса, икра — обычное меню студенческой кухни, и только за год до смерти стал посылать за обедом в один из московских трактиров».

В 1862 г. Викторова пригласили в только что открытый в Москве Румянцевский музей, для которого он сделал исключительно много. Коллекция старопечатных книг, собранная графом Н. П. Румянцевым, могла похвалиться первоклассными раритетами. Но была она и весьма фрагментарной. Русских книг XVI—XVII вв. в ней было менее ста.

А. Е. Викторов старался пополнить собрание. Он много ездил по стране, посещал монастыри и старые церкви, привозил в Москву рукописи и древние книги. Все собиратели были у него на учете. Некоторых он уговаривал подарить книги музею, у других выменивал раритеты, которых в музее не было, у третьих покупал коллекции целиком.

«Какими-то путями, — рассказывают современники, — ему удавалось всегда знать первым не только о продаже какой-нибудь библиотеки, но даже какой-нибудь одной рукописи или старопечатной книги. И во время хлопот о таких приобретениях он обыкновенно переживал все муки, какие переживает влюбленный, не уверенный во взаимности. Мучился, волновался, лишался аппетита, не спал ночи, если встречались неудачи в задуманных планах».

Дом Пашкова, в котором помещались Московский публичный и Румянцевский музеи. С современной фотографии.

В годы, когда А. Е. Викторов стоял у кормила Отделения рукописей, в Румянцевский музей поступили собрания Т. Ф. Большакова и Д. В. Пискарева, известных московских книготорговцев, изучателя древней письменности архимандрита Амфилохия (в миру — Павла Ивановича Сергиевского), путешественника и археолога П. И. Севастьянова. Особенно богатыми были библиотеки библиографа и книговеда В. М. Ундольского и украинского коллекционера И. Я. Лукашевича: в каждой более 800 старопечатных книг.

Сколько томов за эти годы прошло через руки Алексея Егоровича, сосчитать невозможно! Каждый из них он внимательно изучал и тщательно описывал: архив А. Е. Викторова, который хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, — неисчерпаемый кладезь сведений для историков рукописной и печатной книги.

Читатель, наверно, помнит слова М. П. Погодина о Василии Федоровиче Моржакове, торговавшем старыми книгами на Нижегородской ярмарке: «...не зная грамоте, он взглянет на книгу и скажет вам, бывало, где она напечатана».

Алексей Егорович Викторов этим искусством овладел в совершенстве. По сравнению с Моржаковым у него было немало преимуществ, и прежде всего блестящие познания в области древнерусской словесности. Был Викторов

и превосходным палеографом (палеография — это наука, изучающая историю письма и рукописного книжного дела), он моментально с листа расшифровывал замысловатую вязь, читал неразборчивую скоропись, мог по почерку определить место и время создания рукописи.

В отдаленнейших закоулках его памяти день за днем откладывались приемы времени и стиля — особенности письма, завитушки орнамента, приемы печати. В необходимый момент память срабатывала, разрозненные детали и сведения складывались в стройную картину, рождались выводы и гипотезы.

Из великой массы просмотренных Викторовым старопечатных книг мысль его со временем вычленила обособленную группу: три *Евангелия*, две *Псалтыри* и две *Триоди*. Ни в одной из этих книг не было ни предисловий, ни послесловий. Кто, где и когда напечатал их, оставалось загадкой.

Попадались они библиографам и ранее. Еще в 1833 г. собиратель старых книг А. С. Ширяев описал одно из Евангелий с характерным узким шрифтом. Напечатано оно плохо: видно, мастер его только-только осваивал типографскую технику.

«Она есть одна из первых вышедших на славянском языке книг», — считал Ширяев. И отнес ее к самому началу XVI столетия.

Павлу Михайловичу Строеву было известно другое *Евангелие* с более широким шрифтом и заставкой, в котором изображен один из легендарных авторов книги — евангелист Матфей. Книга нашлась в собрании Ивана Никитича Царского, каталог которого Строев составил. В том же собрании было еще одно *Евангелие* с совсем уже широким шрифтом, а также *Триодъ постная* с удивительно красивой заставкой.

«Напечатано где-нибудь на юге в начале XVI века», — решил П. М. Строев.

Лишь последнее *Евангелие* вызвало у него некоторые сомнения, и он сопроводил описание следующим меланхолическим размышлением:

«Издание, не известное библиографам, конечно, южное; или не первое ли московское, если оно действительно было».

«Где-нибудь на юге» — значит в Сербии, в Валахии или в Венеции. Мнение это вскоре стало общепринятым.

Иван Прокофьевич Каратаев, один из крупнейших авторитетов в области славянской библиографии, описал в своей «Хронологической росписи славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами», изданной в Петербурге в 1861 г., три *Евангелия* и *Триодъ постную*, не имеющих выходных сведений, и атрибутировал: «южной типографии, половины XVI века».

Заинтересовавшись безвыходными старопечатными книгами, А. Е. Викторov прежде всего установил, что все они очевидно вышли из одной типографии. Двум *Евангелиям* — со средним и с самым широким шрифтом — соответствовали две *Псалтыри*, напечатанные теми же шрифтами. Во всех трех *Евангелиях* встречалась одна и та же заставка. Были и общие инициалы буквицы.

Шрифт, вязь, заставки книг, вне всякого сомнения, восходили к московской рукописной традиции, превосходно знакомой Алексею Егоровичу. На краковские, черногорские, венецианские они совершенно не походили.

А. Е. Викторov тщательно изучил особенности языка и состава безвыходных книг. Редакция их во всем восходила к московским рукописям первой половины XVI в.

Заставка с изображением евангелиста Матфея из среднешифтного Евангелия.

Постепенно складывалось мнение: безвыходные старопечатные издания напечатаны в Москве. Однако высказать его публично Алексей Егорович не решался. Слишком велик был авторитет П. М. Строева, И. П. Каратаева и других библиографов.

Кроме того, нужно было решить и другой вопрос: когда были напечатаны безвыходные издания?

«Положили на Лампожне»

Чтобы определить миграцию птиц, их кольцуют. Книги подчас путешествуют на более дальние расстояния, чем птицы. Но книгу не закольцуешь...

Кольца не кольца, а приметы места и времени на страницах древних фолиантов остались. Изучая эти приметы, мы можем выяснить, где и когда побывала книга. А иногда — где и когда она была напечатана.

Речь идет о записях на страницах книги.

Школьник-аккуратист брезгливо морщится:

«Марать книгу? Да ведь это верх бескультурия!»

Согласен, но с небольшой оговоркой. Покупая книгу в магазине, даже поддержанную, я тоже люблю, чтобы она была чистой. Иное дело, когда в архиве или библиотеке раскрываешь ни разу еще не просмотренный экземпляр старопечатного издания или рукопись. У исследователя иная реакция и другие за-

просы. Если книга чиста, он огорчается: такой экземпляр ничего не расскажет ни о своих прошлых владельцах, ни о том, в каких краях он побывал.

Вспомним слова Н. А. Некрасова:

Одно заметил я давно,
Что как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге.

К счастью для историков, наши предки любили оставлять автографы на страницах книг. Делалось это в разных случаях. Владелец нередко считал необходимым засвидетельствовать, что экземпляр принадлежит именно ему и никому другому: «Сия книга, глаголемая Соборник, вольной жонки посацкие дочери Татьяны Федоровны дочери Скрябина».

Такие же записи оставляли на полях книгохранители монастырских библиотек: «Сия книга домовая церковная Николы чудотворца да Георгия страсто-терпца общего монастыря с Прилука на Двине».

Если кто-либо дарил книгу, он свидетельствовал об этом на ее страницах. Например, так: «172-го году (т. е. 1663 г.—*Е.Н.*) сентября в 1 день книга глаголемая Миней села Павлова крестьянина Васьки Евсегнеева сына Белоусова, а благословил его дедушко Самойло Иванов сын Посник». Вот какой заботливый дедушка — подарил книгу к Новому году!

Купить нужную книгу сейчас не составляет труда — нужно лишь, чтобы она была в книжном магазине и в достаточно большом количестве. Заплатите в кассу, вручите чек продавцу — и дело сделано!

Не так было в старину — в XVI—XVII вв., когда книги стоили дорого. Покупатель хотел знать, не сделал ли он какой-то промашки. Вдруг книга — краденая, и с нею придется распрощаться. А может, и сам продавец — человек нечестный. Заявит, что у него украли книгу или что деньги заплатили не полностью.

Поэтому продажу книги обставляли формальностями. Составляли специальную купчую-отпись, которую нередко фиксировали на страницах самой книги. В отписи упоминались имена покупателя и продавца, а иногда и свидетеля: «Продал сию книгу поп Кузьма Степану Федорову, а поручился Миля Ветошкин».

Книготорговец свидетельствовал, что он «деньги все сполна взял» или что «книга куплена без выкупа». Он давал обязательство «очищать» покупателя — брать все возможные неприятности на себя. Так, в 1546 г. Петеля Евсеев, продав Псалтырь «Ивану Данилову сыну книжнику», написал на ней: «...и кто за ту Псалтырь поймаецца и мне очищать».

Яков Остафьевич Сушков, по прозвищу Ушак, продавший в 1569 г. Евангелие игумену Тихону, засвидетельствовал, что он «взял на том Евангелии рубль денег и мне Якову до того Евангелия дела нет».

Отписи, в которых указывались и цены книг, — важный источник для истории книжного дела. Историки тщательно собирают и внимательно изучают их. Обращал на них внимание и Алексей Егорович Викторov. В библиотеке московского коллекционера Павла Васильевича Щапова он обнаружил одно из безвыходных Евангелий, страницы которого украшала (в этом случае иначе и не скажешь!) следующая запись: «Лета 7071 (т. е. 1563 г.—*Е.Н.*) сию книгу

новопечатное Евангелие положили на Лампожне страстотерпцу Христову Георгию в дом Кирило Михайлов сын Офутина з братьею, а подписал Кирило сам своею рукою апреля в 23 день».

Значит, за год до выхода в свет первой книги Ивана Федорова — московского *Апостола* 1564 г. — Кирилл Михайлович Офутин уже держал в руках недавно напечатанное *Евангелие*. Было это в Лампожне — слободке на Мезени, в то время крупном торговом пункте, где московские купцы обменивались товарами с «самоядью» — народами Севера.

На страницах безвыходной *Триоди постной*, хранившейся в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, А. Е. Викторов прочитал: «Лета 7070-го (т. е. 1562 г. — *Е.Н.*) дал книгу сию в дом Чюдному Богоявлению старец Севастьян, митрополич ключник, по своей душе и по своих родителех на поминок».

Алексей Егорович знал, что «Чюдное Богоявление» — это церковь на подворье Троице-Сергиева монастыря в Москве (каждый крупный монастырь имел свое представительство в столице), а «старец Севастьян» — один из приближенных московского митрополита Макария, который вел его хозяйство.

Теперь уже сомнений у Алексея Егоровича не оставалось: безвыходные издания напечатаны в Москве до *Апостола* 1564 г.

«Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного *Апостола* 1564 года?»

Так назывался доклад, прочитанный А. Е. Викторовым в июле 1874 г. в Киеве на Третьем Археологическом съезде. Нужно было обладать недюжинной научной смелостью, чтобы поставить этот вопрос. Все, казалось, было против Алексея Егоровича — многолетняя традиция, авторитетные указания зачинателей славяно-русской библиографии и, наконец, слова самого Ивана Федорова в послесловии к *Апостолу* 1564 г. о том, что именно эта книга была напечатана им «первее». Трудности не остановили археографа: он знал, чтобы сказать новое слово в науке, нужно прежде всего сломать традицию.

В докладе шла речь о трех изданиях: двух *Евангелиях* и одной *Триоди*.

Десять лет спустя, 26 марта 1883 г., Викторов писал историку и археографу Л. А. Кавелину: «Впоследствии я порешил свой реферат, составляющий только извлечение из того, что было мною написано, обработать в более подробном виде, причем взял под свою опеку и другие, обращающиеся в нашем книжном мире безвыходные издания... Но по разным причинам должен был отложить печатание своего издания, для которого я готовил свою статью. Так мое писание и лежит доселе в письменном столе и не явилось миру, хотя я еще не отчаиваюсь возвратиться к нему».

Надеждам Алексея Егоровича не суждено было сбыться. Несколько месяцев спустя он отправился на воды в Пятигорск и там, поев немытые вишни, заболел и умер. Было ему 56 лет.

Большое исследование Викторова о московских безвыходных изданиях осталось неопубликованным. Лишь в 1954 г. сотрудница Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Р. П. Маторина, разбирая архив Викторова, нашла подготовленные к печати сверстные листы.

В 1976 г. автор этих строк опубликовал труд Алексея Егоровича в ежегоднике «Федоровские чтения».

Когда историки познакомились с неопубликованной работой А. Е. Викторова, многое для них было неожиданным. Считалось, что он ввел в научный оборот сведения о трех безвыходных изданиях — узкошрифтным и среднешрифтным *Евангелиях* и *Триоди постной*. Честь открытия еще трех изданий — среднешрифтной и широкошрифтной *Псалтыри* и широкошрифтного *Евангелия* отдавали другим исследователям: Л. А. Кавелину, А. А. Гераклитову и А. И. Некрасову. Оказалось, что Алексею Егоровичу были известны и эти издания. Более того, он описал седьмое безвыходное издание — *Триодь цветную*, о которой никто ничего не знал. Викторов обнаружил эту книгу в коллекции московского собирателя П. В. Шапова.

Впоследствии книга пропала. Шаповская библиотека в 1888 г. поступила в Государственный Исторический музей. Однако *Триоди цветной* в ней не было. Так никто и не видел этой книги. Сохранились в архиве А. Е. Викторова фотографии нескольких листов. Лишь в самое последнее время появились известия, что фрагмент *Триоди цветной* поступил в древлехранилище Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

Мастер печатных книг Маруша Нефедьев

А. Е. Викторов доказал, что и до 1564 г. в Москве выпускались печатные книги. *Апостол* Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца не был первенцем нашего типографского дела. Может быть, и мастеров этих не следует называть первопечатниками? Кому же присвоить это гордое звание?

В 1843 г. в Археографическую комиссию из Новгородского губернского правления прислали две «копийные книги» XVI в. Изо дня в день в 1554—1556 гг. новгородские подьячие переписывали в них царские указы и другие бумаги, приходившие из Москвы.

Одна из книг была сильно попорчена, верхние края листов отсырели, текст на них едва читался. Разбирал записи Яков Иванович Бередников (1793—1854), давний сотрудник П. М. Строева по археографическим экспедициям.

«Первые строки весьма трудно разобрать,— рассказывал он впоследствии,— но я прочел их по навыку и сравнению с подобными местами, встречающимися в других грамотах».

Внимание Я. И. Бередникова привлекла грамота, написанная 9 февраля 1556 г. в Москве со слов царя дьяком Андреем Васильевым. Вот ее текст, который я переложил на современный русский язык:

«От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в нашу отчину в Великий Новгород дьякам нашим Федору Борисову сыну Еремееву и Казарину Дубровскому. Я послал в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева и велел ему осмотреть камень, который приготавил Федор Сырков на помост к церкви Пречистой к Стретенью. И когда Маруша этот камень осмотрит и скажет вам, что он годится к церковному помосту и гравировать изображения на нем можно, как это сделано в церкви Премудрости божией и в церкви Благовещения возле Аркажа монастыря, то вы этот камень осмотрите сами и мастеров для этого дела подберите, кто бы мог сделать изобра-

жение такое же, как в церкви Софии Премудрости божией. А может быть, и сам Маруша захочет на том камне попробовать силы. И вы бы прислали тот камень к нам на образец, камня два или три, вместе с Марушею. И велели бы испробовать все три камня — железницы, и голубицы, и красный. Да Маруша нам говорил, что в Новгороде есть мастер, зовут его Васюк Никифоров и он умеет гравировать разные изображения. И вы бы того Васюка прислали бы к нам с Марушею вместе. А если он не успеет собраться, пусть едет позднее один, но так, чтобы был в Москве поскорее».

Марушу Нефедьева послали в Новгород, чтобы определить пригодность камня, предназначенного для церкви, которую в ту пору строили в Московском Кремле на подворье Юрия Васильевича — слабоумного брата Ивана Грозного. Маруша должен был определить, можно ли резать по камню барельефы. Заодно царь вызывал в Москву и гравера Васюка Никифорова, который, как сказано в древнерусском оригинале грамоты, «умеет резати резь всякую».

Во всем этом ничего удивительного не было. Поражало лишь то, что Маруша назван «мастером печатных книг». Имя Маруши Нефедьева упомянуто еще в одной грамоте — от 22 марта 1556 г.; на этот раз он назван «печатным мастером». Идет речь о том, что Маруша осмотрел камень и образцы его привез в Москву. Кремлевские мастера решили, что «тот камень пригодится». Царь приказал отправить камень в Москву, пока еще не стоял снег, «чтоб вам успеть тот камень к нам санями прислати».

Упоминание о Маруше Нефедьеве один раз как «мастере печатных книг», а другой — как «печатном мастере» повергло в изумление Я. И. Берендиков. Докладывая 21 сентября 1843 г. на заседании Археографической комиссии о вновь найденных документах, он меланхолически заметил: «Если в 1556 году были печатники в России, то что же останавливало книгопечатание до 1563 года?»

На этот вопрос, как мы знаем, ответил А. Е. Виктор, установивший, что книги печатались в Москве и до того, как в 1563 г. здесь была основана типография Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Быть может, в этих первых опытах принимали участие Маруша Нефедьев и Васюк Никифоров?

Однако историки не торопились называть этих мастеров первопечатниками. И вот почему.

Ученый архимандрит

Калужский дворянин Лев Александрович Кавелин (1822—1891) в молодые годы мечтал о военной карьере. Он поступил в Волынский полк и блистал эполетами на балах Петербурга и Москвы. Мамаши входящих в годы невест считали его прекрасной партией. Но Кавелин неожиданно для всех покинул полк. Что случилось с ним, никто не знал, пока в Оптиной пустыни не объявился молодой монах Леонид.

Несчастливая любовь или еще что были тому причиной, сейчас сказать трудно. Бесспорно одно: история российской словесности явно выиграла от столь неожиданного решения блестящего офицера.

Впоследствии Леонид долго жил на Востоке — в Константинополе и Иеру-

салиме. Посещал древние монастыри на Афонской горе. И всюду часами сидел в монастырских библиотеках, разбирал рукописи и старопечатные книги. В 1877 г. его назначили наместником Троице-Сергиевой лавры под Москвой. Здесь он всецело посвятил себя археографическим занятиям, чему в немалой степени способствовало богатейшее книгохранилище лавры.

Архимандрит Леонид составил образцовые для своего времени каталоги и описания рукописей Троице-Сергиевой лавры, Козельской Оптиной пустыни, Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, городских и сельских церквей Калужской епархии. По сей день считается классическим составленное им четырехтомное «Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова», изданное в Москве в 1893—1894 гг.

Изучая старопечатные издания, Леонид, хотя он и не знал о работах А. Е. Викторова, также выделил группу безвыходных книг. Поначалу ему казалось, что все они напечатаны в Кракове, возможно, самим славянским первопечатником Швайпольтом Фиолем.

Я отыскал в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина принадлежавший Леониду экземпляр «Описания славяно-русских книг», составленного И. П. Каратаевым и выпущенного первым изданием в 1878 г. Поля его испещрены пометами. Получилось так, что о докладе А. Е. Викторова на Третьем Археологическом съезде ученый архимандрит узнал не сразу. Это видно из следующей его приписки на полях каратаевского «Описания...» против текста о безвыходных изданиях, которые, по мнению Каратаева, напечатаны «в южных типографиях»: «Все сии издания краковские... Может быть, и напечатаны тайно (по силе королевского запрещения), а потому без выхода».

Позднее Леонид подробно изучил безвыходные издания и убедился в их московском происхождении. На полях «Описания...» появилась новая приписка: «...напечатаны между 1562—1563 годами, напечатаны в Москве, а не в южных типографиях, как полагает автор сего «Описания».

Накопленные с годами наблюдения ученый архимандрит положил в основу библиографического исследования «Евангелие, напечатанное в Москве. 1564—1568», которое издано в Петербурге в 1883 г. Описал он здесь широкошрифтное издание. И высказал мнение, что это то самое «московское недавно друкованное Евангелие», на которое ссылался Василий Тяпинский. *Новый завет* Тяпинского Леонид видел в Петербургской публичной библиотеке, куда эта книга поступила вместе с собранием М. П. Погодина.

Кто же печатал безвыходное *Евангелие*? У архимандрита Леонида никаких сомнений не было, конечно же, Иван Федоров. В доказательство он привел следующий факт: одна из заставок книги отпечатана с той же самой доски, что и в *Апостоле* 1564 г.

В дальнейшем оказалось, что доска другая. Но чтобы установить это, понадобилось более 50 лет.

Кроме широкошрифтного *Евангелия*, Л. А. Кавелин писал в своей брошюре о двух других безвыходных *Евангелиях*, об одной *Псалтыри* и о *Триоди постной*.

А. Е. Викторов знал гораздо больше. Да и мыслил он шире, выводы его более обоснованны. Но в обстановке всеобщего скепсиса, которым было встречено его сообщение на Третьем Археологическом съезде, поддержка со стороны

столь авторитетного знатока церковной старины пришлось ему более чем кстати. Ведь Леонид сделал те же выводы, что и он. И Викторов с благодарностью откликнулся на письмо ученого архимандрита, приславшего ему свою брошюру.

После смерти Алексея Егоровича Леонид в рецензии на второе издание каратаевского «Описания...», опубликованной в мае 1884 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», возмущался тем, что «г. Каратаев относится почему-то неблагоприятно к мнению, уже получившему право гражданства в библиографии, мнению, столь доказательно выраженному и впервые заявленному нашим известным московским библиографом покойным А. Е. Викторовым».

К сожалению, не только И. П. Каратаев «неблагоприятно» отнесся к утверждению о московском происхождении безвыходных изданий. С 1878 г., когда был опубликован доклад Викторова, и до 1917 г. появилось свыше 200 книг и статей, так или иначе затрагивавших вопросы возникновения русского книгопечатания. Лишь в одной-двух работах упоминалось об исследованиях А. Е. Викторова и Л. А. Кавелина.

Буржуазная историография конца XIX—начала XX в., представленная громкими именами И. Е. Забелина, Е. В. Барсова, М. Н. Сперанского, Е. Е. Голубинского, по-прежнему первой московской печатной книгой считала *Апостол* 1564 г.

Добро бы еще эти авторы возражали А. Е. Викторovu и Л. А. Кавелину. Куда там! Они просто замалчивали их работы.

В 1895 г. историк церкви Е. Е. Голубинский опубликовал в «Богословском вестнике» статью «К вопросу о начале книгопечатания в Москве» и здесь, упоминая о безвыходных изданиях, утверждал, что «большинство наших библиографов считают эти книги за произведения типографий южных, то есть южнославянских или угровлахийских». Предположение А. Е. Викторова о том, что эти книги «напечатаны были в Москве до *Апостола* 1564 года», «не может быть признано за вероятное».

Вот и вся аргументация!

Со временем выводы А. Е. Викторова и Л. А. Кавелина стали забываться. Полвека спустя московское происхождение безвыходных изданий пришлось доказывать заново советским книговедам А. А. Гераклитову, А. С. Зерновой, Т. Н. Протасевой.

**Глава шестая,
В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ УЗНАЕТ НЕ ТОЛЬКО О НАХОДКАХ,
СДЕЛАННЫХ В СТАРИННОМ ГОРОДЕ ЛЬВОВЕ,
НО И О ПОТЕРЯХ, СЛУЧИВШИХСЯ ЗДЕСЬ ЖЕ
И — УВЫ! — НЕВОСПОЛНИМЫХ**

«Трехсотлетие первого друкаря»

Несколько лет назад в Ленинграде в букинистическом магазине на углу Невского проспекта и проезда, сворачивающего к арке Генерального штаба, я купил юбилейный выпуск журнала «Обзор графических искусств» — «Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583—1883». Само издание это с приложенной к нему гравюрой, изображающей неосуществленный проект памятника знаменитому типографу, сейчас встречается редко. Но экземпляр, приобретенный мною, был ценен вдвойне.

Первый владелец его, работавший в петербургской словолитне — фабрике, изготавливавшей типографские шрифты, — переплел вместе с журналом различные юбилейные материалы, увидевшие свет в декабре 1883 г., когда отмечалось 300-летие со дня смерти Ивана Федорова. В их числе — брошюра Н. П. Полевого «Очерк жизни и деятельности первого русского печатника Ивана Федорова». На 16 страницах автор сумел изложить почти все, что к тому времени было известно о великом просветителе.

О московских безвыходных изданиях Полевой не говорил. Обстоятельства начала книгопечатания в Москве были изложены по послесловию *Апостола* 1564 г. Книгу эту автор считал первенцем печатного станка на Руси. Упомянут и *Часовник* 1565 г. Далее по послесловию *Апостола* 1574 г. рассказано о бегстве Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца в Великое княжество Литовское. Названы заблудовские издания — *Учительное Евангелие* 1569 г. и *Псалтырь с Часословцем* 1570 г. Идет речь о начале книгопечатания на Украине — во Львове и, наконец, о деятельности Ивана Федорова в Остроге, где он выпустил *Новый завет* 1580 г. и знаменитую *Острожскую Библию* 1581 г.

Вот, пожалуй, и все.

Брошюру Н. П. Полевого раздавали в зале Городской думы, где 6 декабря 1883 г. в 1 час пополудни состоялось «бесплатное литературно-музыкальное утро для наборщиков».

В купленном мною конволюте — так книговеды называют том, соединяю-

щий под одной переплетной крышкой различные печатные материалы,— нашлось место для программ и пригласительных билетов почти вековой давности.

Программы, буклеты, пригласительные билеты — они выпускались и выпускаются по разному поводу. Издания такого рода, к сожалению, редко сохраняют. В библиотеках и архивах их не найдешь. Между тем некоторые из них представляют огромный интерес. Для историка, который в наши дни восстанавливает объективную картину давно прошедших столетий, важны всевозможные, подчас незначительные документы. Каждая эпоха открывает в великом человеке какие-то новые близкие и понятные ей черточки. Отношение к незаурядной личности в то или иное время и в той или иной среде — своеобразное зеркало и эпохи, и среды.

Одно и то же явление, если смотреть на него разными глазами, может быть поставлено на службу весьма противоречивым целям. Величественную фигуру первопечатника пытались представить, с одной стороны, как сусального благомыслящего «диакона Николы Гостунского», верного слугу царя и церкви, апологета российской великодержавности и, с другой стороны, как этакое украинского националиста «Хведоровича», эмигранта и убежденного противника Москвы.

Юбилей 1883 г. прошел под знаком великодержавности. Начался он 5 декабря торжественной панихидой в Казанском соборе. Литературно-музыкальное утро, состоявшееся на следующий день, открылось гимном «Боже, царя храни» и завершилось традиционным «Славься, славься наш русский царь». Господствовал на концерте «хор военной музыки Лейб-гвардии Егерского полка под управлением г. Армсгеймера». Александр фон Беземан прочитал стихотворение «Памяти первого друкаря на Руси», которое начиналось следующими строками:

Взошла Руси заря. Лучами просвещенья
Согрет и озарен Руси молодой народ...
Родной народ-гигант стезею обновленья,
Стезею твердою познаний и ученья,—
По ниве трудовой все движется вперед...
Взошла Руси заря. Взошли молодые всходы;
Гнетущий скорбный мрак исчез в пучине лет;
Рассеяны во прах дыханием свободы
Веков таинственных страданья и невзгоды,—
И воссиял средь нас животворящий свет.

Кончился праздник обедом в ресторане Бореля, подписная цена на который была назначена в 10 рублей с персоны. Либеральные веяния пореформенной эпохи сказались разве лишь в словах объявления о том, что на обеде «форма одежды не обязательна, можно быть в сюртуках».

Так официальная Россия отмечала память великого просветителя.

За внешним обликом, парадным или непритязательным, важно разглядеть суть явления. Юбилей 1883 г. свидетельствовал о том, что в ту пору было осознано значение печатного слова в социально-политической и общекультурной истории русского общества. А значит, и величие подвига, совершенного первопечатником.

1583

1883

ПРОГРАММА
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО УТРА
6-го Декабря 1883 года,
ВЪ ЧЕСТЬ
300-лѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ
ПЕРВАГО РУССКАГО ПЕЧАТНИКА
ИВАНА ФЕДОРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Аригольда, Литейный пр., 59.
1883.

Программа Литературно-музыкального утра в память первопечатника
Ивана Федорова, состоявшегося в 1883 г.

Юбилейные торжества стали своеобразным катализатором научных исследований, значительных находок. Сделаны они были в основном во Львове. Но были и утраты...

Небрежение или преступление?

Как мы уже рассказывали, Михаил Петрович Погодин, побывавший в 1835 г. в Онуфриевском монастыре, просил В. Компаневича замуровать надгробную плиту первопечатника в стену для лучшей сохранности. Этого, к сожалению, сделано не было.

В 1860 г. плита еще лежала на месте; ее осматривал профессор Львовского университета Яков Федорович Головацкий (1814—1888). Человека этого любили и уважали в украинских кругах. В молодые годы, занимаясь в Львовской семинарии, он стал членом просветительного кружка «Русская троица». Основной своей задачей кружок считал возрождение национального языка.

«Руська мати нас родила,
Руська мати нас повила,
Руська мати нас любила;

Чому ж мова ей не мила?
Чом ся ней встидати маєм?
Чом чужую полюбляєм?» —

писал руководитель кружка Маркиан Шашкевич (1811—1843).

Забота о возрождении «рідної мови» (родного языка) с неизбежностью вызвала интерес к истории национальной культуры.

Я. Ф. Головацкий много и плодотворно занимался историей книгопечатания. Его большое исследование о славянском первопечатнике Швайпольте Фиоле, основавшем типографию в Кракове в 1491 г., по сей день считается классическим.

В Онуфриевском монастыре Яков Федорович нашел рукописную Библию, которую в 1576 г. начал переписывать Дмитро Писарчик из небольшого украинского городка Зинкова. Не исключено, что Библию эту видел Иван Федоров. Текст ее повторял знаменитое пражское издание белорусского просветителя Франциска Скорины. Самое интересное состояло в том, что рукопись содержала и те книги «Библии», которых в печатном издании не было.

Часто посещая библиотеку Онуфриевского монастыря, Я. Ф. Головацкий не мог не заинтересоваться надгробной плитой русского первопечатника. В 1860 г. в львовском альманахе «Зоря Галицкая» он опубликовал описание надгробия.

«Я осматривал уже забытый тот памятник,— писал Яков Федорович.— Он лежит по правой стороне от входа в церковь Святого Онуфрия под лавками, на нем стоящими, вставленный в каменный пол. Состоит из четырехугольной плиты песчаника полтретья аршина долгой, а полтора аршина широкой, на которой з лицевой стороны во двох параллельных обводках выкована врезная надпись. Сторона от запада совсем истерта, що неможено отчитати ничего».

Далее Головацкий приводил ту часть надписи, которую он сумел разобрать. В конце же прибавил:

А. С. Уваров.

«Прочее вытерто или вытоптано ногами... Понеже камень разломанный на середине, то некоторые буквы надписи выкрушились».

Прошло еще тридцать лет.

В 1873 г. Львов посетил председатель Московского археологического общества Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884). Побывал он и в Онуфриевском монастыре — специально, чтобы увидеть надгробие Ивана Федорова.

Летописатель монастыря М. Мациевский, сопровождавший именитого гостя, рассказывал впоследствии, что Уваров «вельми урадовался, ще еще подпись на камне не была совершенно стерта». Он тут же заказал гипсовый слепок надгробия.

Слепок увезли в Москву и здесь вставили в торец одного из шкафов Типографской библиотеки, помещавшейся в здании Московского Печатного двора на Никольской улице (ныне улица 25 октября). В этой библиотеке

хранился *Апостол* 1564 г., найденный Петром I в Чудовом монастыре.

Последним видел плиту западноукраинский историк Антоний Стефанович Петрушевич (1821—1913), опубликовавший в юбилейном 1883 г. небольшую книжку с длинным названием: «Иван Федоров русский первопечатник. О начале книгопечатания на Руси вообще, а в городе Львове в особенности».

Петрушевич побывал в Онуфриевском монастыре 14 августа 1883 г. «Надгробный камень,— рассказывал он,— почти один сажень долгою находится ныне в церкви Святого Онуфрия в притворе близ главных дверей, с правой стороны под стеною, закрыт теперь скамейками».

Несколько месяцев спустя надгробная плита исчезла при таинственных обстоятельствах.

Обстановка в Галиции, в ту пору принадлежавшей Австро-Венгрии, была сложной. Украинские культурные круги тянулись к России. Австрийские власти жестоко преследовали всякие выражения симпатии по отношению к Москве. Украинской газете «Слово» было запрещено даже публиковать телеграмму Славянского благотворительного общества в Петербурге по случаю 300-летней годовщины со дня смерти Ивана Федорова.

Униатская церковь, тяготевшая к Ватикану, старалась преуменьшить значение вековых связей русской и украинской культуры. Церковь эту называли

так по Брестской унии (союзу), заключенной в 1596 г. между католиками и представителями православной обрядности Польско-Литовского государства. С того времени Онуфриевский монастырь и принадлежал униатам. Его протоигумен в последней четверти XIX в. Климент Сарницкий слыл фанатиком.

В преддверии юбилея украинские литераторы отправились в монастырь почтить память Ивана Федорова. Но надгробной плиты первопечатника в церкви не оказалось. На ее месте лежал новый камень, поблескивавший отполированными краями.

1 декабря 1883 г., за пять дней до юбилея, журналист С. А. Мончаловский, писавший в газете «Слово» под характерным псевдонимом «Русак», обвинил К. Сарницкого в преднамеренном уничтожении плиты. Разгорелись страсти, за которыми никто не позаботился объективно разобраться в происшедшем. Русская реакционная пресса подхватила обвинение главным образом для того, чтобы обострить национальную рознь между украинцами и поляками.

Протоигумен Климент Сарницкий решил оправдаться. Он собрал в церкви видных представителей польской интеллигенции и в их присутствии составил протокол, который сохранился и находится сейчас в Библиотеке имени Оссолинских во Вроцлаве (ПНР). Очевидцы утверждали, что во время ремонта Онуфриевской церкви надгробие приподняли ломом. 300-летний песчаник не выдержал и рассыпался на мелкие куски.

Так это было или нет, сказать трудно. У нас нет оснований предполагать злонамеренность. Но в преступном небрежении Климент Сарницкий, безусловно, повинен.

На этом история плиты не закончилась.

В 1901 г. во Львове побывал археолог Григорий Александрович Воробьев (умер в 1907 г.). Вернувшись в Россию, он опубликовал в «Историческом вестнике» статью «В столице Галицкой Руси», где утверждал, что видел надгробный камень в церкви Онуфриевского монастыря «недалеко от главного входа, на левой стороне, под лавками».

Каким образом камень перекочевал из правого притвора церкви в ее левую часть, оставалось загадкой.

Но и в дальнейшем находились очевидцы, посещавшие Онуфриевский монастырь и утверждавшие, что они видели плиту. Один из них — журналист А. Ходоровский (Ардов) побывал во Львове в 1914 г. вскоре после вступления туда русских войск в ходе одного из наступлений первой мировой войны. Плиту ему будто бы показывал игумен монастыря — «не очень старый иеромонах в типичном для василианцев подряснике и маленькой скуфейке». Была плита не в церкви, а во дворе.

«С левой стороны у старинной тяжелой двери монастырской часовни, — рассказывал Ходоровский на страницах иллюстрированного журнала «Нива», — я действительно замечаю грязную, порядочно стертую плиту. Она вделана в стену. Вделана примитивно, без защиты или прикрытия. От этого плита все время подвергается действию влаги, размывающей вырубленную надпись. Прочесть надпись на плите сейчас уже невозможно. Если встать подальше, можно еще разобрать два-три слова».

Мне пришлось встречаться с А. Ходоровским в начале 1950-х гг., когда я работал в Научно-исследовательском институте полиграфического машиностроения и начинал заниматься историей книгопечатания. В памяти он остался

Надгробная плита Ивана Федорова.
Рисунок со слепка А. С. Уварова.

подвижным старичком, одержимым одной идеей. Он показывал мне толстый том, в котором были переплетены всевозможные протоколы, фотографии, чертежи — и все это о надгробии первопечатника. Ходоровский не раз бывал во Львове, организовал там раскопки, но так ничего и не нашел.

Игуменом, с которым в 1914 г. беседовал Ходоровский, был премьерник Климента Сарницкого Мелетий Лончина. Ссылаясь на его свидетельство, церковные власти Галиции 8 ноября 1923 г. составили акт, в котором утверждалось, что надгробная плита сохранилась: она замурована около алтаря правой боковой часовни Онуфриевской церкви.

В 1924 г., когда отмечалось 350-летие начала книгопечатания на Украине, Научное товарищество имени Т. Г. Шевченко решило разобраться во всех этих противоречивых свидетельствах. Историк Иван Кривецкий разыскал Мелетия Лончину и беседовал с ним. Игумен утверждал, что в 1887 г. Климент Сарницкий показал ему плиту величиной около метра, вделанную в пол церковного придела.

«Вот плита первого русского друкаря Ивана Федорова», — сказал Сарницкий.

В 1903 г., продолжал Лончина, архитектор Иван Левинский перестраивал церковь и возвел новую стену, закрывшую надгробие.

И. Кривецкий опубликовал в журнале «Старая Украина» чертеж, на котором указано местонахождение плиты. Пытаясь примирить две разноречивые версии, он утверждал, что в 1883 г.

К. Сарницкий говорил об уничтожении лишь части плиты. Уцелевшая ее часть в метр длиной будто бы была вмурована в пол, а затем закрыта стеной.

За спорами о судьбе плиты не заметили одного существенного обстоятельства.

Украинский историк Д. И. Зубрицкий, писавший о плите в 1836 г., и М. П. Погодин, видевший ее за год пред тем, прочитали на ней дату кончины первопечатника: 5 декабря 1583 года. На слепке же А. С. Уварова указано другое число: 6 декабря 1583 года.

Когда умер Иван Федоров

В 1883 г. 300-летие со дня смерти первопечатника Ивана Федорова отмечали 5 декабря. 75 лет спустя, в 1958 г., юбилейную дату передвинули на 16(6) декабря.

Дата смерти была указана на плите, которая, видимо, безвозвратно исчезла. На удивление, пропал и слепок с плиты, изготовленный в 1873 г. по распоряжению А. С. Уварова. Типографскую библиотеку со временем передали в Центральный государственный архив древних актов. А некоторые вещественные экспонаты, и среди них древнейший русский печатный станок, перевезли в Исторический музей. Слепка надгробной плиты Ивана Федорова нет ни там ни тут.

Сохранились, однако, рисунки, сделанные с плиты в 1817 и в 1822 гг. М. Гриневецким и П. Кеппенем. Той части надписи, где содержится дата, рисовальщики прочитать не смогли. Есть рисунки и слепка. На них, напротив, дата читается ясно.

Как удалось художникам, изготовлявшим слепок, прочитать надпись в 1873 г., когда за полвека пред тем Петр Иванович Кеппен не сумел сделать этого? Да и Яков Федорович Головацкий, прекрасный палеограф, потерпел неудачу.

«Неможно отчитати ничего!» — утверждал он.

Какая же дата правильна — 5 декабря или 6 декабря?

Нужно учесть, что дата на плите была воспроизведена не арабскими, а кирилловскими цифрами. Спутать «Е» (5) и «S» (6) вроде бы невозможно.

В начале 1960-х гг. я просматривал в Львовской научной библиотеке имени В. Стефаника книги, когда-то принадлежавшие Онуфриевскому монастырю. Был среди них *Апостол*, напечатанный в 1574 г. во Львове Иваном Федоровым. На нижнем поле первых листов, а также на обороте фронтисписа этой книги я прочитал следующую запись:

«Сия книга Апостол есть монастыра Львовского преподобного отца Онуфрия пустынножителя, иде же и друкаръ ея есть погребении року божия 1583 дня 5 декабря...»

Дата повторена дважды кирилловскими буквами и цифрами, а также в латинской транскрипции. Сделана запись в XVIII в., скорее всего, монахом Онуфриевской обители.

Но откуда взял дату автор записи? Он прочитал ее на надгробной плите Ивана Федорова и сам говорит об этом: «яко же свидетельствуется его (т. е. Ивана Федорова. — *Е.Н.*) надгробок во церкви святого Онуфрия, знайдующийся пред олтарем пресвятыя Богородицы».

В записи воспроизведен герб первопечатника, его издательский знак, который монах срисовал с надгробия. Такой же знак включен в геральдическую композицию на последней странице *Апостола* 1574 г. Есть он и в экземпляре, в котором сделана запись.

Монах сравнивает гербы на надгробии и в Апостоле: «...токмо же на надгробком суть литеры ІѠ, что значит Іоанн Ѳедорович. При конце же книги сея есть выписано имя Іоанн, яко же кийждо (т. е. каждый.— *Е.Н.*) сия снести и сравнити может».

Запись недвусмысленно свидетельствует, что монах видел надгробие и именно с него списал дату кончины Ивана Федорова. А значит, у нас не остается никаких сомнений в том, что первопечатник умер 5 декабря 1583 г. В XVIII в. надпись на надгробии еще хорошо читалась.

Ошибка на слепке А. С. Уварова — «6 декабря» — сделана потому, что слепок этот не был точным воспроизведением оригинала, а скорее его реконструкцией. Это доказывается и тем, что на слепке частично осовременено и русифицировано правописание надгробной надписи.

Сокровища львовских архивов

Когда я бываю во Львове, я всегда прихожу в бывший монастырь бернардинцев, где сейчас находится Центральный государственный исторический архив УССР. На площади перед монастырем торгуют цветами. Строгий фасад костела членил пилястры тосканского ордена. Высоко в небо взлетает башня с часами.

Я поднимаюсь по скрипучей лестнице на второй этаж. Здесь, в читальном зале, меня ждут документы, написанные на глазах у Ивана Федорова.

Архивная документация, рассказывающая о нелегких судьбах людей далекого XVI столетия, имеет одну особенность — акты откладывались в архивах в тех случаях, когда человеку приходилось прибегать к помощи властей или же когда с ним приключалась неприятность.

В годы жизни Ивана Федорова во Львове городом управлял магистрат, состоявший из двух коллегий — Рады и Лавы. Рада исполняла административные функции, рассматривала гражданские дела. Здесь регистрировались финансовые и коммерческие сделки. Ивану Федорову приходилось бывать в Раде неоднократно; каждый его визит фиксировался на страницах актовых книг.

Лава была судебным органом, рассматривавшим как уголовные, так и гражданские дела. Первopечатник обращался сюда, когда ему нужно было взыскать долги с неисправных должников.

Над городом возвышалась гора «Высокий замок», под которой стояло го­тическое здание Нижнего замка. Здесь помещался Львовский гродский (от польского слова «груд», что значит «замок», «крепость») суд. Здание было красивым.

Это королевское украшение, могучее и гордое,

Солнечный свет окна густо золотит.

Тонкая башня стремительно поднимается к самой туче.

Подвалы выходят в ад, звезд достигают шпили.

Так описывал Нижний замок польский поэт XVI в. Себастиан Фабиан Клоновиц.

Гродский суд рассматривал дела жителей львовских предместий. Иван Федоров приходил в Нижний замок в 80-х гг. XVI в., уже после возвращения из Острога, когда он поселился под Замковой горой — в той части города, где стоял Онуфриевский монастырь и которая по сей день называется Подзамче.

Писцы магистрата и Гродского суда во время судебных процессов или деловых разбирательств записывали показания сторон на длинных узких листах, которые затем переплетали в книги. Черновые записи расшифровывали и четким каллиграфическим почерком переносили на страницы массивных фолиантов. Делопроизводство велось на латинском языке. Лучшие переплетчики города делали для томов прочную одежду.

Войны и эпидемии прокатывались через город. Люди погибали, а записи об их бедах, неурядицах и невзгодах, занесенные на страницы актовых книг, оставались.

Впервые к этим книгам в поисках документов об Иване Федорове обратился в предъюбилейные дни 1883 г. Станислав Львович Пташицкий (1853—1935). Он был еще молод, лишь несколько лет назад, в 1878 г., окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В дальнейшем Пташицкий стал известным историком и архивистом, описал и издал «Литовскую Метрику» — государственную документацию Великого княжества Литовского. В конце жизни он был назначен главным директором Польских государственных архивов.

Будучи в научной командировке в Австро-Венгрии, Станислав Львович приехал во Львов и пошел в архив. Систематически день за днем он просматривал толстые книги магистрата и Гродского суда. И обнаружил 34 документа, рассказывающих о жизни и деятельности первопечатника Ивана Федорова.

Вернувшись в Петербург, Пташицкий в марте 1884 г. опубликовал обзор этих документов в журнале «Русская старина». Два года спустя полные тексты актов появились на страницах «Докладов и сообщений Филологического отделения Краковской академии».

Жестокое время вставало с этих страниц. И живой человек, совсем не похожий на монументального «диакона Николы Гостунского», которого живописали в своих трудах М. П. Погодин и А. С. Петрушевич.

«Личность Ивана Федорова делается для нас более определенной», — резюмировал С. Л. Пташицкий, завершая статью в «Русской старине».

Первый документ, найденный им, рассказывал о жалобе первопечатника на цех столяров. Во Львове в ту пору господствовала цеховая организация труда ремесленников. Изготавливать и продавать те или иные изделия могли лишь члены цеха. Так вот цех столяров строго-настрого запретил пришельцу «нанимать подмастерьев столярского ремесла и исполнять какую-либо работу, относящуюся к их мастерству». А Ивану Федорову нужно было изготовить печатный стан, наборные кассы, ящики для хранения шрифта.

Рада рассматривала жалобу 26 января 1573 г. и поддержала цеховых старейшин. Типографу запретили постоянно держать столяра. Но он мог обратиться в цех и нанять там ремесленника, который с дозволения своего мастера сделал бы для Ивана Федорова все необходимые вещи. Однако никто из мастеров столярного цеха не захотел помочь печатнику.

Прецедента в львовской судебной практике не было — Иван Федоров был первым типографом, приехавшим в этот город. Рада решила обратиться за консультацией к краковским печатникам Мацею Зибенайхеру и Миколаю Бжезине. С. Л. Пташицкий нашел их ответ, датированный 31 января 1573 г.

«В городе Кракове,— писали Зибенайхер и Бжезина,— книгопечатники не держат и не содержат в своих домах никаких подмастерьев столярского ремесла для изготовления того, что необходимо для их друкарского ремесла. Только тогда, когда в случае необходимости какому-либо печатнику потребуется столяр для работы, он нанимает за особую плату подмастерья у мастера-столяра».

Ответ устроил Ивана Федорова. Но цех по-прежнему отказывался дать ему работника. Как обошелся типограф, С. Л. Пташицкий не знал — документы об этом молчали. Но он помнил, что 25 февраля 1573 г. Иван Федоров начал печатать свою первую во Львове книгу (эта дата указана в послесловии *Апостола* 1574 г.). То ли типограф сам соорудил печатный станок и наборную мебель, то ли тайком от цеха нанял ремесленника...

Рада вернулась к рассмотрению спора 7 декабря 1573 г., когда первая украинская печатная книга была уже почти готова. В найденном С. Л. Пташицким «Решении в деле между столярами и русским друкарем» шла речь о том, что, стараясь «отнестись к пришельцу с необходимым вниманием и заботясь о том, чтобы он, не закончив начатой им работы, не имел по той причине какого-либо убытка» и вместе с тем стараясь «одновременно не нарушить ни в чем прав и привилегий столяров этого города и их цеха», Рада попыталась примирить первопечатника с цехом. Ивану Федорову разрешалось подыскать ремесленника там, где он этого пожелает, а затем записать его в цех. Ремесленник мог делать лишь ту работу, которая нужна была для типографии. Если же он станет изготавливать столы, лавки, шкафы, сундуки, кровати, на Ивана Федорова наложат штраф размером в 100 гривен.

Решение Рады, как о том записано в актовой книге, «Иван принял, а упомянутые мастера-столяры протестовали против обиды и нарушения своих прав и привилегий».

Превозлюбленный брат Семен Седляр

В послесловии *Апостола* 1574 г. Иван Федоров говорил о «неславных в мире обретающихся», о простых людях, которые помогли ему создать во Львове славянскую типографию. Просматривая актовые книги, С. Л. Пташицкий узнал имя одного из них.

«Явившись самовлично в помещение нашей Рады,— рассказывал документ от 6 мая 1574 г.,— почтенный русский друкарь Иван Федорович публично признал и добровольно подтвердил, что он на основании определенного и законного соглашения должен почтенному Сеньке, седляру с львовского Подзамчя, 700 золотых польских монет...»

По тем временам это была колоссальная сумма. Бык в ту пору стоил во Львове 4 золотых, корова — 2, а за 700 можно было купить каменный дом на Рынке — главной площади города.

В книгах об Иване Федорове слово «Седляр» пишут с большой буквы.

Но это не фамилия мастера, а его профессия. Семен был седельником, делал седла, сбрую, другие кожаные вещи. Видимо, он занимался и торговлей и сумел сколотить немалое состояние. Было у него и фамильное прозвище — Каленикович.

Этот купец и ремесленник был, по-видимому, хорошо образован, много читал, любил книгу. Сохранилось письмо, направленное Семену князем Андреем Михайловичем Курбским. В 1564 г. в преддверии захлестнувшей Русь опричнины князь, опасаясь репрессий, бежал в Великое княжество Литовское. Король Сигизмунд Август принял его благожелательно, пожаловал ему город Ковель и другие имения на Волыни. Здесь А. М. Курбский занялся просветительной и публицистической деятельностью, написал «Историю о великом князе Московском», в которой страстно осуждал террористическую политику Ивана Грозного. Князь собрал вокруг себя кружок умных и образованных людей, которые изучали и переводили на славянский язык произведения античных и византийских писателей.

Письмо к Семену Седляру написано в январе 1580 г., в нем идет речь о толковании спорных мест из посланий византийского богослова Иоанна Златоуста, которые Курбский по просьбе Семена перевел с греческого. Начинается письмо так:

«О превозлюбленный мой брате правоверием украшенный! Епистолию (т. е. письмо.— Е.Н.) твою приях, и прочтох, и выразиумех, и познах в тебе искры от божественного огня возгорением являемые».

Видно, Семен Каленикович был не простым ремесленником, если к нему «на равных» обращался гордый и своенравный московский беглец. Из письма явствует, что Курбский неоднократно встречался с Седляром — они любили «усты ко устам беседовати». Вполне возможно, что в этих беседах принимал участие и Иван Федоров.

В других найденных Станиславом Львовичем Пташицким документах день за днем раскрывались обстоятельства повседневной жизни первопечатника. 12 мая 1574 г. Иван Федоров поручил своему другу — портному Касьяну — выправить долг — 32 золотых — за «русские книги» с некоего Ивана, который «недавно из иудейства перешел в греческую веру». 25 марта 1575 г. Иван Федоров посетил городскую Лаву и уполномочил своего слугу Василия Лесятинского взыскать долг — 20 талеров — с жителя города Колымы Ивана Шпака или с его поручителя Дахно. Шпак денег не отдал. Типографу пришлось еще раз 16 августа 1575 г. побывать в Лаве, заявить протест и потребовать выплаты долга.

С. Л. Пташицкий нашел и другие документы. Мы познакомимся с ними позднее. А пока последуем за Иваном Федоровым, который принял предложение князя Константина Константиновича Острожского и поступил к нему на службу.

Разбойник с большой дороги?

Читатель помнит, что Иван Федоров в течение нескольких лет жил в Остроге и напечатал здесь прославленную *Острожскую Библию*.

Острожские мещане подлежали юрисдикции Гродского суда в городе Луц-

ке. Луцкие акты были хранились в Киевском центральном архиве. Вдохновившись примером С. Л. Пташицкого, здесь решил поискать документы об Иване Федорове Иван Михайлович Каманин (1850—1921), который с 1883 г. и до последнего своего дня заведовал Киевским архивом.

Такие документы нашлись... В 1893 г. Каманин упомянул о них в «Описи актовой книги... № 2049», напечатанной небольшим тиражом.

В том же 1893 г. на страницах издававшихся в Киеве «Чтений в Историческом обществе Нестора-летописца» документы полностью опубликовал профессор Киевской духовной академии Иван Игнатьевич Малышевский (1828—1897). Он был уже немолод. В ученых кругах его знали как автора труда «Кирилл и Мефодий», вышедшего в свет еще в 1886 г.; здесь был дан наиболее полный обзор источников о жизни и деятельности славянских просветителей, создателей славянской азбуки.

Публикация И. И. Малышевского наделала много шума. Совсем уж незнакомый и непривычный Иван Федоров встал с ее страниц.

События, о которых повествовали документы, происходили в селе Дермани, верстах в двадцати на запад от Острога. И сегодня еще можно видеть здесь стены славного когда-то Дерманского Свято-Троицкого монастыря, а на высоком холме над селом — развалины загородного дворца князей Острожских.

В марте 1575 г. Константин Константинович Острожский назначил «справцей» — управителем монастыря «Ивана Федоровича» — первопечатника, оказавшегося по воле судьбы в центре феодальных распрей, бушевавших на Волыни. Неподалеку от монастыря белело хатами село Спасово, принадлежавшее Екатерине Вишневецкой, вдове гетмана Григория Александровича Ходкевича, стародавнего покровителя первопечатника. Между спасовцами и крестьянами деревни Кунино, принадлежавшей Дерманскому монастырю, была стародавняя вражда. Спасовцы отличались буйным нравом и не очень церемонились с соседями. Наезды, ограбления, поджоги были обычным делом.

После смерти Ходкевича, пользовавшегося большим влиянием на Волыни, кунинцы решили расплатиться со спасовцами. Получилось так, что как раз в это время в Дермани появился Иван Федоров.

8 августа 1575 г. возный Луцкого повета Юрий Рогачовский, побывав в Спасове, засвидетельствовал, что видел «у Волхова луга сено в двадцати местах попалено». Сделали это, по словам спасовских крестьян, кунинцы. Они же, рассказывали крестьяне, и «двоих подданных наших Ермака и Сидора... позбивали и поранили». Ермака кунинцы ограбили — взяли у него 20 грошей, две косы, две серяги (так называлась крестьянская одежда из грубого домашнего сукна) и ключу с возом и хомутом.

Спасовцы тут же «для прошения справедливости» обратились «до Ивана Друкаря, справцы монастыря Дерманского». Тот пообещал вернуть лошадь, узнать об остальных награбленных вещах, а зачинщиков наезда — Ивана Шишку и Миколая — примерно наказать.

Такое, как мы бы сказали, либеральное поведение возмутило князя Острожского. Он требовал от своих слуг быть непримиримыми к феодальным соперникам. Следующий наезд на спасовцев был совершен уже по прямому указанию князя — «за властным росказанем его милости князя поеводы Киевского», как свидетельствуют документы Луцкого градского суда.

2 апреля 1576 г. Иван Друкарь, справца монастыря Дерманского, «маючи при собе... слуг, бояр, подданных монастырских немало», наехали на имение спасовских панов Есифа и Василия Малиновичей: «самих панов и подданных их... позбивали и поранили», увели с собой рогатый скот и овец, забрали «сермяг пять, плахту (украинскую женскую одежду.— *Е.Н.*) одну, кожухов два, поясов с мошнами (т. е. с кошельками.— *Е.Н.*) два, в которых мошнях было готовых грошей десять, шапки две».

26 июня и 31 августа 1576 г. наезды были повторены.

Все это, надо думать, не очень нравилось Ивану Федорову.

Историки XIX в. были шокированы публикацией И. И. Малышевского. Поэтому во всех популярных биографиях первопечатника о дерманском периоде его жизни ничего не рассказывалось.

К событиям и людям давно прошедших времен мы нередко подходим с мерками сегодняшнего дня. Судить же о человеке и его поступках нужно по обычаям той эпохи, в которую ему привелось жить.

Иван Федоров не был ни благонамеренным «диаконом», ни разбойником с большой дороги. Он жил в жестокое время и подчинялся его законам. Это в быту. Но когда он переступал порог типографии и подходил к печатному станку, он поднимался над временем, он творил, и замечательные произведения его ума и рук казались ему неподвластными людским установлениям.

Так оно в конечном счете и было!

«Пан Иван в добром здоровье вернулся домой»

Князь Константин Константинович Острожский вскоре освободил Ивана Федорова от многотрудных и хлопотных обязанностей управителя Дерманского монастыря. Поздней осенью 1576 г. первопечатник переехал в Острог. Дорога была недолгой. Типограф и его спутники переправились через реку Збитенку, миновали село Межирич с древней Троицкой церковью и вскоре, на высоком левом берегу реки Вилии, увидели над Замковой горой купол церкви Богоявления и высокий шпиль с боевыми часами, поднимавшийся над замком.

Князь Константин Острожский задумал грандиозный план: он решил выпустить в свет первую полную славянскую Библию. Иван Федоров тут же взялся за работу. Нужно было отлить новые шрифты, выгравировать доски заставок и инициалов, приобрести бумагу. Первопечатник в эти годы часто бывал во Львове и в Кракове, завязывал связи с бумагоделательными мастерскими.

С. Л. Пташницкий нашел в львовских архивах письмо, которое 14 мая 1577 г. известный краковский врач Мартин Сенник написал во Львов замочному мастеру Власу. Вот оно:

«Милый и дорогой пан Влас!

Желаю Вашей милости всего доброго и при том ставлю Вас в известность, что Блазий, писарь пани Галемберговой в Кракове, известил меня о полученном им во Львове ясном и справедливом известии: пан Иван Федорович еще перед пасхой передал Вашей милости и Сеньке Седляру 600 золотых, чтобы Ваша милость мне их в Краков послала. Он хорошо знал, что я на святого Станислава (т. е. 8 мая.— *Е.Н.*), недавно прошедшего, должен был упла-

тить эти деньги гостям, которые приехали из немцев на ярмарку. А так как посланная мне сумма от пана Ивана не дошла, а гости по моей просьбе и полагаясь на мое слово приехали, должен был я их за собственный счет вознаграждать, и в том понес немалый убыток, для чего мне никто иной причины не дал, нежели Ваша милость, ибо Ваша милость доверенной Вам суммы не выдала верным людям, которым я то поручил.

А что те 600 золотых находятся у Вашей милости, я догадываюсь по той причине, что Ваша милость призналась мне, что у Вашей милости еще в марте были 50 золотых и Ваша милость мне их с верной оказией послать не хотела. Поэтому думаю, что где те 50 золотых остались, там при них и 600 золотых должны быть. Прошу Вашу милость не оставлять меня еще долго в том расколе лежать и послать спрашиваемое пану Томашу из Люблина, которого я о том уже известил. Вынужден буду сам заняться этим или попросить другого поручителя, если по доброй воли от Вашей милости не получу. Я о том верное известие имею, что пан Иван в добром здоровье еще в середине постной недели (до 17 марта.—*Е.Н.*) из Львова вернулся домой. А так и те 600 золотых, не мешкая, еще перед пасхой (до 7 апреля.—*Е.Н.*) к Вашей милости послал. Прошу Вашу милость не чинить мне больше трудностей и волнений.

С тем себя Вашей милости и поручаю.

Дано в Кракове 14 мая от Рождества господня 1577 года.

Во всем к Вашей милости благосклонный Мартин Сенник у форта святой Анны в Кракове».

Письмо Мартина Сенника, экспансивное и образное, блестящий пример эпистолярного искусства XVI в. В ту пору любили и умели сочинять письма. Была и специальная наука о том, как это делать,—эпистолография; ее изучали в средневековых университетах.

Какие купцы приезжали к Сеннику по делу, затрагивающему интересы Ивана Федорова? Были ли это изготовители бумаги? Сейчас сказать трудно.

С. Л. Пташицкий установил, что 12 июня 1577 г. замочный мастер Влас пришел в городскую Лаву и заявил, что никаких дел с Сенником он никогда не имел. 14 июня в суд были вызваны Иван Федоров и Семен Седляр.

«Русский друкарь Иван Федорович,—повествовали актовые книги,—под присягою, подняв два пальца к небу, показал, что он дал 50 золотых седельному мастеру Сеньке, а тот должен был передать их почтенному краковскому бумажному мастеру Лаврентию через его доверенного Мартина Сенника, однако по причине страха перед татарскими наездами, деньги эти до сих пор не высланы. Что же касается суммы в 600 золотых, о которых он с удивлением узнал из прочитанного письма, то он ни про каких людей из Германии, которые должны были приехать в Краков по его просьбе, ничего не знает».

То же показал и Семен Седляр.

Больше никаких документов об этом деле С. Л. Пташицкий найти не смог. По сей день неизвестно, действительно ли Иван Федоров ничего не знал о немецких «гостях», приезжавших в Краков, или какие-то важные причины заставили его отказаться от ранее данного Мартину Сеннику слова.

Быть может, пути к решению загадки намечает документ, который в 1979 г. был найден львовским ученым Я. Д. Исаевичем в Люблинском архиве. Об этом мы в свое время расскажем.

Художник Лаврентий Пухала и его нерадивый ученик

У каждого типографа должны быть помощники, ибо книгопечатание — это массовое производство. Подмастерья и ученики были и у Ивана Федорова. Хорошо бы знать имена тех, кто плечом к плечу с великим человеком шел через трудности повседневной жизни.

Кое-что известно лишь об одном ученике первопечатника.

Станислав Львович Пташицкий нашел в актовых книгах запись о том, что 19 марта 1582 г. Иван Федоров вместе с художником Лаврентием Филипповичем явился в Раду и заявил, что от него «убежал и пропал, без какой-либо видимой причины, тайком» его ученик Гринь Иванович.

Лаврентий Филиппович, по прозвищу Пухала, был известным львовским художником, а также общественным деятелем, отстаивавшим национально-религиозную самостоятельность украинского населения Львова. Некоторые исследователи полагают, что именно он по просьбе Ивана Федорова нарисовал для львовского *Апостола* 1574 г. изображение апостола Луки. На этой гравюре под табуреткой, на которой сидит апостол, есть малоразборчивые буквы, которые можно прочесть и как «ЛП», т. е. «Лаврентий Пухала».

19 марта 1582 г. Лаврентий Филиппович заявил в львовской Раде, что «он на протяжении двух лет подготовлял и учил живописному мастерству юношу Гринька Ивановича с подлясского города Заблудова, отданного ему в науку друкарем Иваном за назначенную по соглашению награду. За эти труды друкарь Иван заплатил ему сполна, а ученика позднее взял в свою типографию и научил своему искусству».

Иван Федоров, судя по всему, привез с собой Гриня из Белоруссии. Видимо, там он познакомился и с Лаврентием Пухалой, который в 1569 г. служил у брацлавского воеводы князя Романа Сангушко, за которым была замужем дочь великого гетмана Григория Александровича Ходкевича, покровителя первопечатника.

Сбежавший Гринь объявился лишь через год.

26 февраля 1583 г. Иван Федоров и Гринь Иванович пришли в Гродский суд, чтобы заключить мировую. С. Л. Пташицкий отыскал в архивах текст этого документа, в котором можно прочесть и такие строки.

«Гринь, будучи под опекой друкаря, пана Ивана, научился за его счет и благодаря его усердному старанию живописи, столярному делу, формшнайдерству (т. е. гравированию форм.— *Е.Н.*), гравированию на стали литер и других предметов, а также типографскому делу и за такое великое его благодеяние не должен был без его воли и совета никому из людей изготовлять литер или устраивать типографию. Друкарь позволил ему заниматься лишь теми ремеслами, которые он освоил при пане Иване, а именно живописью, столярным делом, формшнайдерством и резьбой по стали — всего, кроме литер для печатного дела. Потом тот Гринь, не попрощавшись с паном Иваном, внезапно выступил против пана Ивана и уехал в Вильну, где у пана Кузьмы Мамонича, виленского бурмистра, изготовил два русских шрифта».

К Кузьме Мамоничу перешла типография, основанная соратником Ивана Федорова Петром Тимофеевым Мстиславцем.

В Вильне Гринь не прижился. Он вернулся к первопечатнику и «просил пана Ивана пред людьми добрыми, чтобы ему тот поступок отпустил». Иван

Федоров, говорится в мировой, «вняв его просьбам и ходатайству добрых людей», простил ученика «как молодого человека и порвал перед ним все жалобы, составленные на него». Тогда-то первопечатник и Гринь пришли в Гродский суд, чтобы при свидетелях скрепить достигнутое соглашение.

Суд приговорил, что, если Гринь Иванович в дальнейшем изготовит для кого-нибудь «литеры или шрифт для печатания» или будет трудиться в какой-либо типографии без разрешения Ивана Федорова, он должен будет заплатить штраф в 500 золотых и, кроме того, возместить ущерб, причиненный Ивану Федорову, передав ему еще 500 золотых. Гринь обещал также окончить шрифт, который он начал делать для первопечатника.

Мировая с Гринем, найденная С. Л. Пташицким, говорит о том, что первопечатник был разносторонним мастером, знавшим самые различные ремесла. Гринь не был единственным. В доме у Ивана Федорова жили и трудились и другие ученики. После его смерти они работали во многих типографиях Украины и Белоруссии, да и на Московском Печатном дворе тоже.

Судьба Гриня загадочна. Иван Федоров умер через девять с небольшим месяцев после того, как заключил мировую с нерадивым учеником. Больше мы имени Гриня никогда не встретим. Не сохранилось ни одной книги, подписанной его именем. Да и архивные документы о нем молчат.

«В доме пана Антоха, где и умер»

За Станиславом Львовичем Пташицким в львовские архивы пришли и другие изучатели жизни и деятельности Ивана Федорова. Они нашли немало новых документов, которые, правда, были составлены уже после смерти первопечатника, но имели к нему непосредственное отношение.

Шесть документов опубликовал в 1902 г. в львовском журнале «Паментник Литерацки» польский историк Фердинанд Бостель. Особенно интересен из них один — «Оценка русской типографии покойного Ивана Москвитина», произведенная 2 октября 1585 г.

Прошло почти два года после смерти Ивана Федорова. Часть принадлежащего ему имущества хранилась в подвале дома его друга — богатого львовского купца Ивана Бильдяги. На имущество претендовал Семен Корунка, который после смерти Семена Седляра женился на его вдове Ганне Федоровне.

Семен Седляр скончался за несколько лет до Ивана Федорова. Первopечатник остался ему должен; далеко не все из тех 700 золотых, которые он получил у Семена в 1574 г., Иван Федоров успел выплатить. Но Седляр никогда не настаивал на этом.

В подвале под домом Бильдяги нашли типографский станок с разными принадлежностями и 200 *Острожских Библий*. 80 из них не были полными. Всего же на сумму около 800 золотых. Это превосходило сумму долга.

Спор о наследстве первопечатника продолжался еще в 1598—1602 гг. На этот раз претензии предъявлял Семен Луцкий, женившийся на Марухне, дочери Семена Седляра и Ганны Федоровны. Документы об этом судебном процессе были в 1972 г. найдены львовским исследователем Эдуардом Иосифовичем Ружицким.

Казалось бы, что могут дать нам эти документы — ведь со дня смерти перво-

печатника прошло уже почти 20 лет. Споры же наследников Семена Седяра нам вряд ли интересны. И тем не менее...

В справке, составленной для суда Семеном Луцким, есть и такие слова: «...друкарь Иван был должен нашему отцу...300 золотых, что подтверждено распиской. Этот друкарь Иван, пользовавшийся великими благодеяниями нашего отца и живший в его доме, перед смертью, помня об этих благодеяниях, подарил в доме пана Антоха, где и умер, наследникам нашего отца и в том числе моей жене, 150 золотых».

Пан Антох — совершенно новое для нас имя. Э. И. Ружицкий предположил, что этим человеком, в доме которого первопечатник умер, был портной Антон Абрагамович; связи его с наследством типографа прослеживаются и по другим документам.

В изучении жизни и деятельности великого человека подчас бывает важна любая мелочь. Поэтому историки продолжают тщательно изучать фонды львовских архивов, надеясь найти в них новые сведения о жизненном пути Ивана Федорова.

Сын первопечатника

Иван Федоров был женат, но супруга его, по-видимому, умерла еще до того, как он поселился во Львове. Имущественные отношения в этом городе были таковы, что жена типографа, будь она жива, непременно должна была упоминаться в актах о его долгах, ссудах, выплатах. Между тем ни одного такого упоминания ни Станислав Львович Пташицкий, ни шедшие по его следам исследователи не нашли.

Отыскались, однако, документы о сыне типографа, которого именовали Иваном Переплетчиком или Иваном Друкаревичем. Профессия отца — друкарь — стала основой для образования отчества его сына.

Первый раз с Иваном Переплетчиком мы встречаемся 2 марта 1579 г., когда Иван Федоров дал ему доверенность на получение долга — 11 золотых — с некоего Филиппа Остапковича. Сыну первопечатника было в это время никак не меньше двадцати лет. Значит, он родился еще в Москве, когда Иван Федоров работал в анонимной типографии.

В 1579 или в 1580 г. Иван Переплетчик женился. Избранницей его стала Татьяна из украинской семьи Анципорковичей, жившей в собственном доме на Краковском предместье — на Широкой улице напротив древней церкви Святого Юрия. 22 августа 1580 г.

Анципорковичи продали дом. Татьяна за свою часть получила 7 золотых. Рассказывающий об этом документ позволяет нам понять, насколько велики были суммы, которыми оперировал первопечатник.

В том же 1580 г. Иван Переплетчик переехал в Острог, где стал помогать отцу в типографии, печатавшей в ту пору *Острожскую Библию*. В документе от 5 сентября 1582 г. он назван «Иваном Друкаревичем из Острога».

После смерти Ивана Федорова его сыну пришлось разобраться в финансовых делах отца. Прежде всего он попытался собрать долги, которых было немало. Иван Федоров в последний год жизни находился в стесненных денежных обстоятельствах. Но он был весьма далек от той крайней степени

нищеты, которую ему обычно приписывают авторы популярных книг и статей. И в этот тяжелый 1583 г. через его руки проходили большие суммы денег. Да и должников у него было немало.

4 февраля 1584 г. Иван Переплетчик выдал Ганушу из Острога доверенность «получить долг в сумме пятнадцать литовских коп, которые его покойный отец друкарь Иван с львовского Подзамчья одолжил честнейшему Нестору, протопопу из Заблудова». В каждой литовской «копе» было 60 грошей.

Нестор надолго пережил первопечатника. Его запись, сделанную в 1602 г., я нашел в *Апостоле* 1564 г., который протопоп подарил храму Успения. Экземпляр этот во многом замечательный. В прошлом веке книга находилась в собрании купца Ивана Никитовича Царского. Тогда же с ее переплета сделали репродукцию, которую напечатали в сборнике «Достопамятности Москвы». За прошедшие с тех пор сто с лишним лет переплет истрепался, его украшения сгладились. В прошлом же веке можно было видеть тисненное золотом изображение двуглавого орла, между крыльями которого — человек в царской короне. Надпись, сохранившаяся по сей день, указывает, кого изображает портрет: «Иоанн божиею милостью государь царь и великий князь всея Руси».

Книгу Иван Федоров предназначал в подарок царю, но подарок этот почему-то не был сделан, и экземпляр остался у первопечатника, который и увез его в Заблудов. Здесь он и попал к протопопу Нестору.

Вернемся, однако, к рассказу об Иване Переплетчике, который в 1584 г. собирал долги его отцу. 27 марта 1584 г. он уполномочил Мартина Голубниковича взыскать долг в размере 100 золотых с владельца бумажной мельницы в городе Буске Варфоломея.

Ивану Федорову в бытность его во Львове и Остроге было уже за шестьдесят. Но он был сильным и здоровым человеком, который мог в случае необходимости постоять за свои интересы. Еще С. Л. Пташицкий нашел в архиве Гродского суда протокол от 10 мая 1582 г., рассказывающий о том, что к властям явился некто Яков — суконник с львовского Подзамчья и показал две раны, которые нанес ему друкарь.

27 ноября 1584 г. Иван Переплетчик заявил в Гродском суде, что он передает Мартину Голубниковичу книжную лавку с печатными книгами стоимостью в 380 золотых 10 грошей. В тот же день он уполномочил Голубниковича вести его дела, гарантировав возмещение возможных убытков суммой в 500 золотых.

Ивану Ивановичу не пришлось продолжить дело отца. Последний раз его имя упоминается в актах 4 декабря 1584 г. 9 февраля 1585 г. его уже не было в живых, и деловые отношения улаживала его вдова Татьяна.

Разгадку столь ранней гибели сына первопечатника я нашел в жалобе 1592 г. на епископа Гедеона Балабана. Культурно-просветительное общество львовских горожан — Львовское братство подало эту жалобу приехавшему во Львов константинопольскому патриарху Иеремии. Рассказывая о всевозможных преступлениях епископа, братство упомянуло и о том, что властолюбивый владыка, рассердившись за что-то на «Ивана сына друкаря», посадил его в яму и «намертво уморил».

Глава седьмая,
**В КОТОРОЙ ПОЙДЕТ РЕЧЬ О БИБЛИОТЕКАРЯХ
И КНИГОЛЮБАХ, ИЗУЧИВШИХ КАЖДУЮ БУКВОЧКУ
В ИЗДАНИЯХ ИВАНА ФЕДОРОВА**

Саратовский книгочей

Судьбы ученых не похожи одна на другую.

Павел Михайлович Строев 17 лет от роду стал автором «Краткой Российской истории», имевшей большой успех у читающей публики. Константин Федорович Калайдович умер, не дожив до 40 лет. А Александру Александровичу Гераклитову (1867—1933) исполнился 41 год, когда он увидел свою первую напечатанную статью.

Путь Гераклитова в науку был труден и длинен. Муза истории, служить которой он страстно стремился, ответила ему взаимностью на склоне его лет.

Было время, когда Александр Александрович поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, но уже через год вынужден был оставить учебу. А затем в течение 10 лет он — писец 2-го разряда — ходил на опостылевшую с первых дней службу в Саратовскую казенную палату. Потом менял работу, но, к сожалению, не род деятельности — переписывал бумаги в железнодорожном ведомстве, в губернском правлении. Вечерами занимался самообразованием, изучал иностранные языки. Освоил латынь и греческий, затем — французский, немецкий, итальянский, английский...

В начале 1908 г. один из сослуживцев рассказал Александру Александровичу, что в Саратове давно уже, с 1886 г., существует Губернская ученая архивная комиссия. Гераклитов воодушевился.

«Узнал...— записывает он в дневнике,— что попасть в члены не составляет больших затруднений и что, кроме музея и архива, Комиссия обладает весьма большой библиотекой, хотя и находящейся в беспорядке. Это-то обстоятельство меня больше всего, кажется, и подкупило».

Отныне прямо со службы Гераклитов отправляется в Комиссию и до поздней ночи трудится в библиотеке или в архиве.

«Думается, не напрасно ли взялся я за это дело,— замечает он в своих повседневных записях,— так как при нашей проклятой службе времени совсем не остается. Но теперь все же я добился того, что много раз сильно хотел — доступа в большую библиотеку. Ведь подумать только — 12000 томов и я там

хозяин! Все свое время буду отдавать библиотеке, приведению ее в порядок, составлению систематического каталога».

Вскоре Гераклитов стал хранителем архива Комиссии. Колоссальное трудолюбие помогло ему овладеть методикой вспомогательных исторических дисциплин, о которых он ранее и не слышал,—палеографии, геральдики, филологической — науки о водяных знаках бумаги, сфрагистики — науки о печатях...

В «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии» начинают появляться его труды: «Некоторые данные о садоводстве в минувшем столетии», «Очерки из жизни и быта эльтоновских соляных ломщиков», «Часоводец Решетов и устройство им городских часов в Саратове»... Как и многие другие начинающие историки, Гераклитов был универсалом, занимался самыми различными вопросами — все было интересно.

После Великой Октябрьской социалистической революции А. А. Гераклитов пригласили на историко-филологический факультет Саратовского университета. Он пришел сюда 1 декабря 1917 г. на должность библиотекаря, в 1919 г. стал доцентом, в 1928 г. — профессором.

Революция строила по-новому судьбы людей. Меняла она и судьбы библиотек.

Бежали за границу князья и графы, банкиры и скотопромышленники. Их родовые собрания, их богатые коллекции картин, фарфора, книг поступали в государственные хранилища. В Саратовский университет привезли библиотеку П. М. Мальцева — старообрядца, миллионера-хлебопромышленника, жившего в Заволжье. В собрании было много рукописей и старопечатных книг.

Александра Александровича Гераклитова заинтересовали пять изданий, в которых не было выходных сведений: три *Евангелия*, *Псалтырь* и *Триодь постная*. Сверившись с «Описанием славяно-русских книг» И. П. Каратаева, Гераклитов установил, что знаменитый библиограф полагал эти издания напечатанными в одной из южнославянских типографий — где-нибудь в Сербии или Угровлахии. А. А. Гераклитов, хорошо знавший русскую историческую литературу, был знаком и с работами А. Е. Викторова и Л. А. Кавелина, утверждавших, что эти книги напечатаны в Москве.

Кто прав — Викторов с Кавелиным или Каратаев?

Тщательно изучив издания, Гераклитов пришел к выводу об их московском происхождении. Об этом говорил шрифт, рисунок которого восходил к полууставу московских рукописей XV—XVI вв. Александр Александрович встречал в рукописях и похожие заставки. Прав Викторов был и в том, что редакция текста была, бесспорно, русской.

Но когда эти издания напечатаны?

А. Е. Викторов отвечал на этот вопрос, используя даты, которые он нашел во владельческих записях на страницах книг. А было этих записей не так уж много. Более точную дату можно установить с помощью филиграней, или водяных знаков. Делать это пытался и Алексей Егорович. Но у него под руками не было тех замечательных пособий по филигранологии, которые появились уже после смерти ученого хранителя Отделения рукописей и славянских старопечатных книг Румянцевского музея.

Кое-что о водяных знаках...

В стародавние времена бумагу отливали вручную, черпая жидкую бумажную массу рамой, на которую натягивали частую сетку.

На сетке шелком или проволокой вышивали какой-нибудь рисунок. При отливке бумажная масса ложилась поверх рисунка более тонким слоем. Когда лист высыхал, на его поверхности формировался незаметный глазу рельеф. Увидеть его можно было, лишь посмотрев лист на просвет: на более темном фоне возникал четкий светлый рисунок — водяной знак.

Филигранью же назывался сам проволочный рисунок, который был своеобразной торговой маркой, рассказывающей о том, в какой мастерской изготовлена бумага. Каждая бумажная мельница использовала свой знак, непохожий на другой. У одной — это был «орел», у другой — «корона», у третьей — «медведь»...

Проволочная вышивка быстро изнашивалась, ее приходилось часто менять.

«Опять надо делать новую филигрань», — сетовали мастера.

Все это им не нравилось. Но покупатели привыкли к водяным знакам и не брали бумагу, не имевшую их. Филигрань в их глазах была своеобразным знаком качества, гарантировавшим прочность бумаги и то, что чернила на ней не будут расплываться.

Изготавливая новую филигрань, мастера невольно меняли старый рисунок. Это был все тот же «медведь» или та же «корона», но один из штрихов был опущен, другой появился вновь, да и размеры знака были другими.

Эта особенность водяных знаков со временем сослужила великую службу науке. Ученые предположили, что с помощью филиграней можно более или менее точно датировать документы и книги, время составления или изготовления которых не указано. Предположение подтвердилось.

Допустим, что у нас в руках письмо, автор которого проставил точную дату. А рядом лежит документ, время составления которого неизвестно. Письмо и документ написаны на бумаге с полностью идентичными водяными знаками. А значит, и составлены они примерно в одно и то же время.

Датированный и недатированный документы с одинаковыми водяными знаками редко попадают в руки одного исследователя. Выход один — нужно составить альбом датированных филиграней.

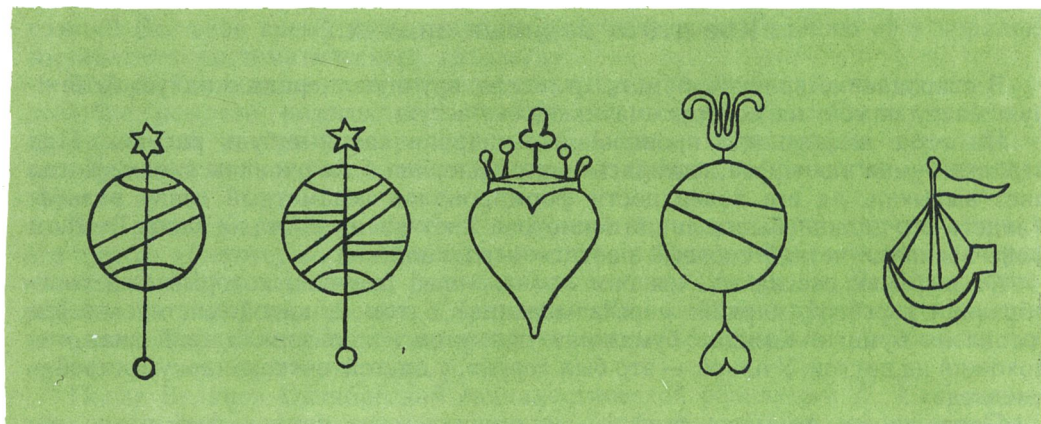
Исходные материалы для научных гипотез и построений поставляют энтузиасты-регистраторы.

Всю свою жизнь, даже в камере долговой тюрьмы, библиограф Людвиг Хайн (1781—1836) описывал инкунабулы — печатные книги XV в. В его четырехтомном каталоге, которым ученые пользуются и поныне, 16 299 позиций.

Плотник и штукатур Иван Филиппович Масанов (1874—1945), впоследствии ставший известным библиографом, собрал и раскрыл более 50 000 псевдонимов русских писателей.

На протяжении 40 лет швейцарец Шарль Брике срисовывал водяные знаки из документов и книг всех времен и народов. В 1907 г. он издал в Женеве четырехтомный альбом с репродукциями 16 112 филиграней и указанием примерных или точных дат их использования.

Были у Брике и предшественники, в том числе русские. В 1824 г. вологодский

Водяные знаки широкошрифтного Евангелия

купец Иван Лаптев выпустил в Петербурге книгу «Опыт в старинной русской дипломатике, или Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи». Любитель старины Корнилий Яковлевич Тромонин в 1844 г. составил альбом «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов». Альбом не потерял значения по сей день; в 1965 г. его переиздали в Нидерландах.

Особо велик вклад, сделанный в филогранологию академиком Николаем Петровичем Лихачевым (1862—1936). В его знаменитом труде «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», выпущенном в Петербурге в 1899 г., воспроизведено 4258 филиграней.

В Научной библиотеке Саратовского университета были альбомы Н. П. Лихачева и Ш. Брике; А. А. Гераклитов неоднократно пользовался ими. Те знаки, которые он не мог отыскать в альбомах, Александр Александрович аккуратно срисовывал на отдельные листы. Постепенно их накопилось свыше тысячи. Можно было подумать о создании собственного альбома, хотя время — трудное и голодное начало 20-х годов — явно не благоприятствовало этому.

Гераклитов составил альбом, но вышел он в свет лишь в 1963 г. — через 30 лет после смерти трудолюбивого саратовского ученого.

«...Дату точную нашел»

25 марта 1923 г. А. А. Гераклитов сделал доклад о московских безвыходных изданиях на заседании Исследовательского института при Саратовском университете. Три года спустя доклад опубликовали в «Ученых записках» университета. Здесь впервые была описана безвыходная *Псалтырь*, которую позднее называли среднешрифтной.

Александр Александрович тщательно проанализировал шрифт, орнамен-

тальные украшения и типографскую технику безвыходных изданий и пришел к твердому выводу, что все они вышли из одной типографии.

Читатель помнит, что А. Е. Викторов нашел в узкошрифтном *Евангелии* запись 1563 г. и на этом основании утверждал, что книга напечатана раньше, чем знаменитый *Апостол* Ивана Федорова. А. А. Гераклитов в одном из саратовских экземпляров прочитал более раннюю запись, сделанную 1 сентября 1561 г., когда книгу «купил... благовещенский поп Леонтей Устинов сын Устюжанин у старца у Мисаила у Сукина».

Благовещенский поп Леонтий служил в придворной церкви московских царей, а Мисаил Сукин вел следствие по делу Сильвестра, другого благовещенского священника, одного из руководителей «Избранной рады», которая вершила судьбами Московской Руси в юношеские годы царя Ивана Грозного.

Запись была сделана в Москве, а значит, косвенно доказывала московское происхождение издания.

Когда я работал над монографией «Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров», изданной в 1964 г. к 400-летию нашего типографского станка, я решил изучить записи во всех сохранившихся экземплярах безвыходных изданий. Их оказалось немало: 22 узкошрифтных *Евангелия*, 10 *Триодей постных*, 20 среднешрифтных *Евангелий*, 4 среднешрифтные *Псалтыри*, 11 широкошрифтных *Евангелий*, 5 широкошрифтных *Псалтырей*. А всего 72 экземпляра изданий первой русской типографии. За последние 25 лет, надо сказать, были найдены и другие экземпляры.

На узкошрифтных *Евангелиях* удалось обнаружить 6 записей XVI в. и 4—XVII в. Все они сделаны в пределах Московского государства — в подмосковном селе Лучинском, в Песношском монастыре, куда в свое время послал провинившегося сына старик Калайдович, в далекой северной Лампожне, в Соли Вычегодской, в городах южной «украины» Русской земли — Путивле и Козельске.

Записи московского происхождения есть и на экземплярах *Триоди постной*. Один из них из собрания Чудова монастыря побывал в руках Петра I. Об этом рассказано так: «Сия книга глаголемая Треоть — худая и старая — государю царю и великому князю Петру Алексеевичу...»

Мы уже говорили, что Петр интересовался историей русского книжного дела — собирал «худые и старые» книги.

Экземпляры среднешрифтного *Евангелия*, которые мне удалось отыскать, в XVI—XVII вв. находились в центральных областях России — в Москве, в монастыре Успения на Кубре, в Озерско-Николаевском монастыре на Комельском озере, в подмосковном Троице-Сергиеве монастыре, в Коломенском уезде. Бытовала книга и в Поволжье — «в Свиязском городе в монастыре». Лишь в XVII в. на экземплярах этой книги появляются украинские, белорусские, молдавские записи — старейшая из них сделана в 1605 г.

Что же касается утверждения И. П. Каратаева — «напечатано в одной из южных типографий», то изучение записей начисто его опровергает. На безвыходных изданиях нет ни одной записи, которая была бы сделана в Сербии, Черногории, Болгарии, Румынии...

География древнейших записей на безвыходных изданиях свидетельствует об их происхождении — книги прежде всего продавались и распространялись на территории того государства, в котором они были напечатаны.

Вывод этот много лет назад был сделан Александром Александровичем Гераклитовым, хотя этот ученый сумел изучить одни лишь саратовские экземпляры. В статье «К вопросу о раннем московском книгопечатании», которая была опубликована в 1925 г., он подробно описал узкошрифтное *Евангелие* и подчеркнул: «утверждение Каратаева о том, что *Евангелие* напечатано не в Москве, не обосновано; все приметы указывают на то, что книга напечатана в пределах Московского государства».

В докладе, прочитанном 25 марта 1923 г., этот вывод распространен и на другие безвыходные издания. Особенно тщательно здесь проведен анализ водяных знаков, позволивших А. А. Гераклитову утверждать, что безвыходные издания напечатаны в Москве в 50-х гг. XVI столетия.

Доклад Александра Александровича вызвал оживленные прения. Один за другим выходили на кафедру коллеги ученого, и все они подчеркивали важное значение его работы для истории отечественной культуры.

Местный остролов прислал Александру Александровичу записку со стихотворным экспромтом:

Рассмотрел все филигрانی,
Все заставки изучил.
Все, что где писал кто ране,
К изученью приобщил.
Сосчитал в Псалтыри знаки,
Снимки выложил на стол
И, пройдя искусно в мраке,
Дату точную нашел.

Много лет спустя мне попалась эта записка среди бумаг А. А. Гераклитова, которые хранятся в Ленинградском отделении Института истории СССР.

Антонина Сергеевна

Когда я познакомился с Антониной Сергеевной Зерновой (1883—1964), она была уже уютной старушкой, каких обычно представляешь в низком кресле с неизменным вязанием в руках.

Более сорока лет изо дня в день Антонина Сергеевна приходила в Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. И с утра до вечера с линейкой и увеличительным стеклом сидела над старопечатными изданиями.

Книги эти она знала так, как пожалуй, никто до нее не знал, да и после нее никто не знает.

Родилась А. С. Зернова в богатой семье и, быть может, никогда бы не занялась старыми книгами, если бы не революция. Наследственное состояние позволяло ей жить безбедно и праздну. Но еще в 1916 г. Антонина Сергеевна окончила историко-филологический факультет Московского университета, став одной из первых в России женщин, получивших университетское образование. В Библиотеку Румянцевского музея она пришла в 1923 г. и работала здесь до своего последнего дня — 24 апреля 1964 г.

Знакомый нам Николай Петрович Киселев как-то назвал труды А. С. Зер-

новой подвижническими. Это соответствует истине. Нужно было иметь большое мужество, чтобы на всю жизнь запереть себя в узком, ограниченном книжными полками пространстве. Однообразная и изнурительная работа, сличение различных экземпляров одной и той же книги — страница за страницей и строка за строкой — не обещали ни славы, ни материального благополучия.

Через руки Зерновой прошло около 11 000 старопечатных книг, поступивших в первые годы революции в Главную библиотеку страны из брошенных владельцами дворянских усадеб, из закрытых монастырей и церквей.

За кропотливой регистрацией фактов легко просмотреть стоящие за этими фактами явления как социально-политического, так и сугубо технического плана. Но без такой регистрации немыслима серьезная теоретическая проработка проблем, интересующих историка, филолога, искусствоведа...

Героические подвиги неизвестных землепроходцев предшествуют освоению богатств, скрытых в недрах недавно еще таинственного края. Точно так же и предварительная регистрация, первичное освоение фактов — необходимое условие будущего расцвета науки. Такая работа часто остается в количественных рамках. Выйти за их пределы дано не многим.

А. Е. Викторов в свое время назвал «замечательным открытием» находку *Псалтыри*, напечатанной белорусским просветителем Франциском Скориной в Праге в 1517 г. Деятельность Антонины Сергеевны отмечена несколькими такими открытиями.

В первой истории русского книгопечатания — «Сказании известном о воображении книг печатного дела», составленном в середине XVII в., рассказывается о том, что мастер Никита Фофанов, ученик Ивана Федорова, в годы польско-шведской интервенции основал типографию в Нижнем Новгороде. Впервые отыскавший «Сказание...» К. Ф. Калайдович сомневался в справедливости этого известия. Да и другие книговеды соглашались с ним, ибо ни одного нижегородского издания начала XVII в. они не знали.

В 1925 г. А. С. Зернова, перелистывая *Учительное Евангелие*, напечатанное по типу заблудовского примерно в 1582 г. в Вильне, обнаружила в конце его 12-страничную тетрадь, вплетенную в том, но к книге явно не относящуюся. На последней странице Антонина Сергеевна прочитала: «Начато бысть сие богодохновенное и трудолюбное дело новая шанба, сии речь пе-

А. С. Зернова. С гравюры Г. А. Кравцова.

чатных книг дело, в Нижнем Новгороде в лето 7121 году (т. е. в 1613 г. — Е.Н.) месяца генваря в 5 день... снисканием и труды многогрешного Ианикиты Федорова сына Фофанова, псковитина».

Кроме этой тетрадошки, в которой рассказывалось о Смутном времени начала XVII в., ни одной книги, отпечатанной Фофановым в Нижегородской типографии, до нас, к сожалению, не дошло. Но такие книги, бесспорно, были.

Жизни и деятельности первопечатника Ивана Федорова А. С. Зернова посвятила небольшой, но исключительно емкий труд «Начало книгопечатания в Москве и на Украине». Книгу напечатали перед Великой Отечественной войной. Тираж лежал в ленинградской типографии «Печатный Двор» и в первые дни войны погиб от фашистской бомбы. В 1944 г. Антонина Сергеевна за это исследование была удостоена ученой степени кандидата наук. А книгу напечатали вторично уже после Победы — в 1947 г.

В книге — 104 страницы. Как будто бы немного. Но каждая из страниц — плод многодневных и многомесячных наблюдений, тщательного изучения шрифтов, заставок, буквиц, бумаги старопечатных книг.

Архимандрит Леонид (Л. А. Кавелин) в свое время утверждал, что одно из безвыходных изданий — широкошрифтное *Евангелие* — напечатал Иван Федоров. Утверждение это ученый монах доказывал тем, что удивительно красивая заставка книги оттиснута с той же самой доски и в *Апостоле* 1564 г., на котором стоит имя первопечатника.

На первый взгляд заставки идентичны.

Антонина Сергеевна не раз рассматривала их через увеличительное стекло. И вдруг заметила, что переплетающиеся ветви, составляющие орнаментальную ткань изображения, в заставках идут в разные стороны: в одной — вправо, а в другой — влево. Значит, заставки отпечатаны с разных досок. Из этого следовал важный вывод о том, что типография, печатавшая безвыходные издания, и типография Ивана Федорова не имели общих типографских материалов. Вывод связан с другим, более значительным. А. С. Зернова высказала его в категорической форме: «Иван Федоров не был первым московским печатником».

Оба вывода в дальнейшем были оспорены.

Что касается шрифтов и досок для печатания орнаментики первой московской типографии, печатавшей безвыходные издания, то в московских, заблудовских, львовских и острожских книгах Ивана Федорова они действительно не встречаются.

Но в 1955 г. ташкентский филолог Григорий Иванович Коляда, рассматривая *Октоих*, выпущенный в 1604 г. в Дермани, наткнулся на оттиск затейливой концовки. На столе у Коляды лежал составленный А. С. Зерновой замечательный альбом «Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв.». В каталоге этом, выпущенном Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина в 1952 г., в натуральную величину воспроизведены все украшения старопечатных книг. Коляда без труда нашел в нем заинтересовавшую его гравюру. Это была буквица «Т» из широкошрифтной *Псалтыри*. Типограф из Дермани положил ее набок и использовал в качестве концовки.

Село Дермань знакомо нам; «справцей» здешнего монастыря был Иван Федоров. Только он и мог привезти сюда доску, когда-то принадлежавшую

первой московской типографии. А значит, между ним и этой типографией существовали какие-то связи.

Вроде бы незначительная находка. Но в истории старопечатных книг любой новый факт может повлечь за собой далеко идущие выводы.

Был ли пожар?

«С сильно бьющимся сердцем просыпается Иван Федоров. Что за диковинный сон! Да сон ли это? Он вскакивает с лавки... Вся изба полна света, свет яркий, красноватый, словно от пламени, врывается в слюдяные оконца.

Иван Федоров не может прийти в себя, не может понять, где он, что с ним, сон ли это, наяву ли? А что это за звон, звонят так часто, словно в набат.

— Горит, друкарня горит! — вдруг раздался со двора отчаянный крик Петра Мстиславца.

Иван Федоров сразу очнулся. Опрометью бросился он в сени, из сеней на двор... друкарня с двух сторон была объята пламенем.

— Бежим скорей, — шептал Петр Мстиславец, — злодеи подожгли друкарню, они убьют нас... бежим через задний двор...

Иван Федоров словно окаменел. Остановившимися глазами глядел он прямо перед собой, глядел на это яркое пламя, которое беспощадно губило труды его рук, его друкарню, его станок...

— Колдун, черно книжник, — раздавались голоса с улицы. — Сам бог покарал тебя за ересь, сам бог погубил дьявольское дело».

Так детская писательница Е. Волкова описала пожар в типографии Ивана Федорова в историческом рассказе «Первый русский печатник», который вышел впервые в 1903 г. в Вятке, а затем неоднократно переиздавался в Петербурге.

О поджоге типографии говорили многие.

При этом обычно ссылались на англичанина Джильса Флетчера, который в 1588 г. ездил в далекую Московию послом королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу. Вернувшись домой, Флетчер издал книгу «О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны». Она вышла в свет в Лондоне в 1591 г. Рассказывал Флетчер и о начале книгопечатания в России:

«Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок, и здесь была основана типография с позволения самого царя. Но вскоре дом ночью подожгли и станок с литерами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство».

Иван Федоров в рассказе о своих злоключениях на страницах львовского *Апостола* 1574 г. о пожаре не упоминал.

Так был ли пожар или нет?

Чтобы ответить на этот вопрос, А. С. Зернова решила проверить, действительно ли погибли шрифты, доски для заставок и инициалов московской типографии Ивана Федорова. Оказалось, что нет. Московский шрифт печатник увез в Великое княжество Литовское и использовал до конца своей жизни. Увез он и доски заставок — это легко можно определить по их оттискам в книгах.

Доски были удивительно прочными — их применяли во Львове и 200 лет спустя после смерти первопечатника. Антонина Сергеевна проследила их употребление до 1772 г. А львовский искусствовед Аким Прохорович Запаско нашел оттиски с них в изданиях XIX в.

«Чтобы увести шрифты, матрицы, пуансоны, доски для иллюстраций, заставок и инициалов, нужно было, не торопясь, нагрузить одну-две подводды», — рассуждала А. С. Зернова. И сделала вывод: «Разгрома типографии Ивана Федорова, подожженной враждебно настроенной толпой, грозившей убить печатника, по всей видимости не было; если и была сожжена, то анонимная типография». Та самая, в которой печатались безвыходные издания.

Может быть, именно поэтому и не сохранились типографские материалы этой друкарни? Кроме той буквицы, которая случайно оказалась у Ивана Федорова и впоследствии была использована его учениками в дерманском *Октоихе* 1604 г.

И еще об одной загадке, разгаданной А. С. Зерновой.

Послесловие *Острожской Библии* известно в двух вариантах. В одном из них указано, что книга вышла в свет «от воплощения господ... 1580 месяца июля 12 день». Другой вариант более обширен и напечатан на двух языках — славянском и греческом. Дата выхода здесь другая: «от воплощения господ... 1581 месяца августа 12 дня».

Давно было замечено, что и отдельные листы *Библии* не сходны один с другим, а встречаются в двух, а иногда и в большем количестве вариантов. Более того, библиограф и коллекционер Вукол Михайлович Ундольский в свое время нашел несколько тетрадок *Библии* — 48 страниц, отпечатанных другим шрифтом, не тем, что в обычных экземплярах. Такие же тетрадки, вплетенные в *Библию*, в дальнейшем были найдены в библиотеках Варшавского и Саратовского университетов.

Вывод из всего этого вроде бы напрашивался сам собой: Иван Федоров напечатал не одно, а два издания *Острожской Библии*.

«Нет!» — сказала Антонина Сергеевна.

Рассуждала она так. Если изданий *Библии* было два, то каждому варианту послесловия должны соответствовать свои варианты набора и размещения заставок на листах. В фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина было 34 экземпляра *Острожской Библии*. Постранично сверив их, А. С. Зернова установила, что варианты совершенно случайно комбинируются друг с другом. Появилась возможность утверждать: «Изданий *Острожской Библии* было одно, а не два!»

А. С. Зернова не знала, что еще в 1938 г. английский исследователь Джон Барникот нашел в Британском музее и в старинной Бодлеянской библиотеке экземпляры *Библии* с двумя выходными листами — на одном был указан 1580 г., а на другом, вклеенном в книгу позднее, — 1581-й.

Иван Федоров, видимо, собирался выпустить книгу в 1580 г., но не успел. Тогда он напечатал новый лист с более поздней датой и вклеивал его в уже сброшюрованные экземпляры. А лист со старой датой осторожно вырывал.

Новый лист был вклеен не во все экземпляры. А в некоторые его вклеили, но забыли вырвать старый. Так пошли гулять по свету экземпляры с двумя выходными листами. Их оказалось немало — я находил их в Киеве, во Львове, в Кракове... Совсем недавно, в декабре 1988 г., новый экземпляр с двумя вы-

ходными листами экспонировался на выставке «Древняя русская книга из личных собраний библиофилов РСФСР», устроенной к 1000-летию крещения Руси. Экземпляр этот отыскал книголюб Юрий Михайлович Вальтер.

Лет 15 назад в Научной библиотеке Львовского государственного университета мне показали *Острожскую Библию*, открыв которую я не поверил глазам. «Напечатано мною многогрешным Иоанном Федоровым сыном з Москвы,— стояло в выходном листе,— в богохранимом граде Остроже... 1571 месяца августа 12 дня».

Выходит, еще до львовского *Апостола*! А ученые думали, что в 1571 г. Иван Федоров был еще в Заблудове.

Открытие, однако, не состоялось. Присмотревшись, я увидел, что лист с датой, смутившей меня, не напечатан, а очень искусно воспроизведен от руки. Каллиграф, делавший его, ошибся и вместо «1581» написал «1571».

Историки толкуют факты

Факты — хлеб современной науки. Но рассматривать их нужно в контексте эпохи, иначе они ничего объяснить не смогут.

Архивные документы о жизни и деятельности Ивана Федорова, новые экземпляры напечатанных им книг, владельческие записи на этих экземплярах... Факты накапливались постепенно. Необходимо было объяснить их, внести в русло общей истории Московского государства.

Многие поколения историков, филологов, книговедов изучали вопрос о начале книгопечатания на Руси. Но лишь советская наука нашла место этому важному событию в политической, социально-экономической, общекультурной истории Московского государства.

Старые книговеды, говоря об основании первой типографии, считали это событие результатом личных, а точнее единоличных, устремлений царя Ивана IV Грозного и митрополита Макария. Советские исследователи показали, что начало книгопечатания представляет комплекс явлений, тесно связанных с политической историей России.

В 1933 г. наша страна отмечала 350-летие со дня смерти Ивана Федорова.

К юбилею Институт книги, документа и письма Академии наук СССР выпустил в свет сборник «Иван Федоров первопечатник». В нем была опубликована большая статья академика Александра Сергеевича Орлова (1871—1947) «К вопросу о начале печатания в Москве». Крупнейший специалист по истории древнерусской литературы, он всегда любил книгу и интересовался ее историей. Орлов впервые поставил основание московской типографии в один ряд с теми явлениями культурной жизни, которые служили делу укрепления и становления централизованного государства, делу уничтожения феодальной раздробленности.

Их было немало — этих мероприятий по централизации и упорядочению культурной жизни: создание общегосударственного летописного свода — официальной истории России, тщательное редактирование текста богослужебных книг и устранение в них ошибок, приведение в порядок российского пантеона святых, которыми ранее подчас объявляли малозначительных местных деятелей... Таким мероприятием было и создание первой типографии. Все эти

новшества Александр Сергеевич связал с деятельностью так называемой «Избранной рады» — кружка умных и энергичных людей, имевших большое влияние на молодого царя Ивана.

«Полагаем,— писал Орлов,— что появление первопечатных книг в Москве — это была одна из идей, возникших в правительственном кружке Ивана Грозного...»

Мы уже рассказывали, что кружок возглавлял молодой способный политик Алексей Федорович Адашев и священник придворного Благовещенского собора Сильвестр. Среди тех, кто идеологически подготовил деятельность кружка, были талантливый писатель Максим Грек и знакомый читателю страстный публицист Артемий.

Талантливые и смелые «книжники» в горячих публицистических выступлениях доказывали, что противопоставлять рукописание книгопечатанию выгодно лишь реакционной верхушке церкви и феодалам, которые как огня боялись всего нового.

Конкретные исторические предпосылки основания первой московской типографии вскрыл известный советский историк, академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965), который в 1940 г. опубликовал в «Ученых записках» Московского университета небольшую, но очень важную для нашей темы статью «Начало московского книгопечатания». В 1958 г., когда отмечалось 375-летие со дня смерти Ивана Федорова, по инициативе М. Н. Тихомирова и крупнейшего советского книговеда, члена-корреспондента Академии наук СССР Алексея Алексеевича Сидорова (1891—1978) был подготовлен сборник «У истоков русского книгопечатания». Открывался он статьей М. Н. Тихомирова, который, в частности, писал:

«Возникновение книгопечатания в России, конечно, не было делом инициативы отдельных лиц. Оно явилось прямым следствием политического и культурного развития России».

В 1964 г. автор этих строк выдвинул гипотезу о том, что первая московская типография, выпускавшая безвыходные издания, находилась в доме Сильвестра и, значит, была непосредственно связана с деятельностью «Избранной рады». Что же касается Ивана Федорова, то он, вне всякого сомнения, работал в этой типографии. Мы можем сохранить за ним гордое звание первопечатника.

Гипотезу предстояло доказать новыми фактами.

Красное и черное

Чувство праздничности охватывает каждого, кто открывает славянскую старопечатную книгу. Не сразу поймешь, в чем причина этого ощущения. И лишь присмотревшись, войдя в «атмосферу» книги, постигаешь: истоки этого настроения — в красном цвете, взрывающем черное однообразие текстовой полосы.

Применение красного строго регламентировано. Кровавой, иногда с вишневым оттенком киноварью напечатаны заголовки разделов, указания на полях, первые буквы названий глав и зачал, индексы в левом верхнем углу оборотной стороны каждого листа, играющие роль колонтитулов. Цвет должен по-

мочь читателю найти нужный ему материал — в этом его основная функция.

Но на страницах первых русских печатных книг можно встретить примеры и чисто декоративного использования красного цвета.

Таковы рамки-«цветки», которые ставились на полях и указывали начало разделов — «недельных чтений». Иногда их печатали черным, иногда — красным. В безвыходном узкошрифтном *Евангелии* можно встретить «цветки», напечатанные киноварью, но с небольшим черным крестиком сверху. В том же издании есть небольшая гравюра — «Орудия страстей». В одном экземпляре изображение отпечатано черным, а тонкая рамка вокруг него — красным.

Как это сделано?

В технической сути способа впервые разобрался гравер Матвей Алексеевич Добров (1877—1958) по просьбе Алексея Алексеевича Сидорова, работавшего над «Историей оформления русской книги». Первое издание труда вышло в свет в 1946 г. Здесь было рассказано об оригинальном изобретении московских первопечатников — однопрокатной двухкрасочной печати.

Красный цвет на страницы будущей книги в Москве наносили не так, как в западноевропейских типографиях. Там для каждой краски изготавливали свою печатную форму. Сначала печатали черным, а затем — красным. В первой московской типографии делали одну форму и всю ее покрывали черной краской. Затем осторожно снимали тряпочкой краску со слов и литер, которые на оттисках должны быть красными, и наносили на них киноварь кисточкой.

Способ этот — достаточно трудоемкий — нигде, кроме Москвы, не применялся. Так напечатаны первые безвыходные издания — узкошрифтные и среднешрифтные *Евангелия* и *Псалтыри*. А в широкошрифтных изданиях была применена новая техника.

Печатались эти издания также с одной формы, но в два прогона. При наборе полосы под литеры, которые должны быть красными, подкладывали небольшие брусочки. На приподнятые литеры наносили киноварь, накладывали сверху лист бумаги и печатали оттиск — мы видим на нем лишь красные элементы текстовой полосы. Затем приподнятые литеры удаляли и печатали черным. Этот же способ двухкрасочной печати мы встречаем в изданиях Ивана Федорова.

Объединяет их с книгами первой московской типографии Сильвестра и своеобразный прием набора, который историки называли «перекрещиванием строк». Прием позволял искусно имитировать облик рукописной книги. В зарубежных типографиях он не применялся.

Так изучение техники первопечатных книг подтвердило гипотезу о том, что Иван Федоров работал в анонимной типографии, ибо только здесь он мог познакомиться с описанными выше полиграфическими приемами.

Открытие книголюба

Есть в Ялте небольшая улица, которая носит славное имя художника Федора Васильева. Здесь в новом пятиэтажном доме в последние годы своей жизни работал Александр Иванович Анушкин (1903—1978), старейший советский журналист, в прошлом — главный редактор газет «Красная Татария», «Советская Литва».

На первый взгляд вел он обыкновенное пенсионное житье-бытье. Исполнял нехитрые обязанности по дому, с кошелкой ходил на рынок. Иногда же брал собаку и отправлялся в горы, на Яйлу. Не охотиться, нет. А так, побродить по Яйле, послушать тишину, отдохнуть от суеты курортного города.

Высокого художника в неизменном берете хорошо знали ялтинские почталоны; чуть ли не ежедневно получал он письма из Львова, бандероли из Оксфорда, посылки с микрофильмами из Вроцлава.

Александр Иванович был энтузиастом-книголюбом. Побудительные причины его исследовательских поисков раскрывают слова, написанные им в статье «О занятиях увлекательных и плодотворных», опубликованной в местной «Курортной газете»: «Благородная страсть обуревают рыцарей книжных поисков. Главное здесь — не спортивный интерес и стремление найти и заполучить редкостное издание... Главное — духовное обогащение, расширение своего кругозора и, я бы сказал, исследовательский интерес».

Исследовательским интересом Александр Иванович обладал в полной мере.

В Симферопольской библиотеке имени Ивана Франко он нашел два экземпляра *Острожской Библии* с интересными, ранее неизвестными вариантами набора.

В 1970 г. в Вильнюсе вышла в свет книга А. И. Анушкина «На заре книгопечатания в Литве». Написанная по-журналистски легко, она сразу привлекла внимание читателей. Вместе с тем этот труд — плод серьезной и многолетней исследовательской работы.

Одно из открытий Анушкина имеет прямое отношение к нашей теме. Перечитывая он как-то послесловие к *Евангелию*, напечатанному в Вильне в 1575 г. Соратник первопечатника Петр Тимофеев Мстиславец, оставив Ивана Федорова в Заблудове, долго не мог решиться самостоятельно выпускать книги. В послесловии к *Евангелию* он рассказывал об охвативших его сомнениях:

«Аз же есмь человек грешен и немощен, бояхся начати таковая; к тому же смотря свое неприлежание, и леность, и неразумие, на мнозе отлагах...»

Знакомыми показались эти слова Александру Ивановичу. Где-то он уже видел их... Вспоминал, вспоминал и наконец вспомнил: в «Посланиях» старца Артемия — одного из тех, чья деятельность подготовила возникновение книгопечатания на Руси.

Уникальный список «Посланий», о которых мы рассказывали во второй главе нашей книги, отыскал Вукол Михайлович Ундольский; ныне он находится в Отделе рукописей Ленинской библиотеки. В 1878 г. по этому списку «Послания» были напечатаны в известном продолжающемся издании — «Русская историческая библиотека».

Приехав в Москву, Анушкин положил рядом *Евангелие* 1575 г. и 4-й том «Русской исторической библиотеки», а затем, строка за строкой, сверил тексты. Оказалось, что Петр Мстиславец почти дословно воспроизвел в своем послесловии одно из посланий Артемия. А значит, наши первопечатники были знакомы с публицистическими выступлениями Артемия, охотно цитировали их. Делал это Петр Мстиславец, делал это и Иван Федоров.

Говорит это о многом, и прежде всего о близости типографов к «Избранной раде», а следовательно, и к деятельности анонимной друкарни, работавшей в доме Сильвестра.

Издавна известны книги, изготовленные в рукописной мастерской Сильвестра, которая продолжала действовать и после основания типографии. Фолианты эти благовещенский священник часто дарил в разные монастыри и церкви — от своего имени и от имени царя Ивана Васильевича. Шесть таких книг сохранилось в библиотеке Соловецкого монастыря.

В одной из них — рукописном *Евангелии* — искусно сделанные заставки. В прямоугольники, заполненные широколистными травами, вписаны круги с изображениями евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна. В 1962 г. я впервые раскрыл эту книгу в уютном читальном зале Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Незадолго пред тем за узким столом, притулившимся в прихожей «Кабинета Фауста», где хранится собрание инкунабулов, я знакомился со всеми сохранившимися здесь экземплярами *Евангелия* 1575 г. Того самого, в послесловии которого А. И. Анушкин обнаружил цитаты из посланий Артемия. Книгу Петр Мстиславец напечатал большим тиражом — она не редка и встречается во многих библиотеках.

Замечательные гравюры издания все еще стояли у меня перед глазами. Поэтому я сразу обратил внимание на растительный орнамент заставок рукописного *Евангелия*, 400 с лишним лет назад «построенного» в мастерской Сильвестра.

По моей просьбе в читальный зал Отдела рукописей принесли *Евангелие* Петра Мстиславца. Я положил книги рядом и убедился, что орнамент рукописной заставки типограф со всеми подробностями передал в гравюре, украсив им подножие одной из колонн, обрамлявших портрет апостола. А значит, у Мстиславца было это рукописное *Евангелие* из мастерской Сильвестра.

Так нашлось еще одно звено цепочки, связывающей первопечатников с руководителями «Избранной рады».

Впоследствии было установлено, что к Сильвестру ведут многие записи на безвыходных изданиях: они называют имена лиц, с которыми на своем жизненном пути встречался благовещенский священник.

В конце 50-х гг. XVI в. деятели «Избранной рады» попали в опалу. Сильвестра сослали в Соловки, где он и умер. Печатная и рукописная мастерские, которые на первых порах поддерживал сын Сильвестра Анфим, захирели. Проводимая Иваном IV политика централизации настоятельно требовала создания государственной типографии. Была основана новая большая типография, во главе которой поставили наиболее талантливого и способного мастера — Ивана Федорова. 19 апреля 1563 г. он начал печатать хорошо знакомый нам *Апостол*.

В послесловии этой книги одно и то же событие — начало книгопечатания на Руси — как будто бы датировано и 1553, и 1563 г. Теперь мы догадываемся, в чем дело. У Ивана Федорова после падения «Избранной рады» были веские основания не упоминать о первой московской типографии, основанной Сильвестром. Но он оказался достаточно мужественным, чтобы сказать о людях, с которыми он и сам начинал свой путь, — сказать, правда, в завуалированной форме.

Глава восьмая,
**РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ПРИДУМЩИКАХ
И ФАЛЬСИФИКАТОРАХ,
ФАНТАЗИЯ КОТОРЫХ ПОДЧАС НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ**

Удивительная статья Александра Новитного

В Львове в Научной библиотеке Государственного университета имени Ивана Франко работал замечательный человек — Федор Филиппович Максименко (1897—1983). За долгую жизнь он накопил в памяти великое множество имен, фактов и дат, связанных с историей Украины, ее городов и сел, ее богатой культуры. Человек бескорыстный, Максименко открывал сокровищницу памяти для каждого, кто в этом нуждался.

Более двадцати лет Федор Филиппович делился со мной сведениями об Иване Федорове. В 1963 г., когда я работал над диссертацией «Источниковедение и историография русского первопечатания», обязательный Федор Филиппович прислал мне длинный список публикаций с деликатным примечанием: «Я позволю себе указать некоторые статьи, какие, возможно, остались вне поля Вашего зрения».

Ни одной из перечисленных им работ я не знал. Да и как и где мог я познаться, например, с рукописной диссертацией Яна Коровицкого «Острожская Библия», защищенной в 1931 г. на богословском факультете Варшавского университета, или с рецензией на эту диссертацию, опубликованной в польском церковном журнале?

Впрочем, бог с ней, с диссертацией Коровицкого!

Максименко пишет о таких вещах, что, прочитав, я начинаю заикаться и ощущать дрожь в руках и ногах.

Во Львове, в 1930 г., рассказывает Федор Филиппович, издавалась газета «Неделя», в № 45 которой на четвертой странице напечатана статья Александра Новитного «Острожская Библия. В связи с 350-летием ее издания в Остроге». Со свойственной ему пунктуальностью Максименко уточняет, что номер был конфискован польской цензурой и статью, без каких-либо изменений, пришлось повторить в № 46 на той же четвертой странице.

«Автор между прочим говорил о таких для меня неизвестных вещах,— писал Федор Филиппович,— что очень ценным материалом для изучения жизни и деятельности Ивана Федорова должна быть переписка князя

К. К. Острожского с Львовским братством и с Иваном Федоровым, хранившаяся в архиве князей Сангушко в Славуте, большая часть которого погибла в 1920 г. Новитный будто бы снял несколько копий с писем князя Константина Острожского и письма Ивана Федорова к нему, а также видел переписку первопечатника с Ставропигийским братством во Львове».

Повествовательная невозмутимость Ф. Ф. Максименко явно не вяжется с сенсационным характером сообщаемых им фактов. Ведь ни одной строчки, самолично написанной Иваном Федоровым, к тому времени найдено не было. А тут целая переписка!

В письме Федора Филипповича были и другие удивительнейшие сведения, почерпнутые им из статьи Александра Новитного. Оказывается, существуют две гравюры, напечатанные «ин фолио» (в лист) и изображающие друкарню Ивана Федорова в Остроге. Гравюры воспроизведены в «Истории типографского искусства» Рехбандера, изданной в Вене в 1775 г.

«Далее,— продолжает Максименко,— говорится о том, что мысль об издании *Библии* возникла еще в 1574 г. во Львове, что *Библию* печатал лично сам Иван Федоров, что его ученик Гринь Иванович был родом из Галича и много еще интересных, но прямо невероятных подробностей относительно организации работы в Остроге».

Некоторое время спустя Максименко прислал мне фотокопию статьи Новитного, так как газету «Неделя» я ни в одной из московских библиотек отыскать не смог. Писал Федор Филиппович и о том, что Новитный был журналистом, который в 30-х гг. печатал статьи в львовских газетах на самые разные темы. Что с ним случилось дальше, Максименко не знал.

Прежде всего я решил разузнать о князьях Сангушко и их архиве.

Сангушко состояли в близком родстве с Острожскими, Вишневецкими, Замойскими и другими волынскими магнатами. Их огромный архив хранился в родовом имении Славуте, стоявшем над быстрой речкой Горынь. Архив содержался в порядке; еще в 1864 г. Ян Стецкий составил список рукописей Славутской библиотеки. Бронислав Горчак в 1902 г. описал архив. В описи под № 55 упомянуты «привилегии и письма князей Острожских». Дело содержало 44 листа, написанных в 1556—1620 гг. Не здесь ли хранилась переписка Ивана Федорова? Ответа на этот вопрос в описи не было.

В 1887 г. Сангушко начали издавать материалы своего архива. До 1910 г. во Львове вышли в свет семь объемистых томов, содержавших интересные материалы по истории Украины, Литвы и Польши. В годы первой мировой войны издание прекратилось. Публикация документов была доведена лишь до середины XVI в.

1 ноября 1917 г. дворец Сангушко разгромили гайдамаки. Они убили 85-летнего князя Романа Сангушко. Старые книги и рукописи вытащили во двор и сложили из них костер, который, как говорят, горел несколько дней. Но большую часть архива задолго перед этим вывезли в глубь России. Впоследствии архив был передан Польше.

Выясняя судьбу архива, я одновременно пытался найти те две гравюры, которые, по словам Новитного, изображали Острожскую типографию.

Есть превосходный двухтомный указатель старой литературы о книгопечатании, составленный в 1880—1886 гг. английскими учеными Э. Бигмом и К. Вайманом. К великому удивлению, «Истории типографского ис-

куства» Рехбандера, в которой, как утверждал Новитный, помещены гравюры, изображающие типографию Ивана Федорова, я в этом капитальном справочнике не нашел.

«Не так уже полна библиография, как это обычно считается,— подумал я и даже позлорадствовал в душе.— Не одни, мол, мы, грешные, ошибаемся!» Напрасно злорадствовал!

Имени Рехбандера не оказалось и в четырехтомном «Всеобщем книжном словаре, или Полном алфавитном перечне с 1700 до конца 1810 года вышедших книг, которые напечатаны в Германии и родственных ей по языку и литературе странах». Этот указатель, составленный библиографом В. Гайнзиусом, впоследствии был продолжен до 1894 г. Не помянут Рехбандер и в двадцатитомном «Полном книжном словаре, содержащем все книги, выпущенные с 1750 года...» К. Г. Кайзера.

Тогда я понял: не было такого писателя и никакая «История типографского искусства» в 1775 г. в Вене не издавалась! Александр Новитный сам придумал и Рехбандера, и гравюры с видом Острожской типографии! Если же он погрешил в одном, мог соврать и в другом!

...И все же я немного волновался, когда поздней осенью 1973 г. по скользким плитам спуска к Каноничей улице, мимо конного памятника Тадеушу Костюшко, впервые поднялся на Вавельский холм и вошел в помещение Исторического архива Краковского воеводства. Здесь, как мне сообщили польские друзья, находился архив Сангушко. Вскоре я держал в руках то самое дело № 55, в котором подшиты привилегии и переписка князей Острожских.

Никаких материалов об Иване Федорове в нем не оказалось.

Автограф первопечатника нашли совсем в другом архиве.

«Он завел в России в 1440 году первое книгопечатание...»

Пусть не удивляет читателя фантастическая выдумка Александра Новитного. Историк должен быть готов к встрече с легендами, порожденными некритическим отношением к источникам, людским легковерием, а иногда и легкомыслием. В историографии славянского и русского книгопечатания таких легенд немало.

Иногда у их истоков лежат ошибки.

В статье К. Я. Тромонина «О начале книгопечатания в России», опубликованной в 1845 г. в сборнике «Достопамятности Москвы», я нашел поразительное упоминание о каких-то типографских опытах, проводившихся в Москве будто бы еще в 1440 г. Одним словом, одновременно с началом книгопечатания в Европе. Приведа это известие, Тромонин сослался на писателя Ивана Васильевича Нехачина (1771—1811).

Нехачин был плодовитым литератором, сочинившим немало книг, и среди них своеобразную детскую энциклопедию — «Новое краткое понятие о всех науках» и объемистый труд с длинным названием: «Исторический словарь российских государей, князей, царей, императоров и императриц, в котором описаны их деяния, кончина, места погребения, имена их супруг и детей, с приложением двух родословных с княжескими гербами, из коих первая начинается от Рюрика, первого российского князя, и оканчивается чрез 21 степень детьми царя Иоанна Васильевича Грозного; вторая, от въехавшего в Россию

литовского князя Гланда, т. е. от предка царя Михаила Федоровича Романова, и до ныне благополучно царствующей императрицы Екатерины II Великой и пресветлейших ее фамилий».

Вслед за этим названием на титуле указывалось, что книга собрана «из разных российских бытописаний», а издана в 1793 г. «ижданием московского купца Семена Никифорова».

На одной из страниц «Исторического словаря...», где речь идет о московском великом князе Василии Темном, утверждается, что «он завел в России в 1440 году первое книгопечатание».

Из каких «российских бытописаний» почерпнул это сенсационное известие Иван Нехачин? В книге об этом ничего не говорилось. Но я знал, что одним из источников «Исторического словаря...» был едва ли не первый в новой литературе опыт общей русской истории — книга «Ядро российской истории, сочиненной ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих...». Книга была издана в Москве в 1770 г., но, как установили историки, написал ее около 1715 г. совсем не Хилков, а его секретарь Алексей Ильич Манкиев.

Рассказывая о княжении Василия Темного, автор упоминает и о начале книгопечатания, но не в Московском государстве, как это делает Иван Нехачин, а в Германии, в Майнце. Вот это сообщение — первое известное нам русское упоминание об одном из величайших событий в истории культуры:

«Во время княжения сего Василия Московского великого князя, около 1440 году от Рождества Христова, великое некое и воистину божие благодеяние послано всей вселенной, от Иоганна Гутенберга Аргентинца новым письма родом изобретено. Тот первый художество типографическое, сиречь книги печатать выдумал и приобрел в городе Аргентине, оттуда в Могунцию пришед, тож художество щастливо (но с великим иждивением) совершил».

Чтобы читателю было ясно, почему Манкиев именует Гутенберга «Аргентинцем», поясним, что «Аргентина» — латинское название эльзасского города Страсбурга. «Могунция» же — это современный Майнц.

И. В. Нехачин не вник в смысл сообщения Хилкова-Манкиева, прочитал его бегло и положил начало заблуждению, отзвуки которого сказывались и полстолетия спустя — в середине XIX в.

Вот еще один аналогичный случай.

Как «Черногория» превратилась в «Чернигов»

В начале нынешнего столетия в Германии издавался «Цайтшрифт фюр Бюхерфройнде» — «Журнал для любителей книги». Превосходно оформленный, с большим количеством иллюстраций, содержащий познавательный, а иногда и весьма занимательный материал, журнал по сей день ценится библиофилами. В приложении к журналу публиковались исчерпывающе подробные списки новой книговедческой литературы, а также хорошо составленная хроника событий, интересных для книголюбов.

В приложении к № 9 за 1909 г. помещено сообщение об открытии в Москве памятника Ивану Федорову. Автор заметки удивляется, что в России этого

человека считают первым типографом. «Первым русским печатником,— утверждает он,— был Георг Черновиц, который уже в 1493 г. в Чернигове на реке Десне напечатал на иллирийском наречии кирилловским шрифтом *Октоих* Иоанна Дамаскина».

Известие о черниговской типографии 1493 г. по сей день можно встретить на страницах трудов по истории книгопечатания, выходящих в Англии, ФРГ, Франции, США...

Решив разобраться, была ли в Чернигове в XV в. типография или нет, я установил, что впервые о ней упомянул один из ранних теоретиков книговедения Михаэль Денис (1729—1800), поэт и библиограф, в дополнениях к каталогу инкунабулов Михаэля Меттера, изданных в Вене в 1779 г. Впоследствии, в 1803 г., об этом писал и историк Георг Вольфганг Панцер (1729—1805) на страницах 2-го тома известных в свое время «Типографских анналов».

Ошибку заметил еще в 1814 г. классик славяноведения, прославленный чешский ученый Йосеф Добровский (1753—1829). В письме к австрийскому славяноведу, по происхождению словенцу, Варфоломею Копитару он рассказал, как его друг словацкий книголюб Иржи Рыбай нашел в одной из библиотек города Офена неизвестное в то время издание — *Октоих*, который начали печатать в 1493 г. Работал над ним священноиннок Макарий «от Чрнийе Гори» (т. е. из Черногории) по повелению черногорского властителя Гюрга (или Джурджа) Црноевича. О находке Рыбай сообщил Фортунату Дуриху, автору изданной в 1795 г. в Вене книги «Славянская библиотека». Дурих в свою очередь написал Михаэлю Денису.

Одно плохо — Дурих неправильно прочитал слово «Черногория» в письме Рыбая («Tzernogaviae» вместо «Tzernogogae»). Денис пошел дальше и внес свои коррективы в орфографию слова. В его книге мы находим следующий текст:

«Октоих Иоанна Дамаскина, напечатанный на славянском языке кирилловским шрифтом в 1493 году в Черногавии (Чернигове?) Георгием Черноевиком».

Так «Черногория» превратилась в «Чернигов»!

Я рассказал о невольных ошибках. Хуже, когда их делают сознательно.

Был ли переплетчиком Ганс Переплетчик?

С первых же шагов Ивана Федорова по невозделанной еще ниве отечественной историографии ему начали искать иностранных учителей. Такова была инерция мышления у иных наших предков, высшим авторитетом для которых был, говоря словами одного из героев А. С. Грибоедова, «французик из Бордо».

В. С. Сопиков, зарегистрировав *Апостол* 1564 г. в своем «Опыте российской библиографии», написал, что книга «напечатана под смотрением книгопечатного дела мастера датчанина Ганса». С тех пор и гуляет датчанин по страницам трудов, посвященных истории книги.

Перед нами монография «Пять столетий книгопечатания» С. Х. Штайнберга (1899—1969); последнее издание ее вышло в Лондоне в 1979 г. На одной из страниц читаем:

«Великий царь Иван IV Грозный (имя которого у нас неправильно пере-

Christianus per Dei gratiam / den tertius / Danmarks /
Norgis / Wendis / oc Gottis Konning. Hertug i Sleswig /
Holsten / Stormaren / oc Dithmarschen. Greffue
i Oldenburg / oc Delmenhorst.

Кристиан III. Гравюра из датской Библии 1550 г.

водят как «Ужасный») в конечном счете ввел в России книгопечатание. По его просьбе Кристиан III Датский в 1552 году послал копенгагенского печатника Ганса Миссенгейма в Москву, где он научил Ивана Федорова, русского первотипографа, искусству книгопечатания».

В 1822 г. Петр Иванович Кеппен указал на источник этих сведений — послание Кристиана III к Ивану Грозному, которое за шесть лет пред тем, в 1816 г., было опубликовано в «Теологической библиотеке», издававшейся в Копенгагене. Писал Кеппен и о «типографшике Иване Богбиндере», «под надзором коего гостунский диакон Иоанн Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец напечатали первую в России книгу».

Восемнадцать лет спустя, в 1840 г., посланием Кристиана III заинтересовался историк, профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев (1792—1868). Профессор был человеком эрудированным, имевшим познания в самых различных областях российской и зарубежной словесности. Он хорошо знал латынь, много и охотно писал на этом «мертвом» языке. Составленная им «Латинская грамматика» выдержала несколько изданий.

Занимался Иван Михайлович и историей книгопечатания — в 1830 г. он опубликовал в «Вестнике Европы» статью «О первой Псалтыри, напечатанной Невежею Тимофеевым и Никифором Тарасиевым при царе Иоанне Васильевиче», т. е. о той самой *Псалтыри* 1568 г., на страницах которой, как помнит читатель, утверждалось, что именно Невежа и Никифор первыми устроили в Москве «штанбу, сиречь дело печатных книг». В послесловии *Псалтыри* «типографшик Иван Богбиндер», конечно, не упоминался. Никогда не называл его имени и Иван Федоров.

И. М. Снегирев решил разобраться в этом и написал письмо в Копенгаген — в Королевское общество северных древностей. Через несколько месяцев неспешная почта принесла ему копию публикации в «Теологической библиотеке».

Письмо Кристиана III было написано по-латыни. И. М. Снегирев перевел его и в 1840 г. опубликовал в «Русском историческом сборнике». Перевод свой московский профессор снабдил комментариями.

О чем шла речь в этом послании?

Кристиан III задумал склонить московского государя к переходу в лютеранство, дабы «рассеять тьму папешскую (т. е. католическую.— *Е. Н.*), коею долгое время омрачены были страны наши». «На это дело,— писал датский король Ивану Васильевичу Грозному,— вызывали мы прочих государей и князей... и при том не без успеха; по наследственному же нашему расположению и усердию к возлюбленному брату нашему, к его народу и подданным, руководствуясь примером предков и предшественников наших, мы осмеливаемся склонить к тому же и тебя, возлюбленнейший брат».

Католичество в Московском государстве никогда распространено не было. Не имела здесь никаких шансов и пропаганда лютеранства — протестантского богословского учения, названного так по имени немецкого реформатора Мартина Лютера.

Для распространения лютеранства Кристиан III считал необходимым организовать в Москве типографию и наладить печатание религиозной литературы.

«С такой целью,— сообщал он Ивану IV,— посылаем к тебе искренно нами

любимого слугу и подданного нашего Ганса Миссенгейма с Библией и двумя другими книгами, в коих содержится сущность нашей христианской веры. Если приняты и одобрены будут тобою, митрополитом, патриархами, епископами и прочим духовенством сие наше предложение и две книги вместе с Библией, то оный слуга наш напечатает в нескольких тысячах экземпляров означенные сочинения, переведя на отечественный ваш язык...»

Иван Михайлович Снегирев обратил внимание, что П. И. Кеппен писал об «Иване Богбиндере», В. С. Сопиков — о «датчанине Гансе», а в послании Кристиана III шла речь о «Гансе Миссенгейме». Видимо, это один и тот же человек, предположил ученый. И. М. Снегиреву было известно, что еще в 1595 г. датский историк Арильд Витфельд писал в своей «Истории Дании» о послании, с которым Иван Грозный будто бы обратился к королю Кристиану в 1550 г., прося его направить в Москву различных ремесленников. Инициатива в этом случае приписывалась московскому государю. Приглашение, по словам Витфельда, принял «один человек из Копенгагена по имени Ганс Богбиндер». Однако, утверждал датский историк, «в то время было очень мало людей, которые захотели бы поехать в варварскую страну. Ганс Богбиндер также отказался от своих намерений».

«Слово «Богбиндер», — комментировал Снегирев, — должно быть, не родовое имя, но название ремесла, тогда значительного в Европе, ибо *Bockbinder* то же, что *Buchbinder*, то есть переплетчик».

Более ста с лишним лет после публикации И. М. Снегирева никто не занимался Гансом Богбиндером. Был ли он в нашей стране? Учился ли у него Иван Федоров? Да и кем, собственно, был этот переплетчик?

Если Ганс учил наших первопечатников, в гравюрах первых московских книг неизбежно должно было сказаться датское влияние. Поэтому, заинтересовавшись вопросом о Гансе Богбиндере, я прежде всего решил разыскать ту *Библию*, которую будто бы привез в Москву датчанин. Не было никакого сомнения, что речь шла о *Библии*, напечатанной в Копенгагене в 1550 г., — предмете гордости Кристиана III. Открывал ее большой — на всю страницу — гравированный портрет короля. Но в гравюре этой, да и в других украшениях книги решительно ничего не напоминало художественного убранства московских первопечатных книг.

Да и печатал *Библию* 1550 г. не Ганс Богбиндер, а совсем другой человек — Людвиг Дитц. Легко было установить, что история датской книги вообще не знала человека по имени Ганс Миссенгейм Богбиндер.

Ответ отыскался в третьем томе «Датского биографического словаря», вышедшем в свет в 1934 г. в Копенгагене. Здесь были опубликованы статьи о нескольких Миссенгеймах (или Мейссенгеймах). Первый из них — Ганс Миссенгейм Богбиндер (старший) — был бургомистром Копенгагена. Умер он в 1515 г., оставив двух сыновей Амброзия и Ганса. Амброзий пошел по стопам отца: стал бургомистром нынешней датской столицы, активно поддерживал сидевшего в то время на престоле Кристиана II в его борьбе за абсолютизм против своеволия феодалов-аристократов.

В 1523 г. Кристиана II свергли с престола и изгнали в Нидерланды. Королем стал Кристиан III — тот самый, который в мае 1552 г. писал Ивану Васильевичу Грозному.

Свергнутый король не прекращал борьбы за датский престол. В 1533 г. его

сторонники во главе с Амброзием Богбиндером подняли восстание, которое длилось три года, но в конце концов было подавлено. Амброзия вскоре обвинили в убийстве. Предвидя арест и неизбежную расправу, бургомистр отравился.

Преданным сторонником свергнутого короля был и младший брат Ганс Миссенгейм Богбиндер. Он последовал за Кристианом II в изгнание и стал его личным секретарем.

Прошли годы. Свергнутый король умер. В 1550 г. Кристиан III разрешил Гансу вернуться на родину. А два года спустя было написано уже известное нам послание Ивану IV Васильевичу.

Сопоставляя факты, нетрудно предположить, что король рассматривал посольство Богбиндера в далекой Московии как своеобразную почетную ссылку.

Никто из Богбиндеров ни типографом, ни переплетчиком не был. На вопрос, вынесенный в название этого параграфа, можно ответить определенно: Ганс Переплетчик не имел решительно никакого отношения ни к типографскому, ни к переплетному ремеслу. Стало быть, «русским Гутенбергом», как его нередко именуют зарубежные авторы, знатный датский придворный быть не может. Да и посольство его в Московию не состоялось. Материалы датских архивов свидетельствуют, что с 1554 г. Ганс Богбиндер безвыездно жил в Копенгагене. В 1564 г., когда вышел в свет московский *Апостол*, Ганса уже не было в живых.

Обо всем этом шла речь в статье, которую автор этих строк опубликовал в 1962 г. в сборнике «Книга. Исследования и материалы». В 1970 г. ее перепечатали в Дании под характерным названием — «Был ли Ганс Богбиндер русским Гутенбергом?»

Вопрос как будто решен окончательно.

Впрочем, «датчанин Ганс» не был единственным зарубежным претендентом на роль «русского Гутенберга».

Похождения немецкого авантюриста

Библиотекарь Петербургской Академии наук Иван Григорьевич Бакмейстер (ум. в 1788 г.) составил и в 1776 г. выпустил в свет описание академической библиотеки и приданного ей кабинета редкостей. Рассказывая о хранящихся в библиотеке книгах, он уделит внимание истории отечественного книгопечатания. Говоря об основании первой типографии в Москве, Бакмейстер писал:

«Сие достохвальное предприятие исполнил царь единственно своими русскими людьми, которых имена достойны перейти в потомство».

И Бакмейстер называл Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца.

Впрочем, он тут же сообщил, что еще в 1547 г. Иван IV отправил некоего Ганса Шлитте «искать в Германии художников для книжного дела». По мнению Бакмейстера, миссия эта окончилась неудачно.

Николай Михайлович Карамзин оспаривал это мнение. «Царь Иоанн в 1547 году искал в Германии художников для книжного дела,— писал он в «Истории Государства Российского»,— и, как вероятно, нашел их для об-

разования наших собственных, ибо в 1553 году он приказал устроить особенный дом книгопечатания».

Документация, в которой упоминается имя Шлитте, хранится во многих городах Европы. Ловкий, хотя и не во всем удачливый авантюрист сумел вызвать интерес к своему предприятию чуть ли не у большинства коронованных особ Европы.

Ганс Шлитте происходил из саксонского города Гослара. Немецкий историк Карл Фабер, писавший о Шлитте в 1810 г., утверждал, что саксонец «еще в ранней юности, стремясь изучить далекие страны, отправился путешествовать». Надо думать, что руководили им мотивы, далекие от чистой любознательности. Практическая жилка бьется во всех его дальнейших начинаниях.

Фабер сообщал, что, попав в Москву, Шлитте «изучил язык и обычаи страны и приобрел особую благосклонность царя».

Ловкому иностранцу удалось повидать Ивана IV и получить от него грамоту, немецкий перевод которой сохранился в прусском архиве и был опубликован Фабером. Царь удостоверял, что он поручил Шлитте «привезти в наше государство... мастеров и докторов, которые умеют ходить за больными и лечить их, книжных людей, понимающих латинскую и немецкую грамоту, мастеров, умеющих изготовлять броню и панцири, горных мастеров, знающих методы обработки золотой, серебряной, оловянной и свинцовой руды...»

Список достаточно длинен, но печатники в нем не упоминаются.

Ганс Шлитте добрался до Аугсбурга и явился в заседание рейхстага, когда там присутствовал император Карл V. Оборотистый саксонец вручил императору грамоту и, кроме того, на словах рассказал об обещанных — в случае успеха миссии — царских щедротах. Именем Ивана IV Шлитте обещал Карлу ни больше ни меньше как 74 бочки золота. Предлагался также союз против турок, который Московское государство подкрепляло 30 000 всадников. Шлитте говорил и о желании царя присоединить русскую церковь к католической.

И впоследствии Шлитте не скупился на обещания. Священной Римской империи и германской нации он сулил союз против турок, французам и туркам — против Римской империи и короля испанского... Папе обещал воссоединение церквей под эгидой Ватикана, Кристиана III уверял в симпатиях московитов к лютеранству...

Карл V нашел доводы вескими и 31 января 1548 г. передал Шлитте послание к царю и охранную грамоту, предписывавшую всем властям Римской империи оказывать агенту Москвы содействие в исполнении его миссии. Саксонец намеревался нужных ему специалистов — 123 мастера и направился с ними к границам Московской Руси. Экспедиция разделилась на две группы: одна часть отправилась сушей через Пруссию в Лифляндию, другую Шлитте повел в Любек, чтобы оттуда морем направиться в Ревель (ныне Таллинн). Среди ремесленников упомянут и печатный мастер.

19 июля 1548 г. Ревельский магистрат обратился к любекским коллегам с письмом, в котором просил сделать все возможное, чтобы не пропустить Шлитте и его спутников в Москву. В Любеке саксонца задержали и посадили в тюрьму. Причина нам ясна. Ливонский орден, владевший землями в Прибалтике, и балтийские города, связанные с Любеком торговыми соглашениями,

ниями, опасались, что набранные Шлитте мастера усилят военный потенциал Русского государства.

Тем временем и вторую группу ремесленников, которую возглавляли доктор права Иоганн Цегендер фон Россенк и некий Вольф из Страсбурга, постигла неудача. Их захватили в Вендене (ныне город Цесис в Латвийской ССР) и продержали в тюрьме не менее пяти лет. Цегендера отпустили лишь в июне 1553 г., взяв с него клятву не пытаться пробраться в Россию. Ремесленники остались на службе в Лифляндии. Никто из них в далекую Московию не попал.

Между тем Шлитте, действуя подкупам и посулами, бежал из тюрьмы. Но пока он в ней сидел, ремесленники из его группы разбежались. Император Карл V, узнав о судьбе саксонца, пришел в ярость. Но блестящие годы Карла были уже позади. Император стар и тяжело болен. Священную Римскую империю раздирали междоусобицы.

Оценив политическую обстановку, Шлитте меняет ориентацию. В 1555 г. мы встречаем его в Париже, где он вскоре проникает к королю Генриху II Валуа, которому обещает поддержку Москвы в коалиции Франции, Швеции и Турции.

Шлитте делает и другой ловкий ход. Он объявляет австрийского дворянина Иоганна Штейнберга «московским канцлером» и отправляет его в Рим к папе Юлию III с сенсационным предложением о воссоединении католической и православной церквей под эгидой римского папы. В Ватикане новоявленного канцлера встретили с великим почетом.

Польский посол при папском дворе сообщил об этом своему правительству. Король Сигизмунд-Август забил тревогу — сближение Москвы с Римом не обещало ему, постоянному противнику Русского государства, ничего хорошего. Были срочно снаряжены два посольства: одно из них — в Рим, а другое — в Вену. В грамотах, данных послам, Сигизмунд-Август предупреждал папу и императора о неизменной враждебности Москвы к римской курии. Из многочисленных примеров, приведенных в грамотах, наше внимание привлечет один, в котором рассказывается, что в годы правления Сигизмунда I его подданный, издатель «Священного писания, напечатанного на русском языке», ездил в Москву, но потерпел здесь неудачу. Книги, привезенные им, были публично сожжены.

Сигизмунд I правил с 1506 по 1548 г. В это время в Праге, а позднее в Вильне печатал славянские книги великий белорусский просветитель Франциск Скорина.

В 1963 г. некий Сымон Брага выпустил в Нью-Йорке и Мюнхене книгу «Франциск Скорина в Москве». Отталкиваясь от сообщения в грамоте Сигизмунда-Августа, он посчитал возможным утверждать, что «издателем Священного писания», ездившим в Москву, был Скорина, что ездил он туда не один, а с помощниками-типографами, что он возил в Москву не только книги, но и всю свою типографию с шрифтами и оборудованием. Скорину, по словам Браги, в Москве едва не казнили. Его же шрифты и оборудование впоследствии использовали при создании первой московской типографии.

Для всех этих, мягко говоря, измышлений никаких оснований нет. Шрифты первых московских книг не имеют ничего общего со шрифтами белорусского просветителя. Поездка в Москву действительно состоялась, но ездил не сам

Скорина, а его финансист и покровитель Богдан Онков, виленский купец. На пути в Москву его ограбили. Сохранился список вещей, отнятых у Богдана «на лутцкой дорожке». Типографское оборудование и книги в нем не упоминаются.

Таким образом, мы с полным основанием можем считать, что ни Ганс Богбиндер, ни ремесленники, набранные Гансом Шлитте, ни Богдан Онков учителями наших первопечатников не были.

В богатой и противоречивой литературе о начале русского и славянского книгопечатания кирилловским шрифтом есть и другие упоминания о типографиях, будто бы работавших на территории нашей страны еще в XV — начале XVI в.

«Тайны» Онуфриевского и других монастырей

В 1965 г. во многих газетах была опубликована заметка журналиста Л. Рогачевского «Сюрпризы Мукачевского монастыря». В ней шла речь о находках закарпатского краеведа Ивана Леонтьевича Хоменко, обнаружившего в г. Мукачево (Закарпатская область УССР) «первопечатные, написанные кирилловским алфавитом древнерусские и румынские книги, изданные Швайпольтом Фиолем в Грушевском монастыре».

О славянском первопечатнике Фиоле мы уже рассказывали. Если он работал не только в Кракове, но и в закарпатском Грушевском монастыре, начало книгопечатания в нашей стране можно было бы отодвинуть на конец XV — начало XVI столетия.

В ту пору я работал над книгой «Начало славянского книгопечатания». Легко понять, что заметка Л. Рогачевского сильно взволновала меня. Я готов был тут же отправиться в Мукачево, чтобы на месте познакомиться с находками. Но, подумав, решил предварительно написать И. Л. Хоменко.

«Прошу Вас сообщить,— писал я,— что за книги найдены Вами. Есть ли в них выходные сведения? На каком основании базируются утверждения о Грушевском монастыре? Есть ли в книгах упоминания о Фиоле?»

Ответ меня разочаровал.

«Фраза о грушевских изданиях не точна,— сообщал И. Л. Хоменко.— В своем разговоре с Л. Рогачевским я обмолвился, что в Мукачевском монастыре, по-видимому, должны быть и книги из типографии в Грушевском монастыре, основанной Фиолем (отметим в скобках, что о такой типографии никаких достоверных известий нет.— Е. Н.). Я оговорился, что, по-видимому, писать об этом рано, но скоро этот вопрос разрешится. В этом и была моя оплошность, из-за которой я попал в глупую сенсацию».

На этом можно было бы кончить, если бы известие о находке не перекочевало бы из газет на страницы научной периодики. О книгах, напечатанных Швайпольтом Фиолем в Грушевском монастыре, в 1966 г. в разделе «Хроника» сообщил вполне серьезный журнал «История СССР».

Печатное слово обладает любопытной особенностью. Своим авторитетом оно делает достоверными те факты, о которых сообщает. Мы верим книге, журналу, газете — и это хорошо. Читательское доверие обязывает авторов, да и редакторов десятки раз проверять и перепроверять факты, прежде чем делать их достоянием общественности.

Писатель и ученый должны чувствовать ответственность перед современниками, а еще больше — перед грядущими поколениями!

Мы часто говорим о праве писателя на художественный вымысел. Но вымысел должен оставаться в границах исторической достоверности.

В 1973 г. издательство «Советская Россия» выпустило в свет «Исторические повести» Веры Жаковой, умершей в 1936 г. 22 лет от роду. Секрет завидной долговечности повестей, рассказов и очерков Жаковой — в свежести литературного мышления и незаурядности таланта этой «премудрой, уважаемой и нелепой девушки в очках», как называл ее Максим Горький. Есть в книге рассказ «О черном человеке Федоре Коне», который впервые опубликован в горьковском альманахе «Год семнадцатый» в 1934 г. Жакова приводит челобитную Федора Коня царю Ивану Грозному, письмо мастера Ивана Фрязина и другие «исторические документы», сочиненные ею самой. Имитировать документацию XVI в. Жакова умела блестяще. «Государев мастер» Федор Конь, построивший Белый город Москвы и Смоленский кремль, действительно существовал. Но подробности его жизни — поездка в Германию и Италию, обвинение в ереси, ссылка в Соловки — все это придумано Жаковой. Отталкиваясь от ее биографических построений, поэт Дмитрий Кедрин написал превосходную поэму «Конь».

Во всем этом греха не было. Хуже, когда сочиненные Жаковой «документы» стали цитировать историки архитектуры — доктора и кандидаты наук. «Подвели» их талант Веры Жаковой и авторитет печатного слова.

В конце 1970-х гг. архитектор Юрий Шумей опубликовал в львовской газете статью «Тайна Онуфриевского монастыря». Статья была перепечатана в Горьком под детективным названием «Преступление во Львове». Шумей утверждал, что первопечатника Ивана Федорова... отравили иезуиты. В подтверждение цитировались письма иезуита Петра Скарги и католического епископа Владислава Суликовского. Был приведен и протокол секретного совещания, созванного папским нунцием Антонио Поссевино.

Нунций, пишет Шумей, «дал на этом совещании указание применить к Ивану Федорову экстерминацию», т. е. физически уничтожить его. Антонио распорядился сделать так, чтобы от Ивана Федорова не осталось «ни следов, ни памяти».

Факты, даты, цитаты...

Все это впечатляет неискушенного читателя, который не знает, что «исторические документы» придуманы.

В 1970 г. переслали мне из «Литературной газеты» письмо из Днепропетровска. Автор его прочитал в одном журнале сообщение о том, что «первопечатником был вовсе не Иван Федоров, а другие люди — Степан Дропан, печатавший книги в 1460 году, а вторым после него Святополк Фиола, печатавший в 1490 году». И тут же сделал категорический вывод: «Ивана Федорова возвели в первопечатники буржуазные русские историки без основания». А затем внес предложение — незамедлительно изменить надпись на памятнике Ивану Федорову в Москве — указать, что русский просветитель «возобновил печатание книг, начатое Степаном Дропаном и Святополком Фиолой».

Кто же они такие, эти люди, о которых пишет придирчивый читатель из Днепропетровска?

Начнем со Степана Дропана.

В далеком 1791 г. между монахами Онуфриевского монастыря и Львовским Ставропигийским братством возникла ссора. Монахи предъявили братству ряд претензий — на земли в Билогощи, на крупные денежные суммы, а заодно и на типографию, которую братство в свое время выкупило у заимодавцев Ивана Федорова. Типографию, утверждали монахи, подарил монастырю еще в 1460 г. львовский горожанин Степан Дропан, причем дар был якобы подтвержден королем Польши Казимиром Ягеллончиком в 1469 г.

Степан Дропан — личность реальная. Привилегия 1460 г., данная Дропаном Онуфриевскому монастырю, упоминается в монастырских хрониках. Старые летописатели говорят о том, что Дропан пожертвовал обители земли и денежные суммы, но ни словом не упоминают о типографии. Сама привилегия была потеряна еще в XVI в., мы можем судить о ней лишь по сведениям в монастырских описях.

Все это не помешало одному львовскому археографу, нашедшему в Центральном государственном историческом архиве СССР жалобу онуфриевских монахов от 23 июля 1791 г., утверждать, что украинское книгопечатание началось в 1460 г.

В письме читателя «Литературной газеты» названо еще одно имя — Святополк Фиола. Это не кто иной, как типограф Швайпольт Фиоль, о котором мы рассказывали во второй главе нашей книги. В 1967 г. в Лодзи в периодическом издании «Русский голос» была опубликована статья, автор которой Пантелеймон Юрьев переименовал краковского печатника в Святополка Фиолу и объявил, что он был «по своему происхождению лемок, потомок белохорватских русинов, вероисповедания восточного». Утверждение совершенно голословное. Еще в 20-х гг. текущего столетия польский историк Ян Птасьник нашел в краковских архивах и опубликовал завешание Фиоля, из которого следовало, что типограф был по национальности немцем и происходил из франконского города Нойштадта на Айше.

Казалось бы, вопрос ясен. Но вот и киевская «Литературная Украина» публикует статью П. Юрьева «Славянский первопечатник», в которой этот автор идет уже на прямую фальсификацию — печатает совершенно фантастический портрет типографа и иллюстрацию, изображающую «друкарню Святополка Фиолы». Последняя при близком рассмотрении оказалась фрагментом известной гравюры немецкого мастера Иоста Аммана, жившего во второй половине XVI в., в которую Юрьев для пушей достоверности вмонтировал изображение герба города Кракова.

Не нужно вносить изменения ни в энциклопедию, ни в надпись на памятнике Ивану Федорову! Не нужно переименовывать институты и корабли, носящие славное имя первопечатника! Великий человек, заложивший постоянное книгопечатание в России, Белоруссии и на Украине, достоин того, чтобы мы вечно чтили его память!

Что же до придумщиков и фальсификаторов, то лучшее оружие против них — объективное и точное знание.

Глава девятая, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ УБРАНСТВЕ ИЗДАНИЙ ИВАНА ФЕДОРОВА

Пиршество глаза и ума

«Книга — пиршество глаза и ума,— говорил советский книговед Алексей Алексеевич Сидоров.— И поскольку ко всему внутреннему человеку приходит она только через эти ворота — изучение ее, как объекта зрительного восприятия с точки зрения проблем ее видимой формы, является основной нашей — забытой — обязанностью, по отношению к лучшей и бескорыстнейшей из подруг человечества».

Пиршество глаза и ума! Это определение как нельзя лучше подходит к книгам, напечатанным Иваном Федоровым.

Все в этих книгах прекрасно и гармонично. Превосходно читаемый шрифт создан рукой уверенного в себе каллиграфа. Замысловатое узорочье декоративной киноварной вязи членил книги на разделы. Иллюстраций немного, но они весомы и значительны. Нарядные заставки, гравированные на дереве, придают книге праздничность. Пропорции текстовой полосы и обрамляющих ее полей близки к образцам, которые в типографском искусстве считаются классическими.

Книги Ивана Федорова издавна изучают, говоря словами А. А. Сидорова, как «произведение волнующего искусства».

В 1974 г. во Львове был издан альбом «Художественное наследие Ивана Федорова», составленный известным украинским искусствоведом Акимом Прохоровичем Запаско. На страницах альбома воспроизведены — в натуральную величину — 388 элементов художественного убранства из книг первого печатника.

Не один год работал А. П. Запаско, чтобы установить, что в *Острожской Библии* 1581 г. 3 240 000 печатных знаков, 81 заставка, 68 концовок, 78 строк вязи, 1384 инициала. Более того, он указал, на каком из 628 листов книги воспроизведен тот или иной инициал, выявив попутно мельчайшие варианты оттисков.

С такой же тщательностью изучены им шрифты и гравюры и других изданий Ивана Федорова.

Познакомимся с ксилографией

Иллюстрации и орнаментика в книгах Ивана Федорова воспроизведены с помощью способа, который называется ксилографией. Этот способ господствовал в книге на протяжении примерно полутора столетий после изобретения Иоганна Гутенберга. Затем его сменили другие методы.

«Ксилон» по-гречески — это «срубленное дерево», «графо» — «пишу», «рисую». В буквальном переводе слово «ксилография» означает рисунок, сделанный с помощью дерева, деревянной печатной формы.

Чтобы изготовить такую форму, брали обрубок плотного грушевого или орехового дерева и распиливали его на доски вдоль — по направлению волокон. Доски выстругивали и тщательно выравнивали.

Если покрыть такую доску краской, а затем прижать к ней лист бумаги, краска перейдет на бумагу сплошным пятном. Чтобы передать таким способом какой-нибудь рисунок, нужно удалить те участки доски, которые не должны давать оттиска.

Гравер начинает с того, что покрывает поверхность доски белилами или слоем мела. По такому слою легко рисовать мягким карандашом. Когда рисунок готов, нужно обрезать каждую его линию справа и слева так, чтобы она выступала над поверхностью. Удаляют древесину и в промежутках между линиями. Делают это с помощью специальных острых ножей.

Теперь остается намазать или накатать форму краской, прижать к ней бумагу и получить оттиск. С ксилографической доски можно получить достаточно большое количество оттисков — порядка 15 тысяч.

Если толщину доски подобрать так, чтобы она соответствовала высоте типографских литер, ксилографическую форму и типографский набор можно собрать вместе — «сверстать», как говорят полиграфисты, — и одновременно печатать текст и иллюстрации. Впервые это стал делать в 1460 г. ученик Гутенберга Альбрехт Пфистер.

Техника ксилографии с годами совершенствовалась. Замечательные мастера, — такие, как, например, Альбрехт Дюрер, научились передавать этим способом самые сложные изображения.

Иван Федоров был хорошо знаком с достижениями западноевропейской гравюры; ниже мы убедимся в этом.

«Ощущение, когда инструмент бежит по доске, — рассказывала советская художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева, — совсем особое ощущение. И волнующее, и сладкое. Я дожила до старости, и всегда, когда начинаю резать дерево, меня охватывает непонятное волнение и радость, главное — радость!»

Нечто подобное ощущал и Иван Федоров.

Приключения рамки

Раскроем *Апостол* 1564 г. Первые семь листов занимают всевозможные предисловия и оглавления. Переворачиваем восьмой лист и перед нами гравированный на дереве фронтиспис, предпосланный основному тексту книги.

Гравюра эта — портрет автора *Апостола* евангелиста Луки. Первая

Фронтиспис Апостола 1564 г.
Гравюра Эдгара Шёна «Иисус Навин». 1524 г. ►

в истории нашего искусства фигурная гравюра, композиционным центром которой служит изображение человека.

Лука сидит на низкой скамеечке с массивными ножками. Голова апостола наклонена вперед, фигура сгорблена. На коленях у него книга, Лука поддерживает ее руками. Босые ноги покоятся на подушечке. Рядом подставка-горка для письма, на которой лежит раскрытый свиток. Апостол только что кончил писать; на свитке можно прочесть слова: «Первое бе слово». На горке стоят также чернильница с гусиным пером и песочница. Песком припорошивали свеженаписанный текст, чтобы он не смазывался.

Изображение заключено в рамку. Это триумфальная арка с полуциркульным сводом и горизонтальным перекрытием. Свод поддерживают колонны с пышными капителями и обильно декорированным цоколем.

О фронтисписе *Апостола* 1564 г. писали многие: знаменитый русский критик В. В. Стасов, изучатели старой гравюры Д. А. Ровинский, В. Е. Румянцев... Особенно тщательно исследовал эту гравюру Алексей Иванович Некрасов (1885—1950). Художественное убранство рукописей и древних печатных книг заинтересовало его еще в ту пору, когда он учился в Московском университете и посещал семинарий приват-доцента Александра Сергеевича Орлова. Впоследствии приват-доцент стал академиком. В 1935 г. под его редакцией был издан сборник «Иван Федоров первопечатник». Сам Александр Сергеевич опубликовал на его страницах не только статью «К вопросу о начале печатания в Москве», но и «Воспоминания о диспуте проф. А. И. Некрасова». О них-то и пойдет у нас речь.

Орлов вспомнил о событии, случившемся 20 апреля 1921 г. В старом актовом зале Московского университета Алексей Иванович Некрасов защищал диссертацию «Ксилографический орнамент первопечатных московских книг». Александр Сергеевич присутствовал на защите и вечером, вернувшись домой, составил для себя сжатый конспект дискуссии, как обычно делал во время различных конференций и научных сессий.

Через 15 лет Орлов посчитал целесообразным опубликовать этот конспект. Он предпослал публикации краткое вступление, в нем просил А. И. Некрасова извинить ему возможные неточности, которые неминуемо окажутся «в этом конспекте данных, усвоенных лишь по слуху»...

Искусствоведы, собравшиеся на защиту, с интересом поглядывали на горку старых книг, лежавших перед диссертантом. Алексей Иванович раскрыл одну из них и показал присутствующим гравюру, многим хорошо знакомую. Это был фронтиспис *Апостола* 1564 г.

«Сравните изображение с этой гравюрой»,— сказал А. И. Некрасов и раскрыл другую книгу.

В гравюрах на первый взгляд ничего общего не было. На второй из них был изображен рыцарь в тяжелых доспехах, сидящий на камне.

«Обратите внимание на рамку»,— подсказал Алексей Иванович.

Рамки действительно были очень похожи. И тут и там триумфальная арка с полуциркульным сводом и горизонтальным перекрытием, на котором стоит ваза с цветами. Те же пышные капители бочкообразных колонн. Тот же орнамент на обильно декорированном цоколе.

Но были и различия. На гравюре с рыцарем над капителями были изображены шары, на которых сидели голенькие ангелочки, поддерживающие

вьющуюся растительную гирлянду. На подножии рамки обнаженная сирена держала в руках два рога изобилия. Эти традиционные мотивы западноевропейского искусства в московской богослужебной книге были, конечно, неуместны. Иван Федоров «выбросил» ангелочков, а попутно — гирлянду с шарами. Место по бокам арки он занял привычными для русского иконописания цилиндрическими отверстиями — «окнами». Поясное изображение обнаженной сирены русский мастер заменил пучком трав, перехваченных ремешком. В целом же композиция была сохранена прежней. Иван Федоров, работая над фронтисписом, вне всякого сомнения, держал перед собой книгу, которую сейчас демонстрировал аудитории А. И. Некрасов.

«Гравюра эта, — сказал Алексей Иванович, — называется «Иисус Навин». Исполнил ее немецкий гравер Эргард Шён, родившийся около 1491 и умерший в 1542 г. Он был учеником великого Дюрера. Гравюра помещена в Ветхом завете, изданном в 1524 г. в Нюрнберге».

Впоследствии Алексей Алексеевич Сидоров установил, что Иван Федоров мог заимствовать композицию и из других книг, ибо гравюра Шёна воспроизводилась неоднократно. Например, в чешской *Библии* 1540 г.

Рамка «апостола Луки» очень нравилась первопечатнику. Он выпилил из гравюры изображение евангелиста и неоднократно использовал рамку в других книгах. В львовском *Апостоле* 1574 г. он поместил в ней новое изображение Луки, в *Острожской Библии* 1581 г. — текст титульного листа.

Понравилась рамка и другим типографам. Книговед из Вильнюса Лев Иванович Владимиров еще в 40-х гг. нашего столетия установил, что рамку скопировали и широко использовали литовские типографы. Один из них — Ян Карцан поместил в рамку титул «Постиллы» Григория с Жарновца, выпущенной двумя изданиями в 1597 и 1605 гг. Другой виленский типограф — Якуб Моркунас использовал тот же рисунок для «Постиллы Литовской», напечатанной в 1600 г.

Виленские типографы Мамоници целиком скопировали фронтиспис московского *Апостола* для своих изданий той же книги, которые они выпускали в 80—90-х гг. XVI столетия. Виленские *Апостолы* так похожи на московский, что во многих библиотеках их путают. Различить их можно по характерной форме нимба — сияния вокруг головы евангелиста Луки. В московском издании нимб расходится лучиками, а в виленском — выполнен в виде двух concentричных окружностей.

Едва ли не одновременно с А. И. Некрасовым прототип рамки фронтисписа *Апостола* 1564 г. обнаружил украинский искусствовед М. О. Макаренко. Он рассказал об этом в статье «Орнаментация украинской книги XVI—XVII вв.», опубликованной в 1926 г. На работы Некрасова, напечатанные за два года пред тем, Макаренко не сослался. Московский профессор обиделся. Между ним и Макаренко произошел неприятный обмен письмами, которые были переданы гласности киевским журналом «Библиологические известия».

Тонкое дело — научный и литературный приоритет. Вроде бы и не из-за чего, а серьезные люди ломают копья. По прошествии многих лет эти споры кажутся смешными. Но вспомним, сколько таких же недоразумений и разномолвок было в нашей собственной жизни...

Были ли прототипы?

Иван Федоров скопировал для фронтисписа своей книги рамку из немецкого или чешского издания первой половины XVI в. Скопировал, правда, не дословно; многое исправил и переработал в соответствии с московскими традициями. Но сам факт от этого не меняется.

Иному читателю покажется предосудительным свободное использование чужих тем, образов и мотивов. Но понятия XVI в. о плагиате сильно отличались от наших. Не только заимствование, но и дословное копирование в ту пору было делом обычным.

Сам Дюрер, великий Альбрехт Дюрер, брал у предшественников сюжеты и основы композиции своих гравюр.

Жемчужина художественного убранства *Апостола* 1564 г. — это заставки. Их в книге 48, но некоторые повторяются. Исполнены заставки в технике ксилографии. Чтобы воспроизвести их, Иван Федоров изготовил 20 досок различных рисунков.

Говоря об украшениях *Апостола*, Алексей Иванович Некрасов в одной из своих статей утверждал: «Их описывать невозможно, а следует просто насладиться непосредственным зрелищем».

Все заставки — удлинённые прямоугольники с узорным навершием в центре и боковыми украшениями-акротериями. На черном поле — праздник буйной, причудливо изгибающейся листвы. Реалистичны и убедительны сучковатые ветви. Что-то знакомое — маковки, цветы гвоздики, шишки — проглядывают в завершающих ветви плодах. Но листва откровенно фантастична. Дать ей четкую ботаническую привязку просто невозможно.

Заставки — элемент оформления, характерный для древнерусской книги. На Западе они встречаются редко. Тем не менее искусствоведы искали прототипы заставок Ивана Федорова и в итальянских архитектурных барельефах, и в орнаментации византийских шелков, и в готическом обрамлении западноевропейских рукописей.

Сотрудник Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Николай Федорович Гарелин (1883—1928), просматривая в начале 20-х гг. альбом с гравюрами из старых немецких книг, обратил внимание на инициалы, в которых определенно выделялись отдельные элементы заставок *Апостола* — такие же цветки и шишки. Своими наблюдениями он поделился с Николаем Петровичем Киселевым, лучшим у нас знатоком западноевропейской книги. Ему-то и выпало раскрыть секрет заставок.

На первых порах разыскания завели Николая Петровича в тупик. Не в том смысле, что он не смог найти похожие рисунки. Совсем наоборот. Он нашел их слишком много...

Гравированные инициалы с отдельными растительными элементами, впоследствии использованными Иваном Федоровым, Н. П. Киселев обнаружил в изданиях нюрнбергских типографов Петера Вагнера и Конрада Ценингера, работавших в 80—90-х гг. XV столетия — прославленного века инкунабулов. А затем — в книгах лейпцигского печатника Мартина Ландсберга и магдебургского Морица Брандиса. В испанском городе Бургосе такие инициалы использовал Фридрих Биль, а в Лиссабоне — Валентин Фернандес.

Надо сказать, что ни одного из перечисленных изданий Николай Петрович

не видел: все они очень редки и в московских библиотеках их не было. Киселев пользовался альбомами гравюр и старопечатной орнаментики, которые во множестве издавались в первые десятилетия XX в.

Результаты поисков были столь обильны и разнообразны, что Киселев не решился делать из них какие-либо выводы. О поисках рассказала впервые Антонина Сергеевна Зернова на страницах монографии «Начало книгопечатания в Москве и на Украине», вышедшей в 1947 г.

«Если Иван Федоров видел одно из этих изданий и с него заимствовал рисунок своего орнамента,— писала она,— то скорее это было какое-нибудь немецкое, лейпцигское или магдебургское, чем испанское. Отсюда он мог взять элементы своих заставок: шишки, перевитые конусы и пр., а главное, черный фон».

У Алексея Ивановича Некрасова было иное мнение. В статье «Первопечатная русская гравюра», опубликованной еще в 1935 г. в сборнике «Иван Федоров первопечатник», он утверждал, что истоки орнаментики *Апостола* 1564 г. следует искать в русских рукописях. Он даже назвал, в каких: в *Евангелии* 1507 г., выполненном в Москве Феодосием, сыном Дионисия, в *Евангелии* 1531 г. мастера Исаака Бирева и в так называемом *Филаретовском Евангелии* 1537 г.

Что же касается растительных мотивов изданий Ивана Федорова, то, по мнению А. И. Некрасова, они типичны для «итальянизирующих орнаменталистов вроде Израэля ван Макенема».

Читателю нужно запомнить это имя.

В Историческом музее

Марфа Вячеславовна Щепкина, заведующая Отделом рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея, встретила меня несласково. Она придирчиво осмотрела меня с ног до головы, тщательно проверила официальные отношения, которые я принес с собой. Затем, когда я начал смотреть рукописи, несколько раз подходила и делала замечания...

На двух длинных столах, обитых клеенкой, стояли складные пюпитры. Перелистывать фолианты прямо на столе не разрешалось. Нельзя было и класть на стол рукописи, ожидавшие своей очереди. Они должны были стоять корешками вперед, как на полках.

«Не забывайте, что рукописи эти будут изучать и через двести и через тысячу лет!» — говорила Марфа Вячеславовна.

Нужно, однако, пояснить, зачем я пришел в Исторический музей.

В 1958 г., когда отмечалось 375-летие со дня смерти Ивана Федорова, Отделение исторических наук Академии наук СССР выпустило сборник «У истоков русского книгопечатания»; мы говорили о нем в связи со статьей академика М. Н. Тихомирова.

Самой интересной в сборнике для меня оказалась работа старейшей сотрудницы Исторического музея Елены Владимировны Зацепиной с осторожным «академическим» названием — «К вопросу о происхождении старопечатного орнамента».

Е. В. Зацепина подробно описала здесь 10 рукописей конца XV— первой

половины XVI столетия. Среди них были и те, о которых упоминал Алексей Иванович Некрасов. В художественном убранстве всех этих рукописей использованы мотивы западноевропейской орнаментики. Русские мастера смело вводили эти мотивы — буйную, прихотливо изломанную листву, бутоны, остроконечные травы — в ткань узорных заставок, элементы которых восходили еще к византийской книге.

На рубеже двух столетий происходила смена стилей художественного убранства древнерусских рукописей, и Е. В. Зацепина хорошо показала это.

Одной из рукописей было *Евангелие* 20-х гг. XVI в., которое издавна хранилось в так называемом Музейском собрании Государственного Исторического музея под № 3443. Чтобы посмотреть рукопись, я и пришел в музей. Черно-белые репродукции, приложенные к статье Е. В. Зацепиной, не давали представления о цветовом решении орнаментики.

Толстый тяжелый том лежал на попире. Деревянные доски переплета были «одеты» синей тканью-камкой и украшены серебряными жуковинами. Я отстегнул серебряные застежки и открыл рукопись.

Вот уж действительно пиршество красок!

Казалось, что рукопись никто до тебя не открывал. И что краски, яркие и свежие, были наложены лишь вчера.

Старые мастера владели секретом бессмертия. Не личного, нет, ибо их собственные имена, чаще всего не названные на страницах рукописей, забылись. Но дело их рук поистине вечно!

В *Евангелии* Музейского собрания есть две заставки того стиля, который палеографы называют старопечатным. Одна из них почти без всяких изменений была воспроизведена в технике гравюры на дереве Иваном Федоровым в *Апостоле* 1564 г., а вторая — его учеником Андроником Тимофеевым Невежей в *Триоди постной* 1589 г.

В рукописи черно-белая сердцевина заставки заключена в узорные рамки, прописанные разноцветными красками. В печатной книге этого, конечно, не было. Но рисунок сердцевины, «клейма», повторялся почти без изменений.

Сборник «У истоков русского книгопечатания» со статьей Е. В. Зацепиной увидел свет в 1959 г. Год спустя появился 22-й выпуск «Записок Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, полностью посвященный художественному убранству и переплетам рукописей из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Сотрудница отдела Татьяна Борисовна Ухова систематизировала миниатюры, заставки и инициалы рукописных книг, составила превосходный альбом типовых схем заставок и их репродукций.

Оказалось, что многие заставки, воспроизведенные в старопечатных книгах, многократно повторялись в рукописях первой половины XVI в. Ту заставку, которую мы видели в *Евангелии* Музейского собрания, Иван Федоров мог скопировать не из этой книги, а, допустим, из *Евангелия* 1531 г. или *Апостола* 1540-х гг., которые издавна находились в библиотеке Троице-Сергиева монастыря. Особенно много заставок, которые могли послужить прототипом для первопечатника, в последней рукописи.

Работы Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой внесли ясность в спорный вопрос «Где впервые появилась старопечатная орнаментика — в рукописях или в печатных книгах?», доказали, что заставки Ивана Федорова и других перво-

печатников воспроизводили орнаментику русских рукописных книг первой половины XVI столетия.

Открытым оставался вопрос о том, откуда эти мотивы пришли в рукописную книжность.

Музицирующие ангелы

В поисках истоков старопечатной орнаментики я несколько месяцев подряд, изо дня в день, просиживал вечера в Историческом музее или в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Смотрел рукописи, описанные Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой, а затем и книги из других фондов.

Одной из рукописей, о которой рассказала Зацепина, была «Книга пророков», которая когда-то принадлежала Троице-Сергиевому монастырю. О ней, впрочем, писали и раньше. Искусствоведы изучали ее замечательные миниатюры, изображавшие библейских пророков. Утверждали, что они принадлежат кисти прославленного художника конца XV в. Дионисия.

На обороте первого листа — надпись: «В лето 6998 декабря 25 написаны сия божественны пророческии книги в преименитом и славном граде Москве...» Далее текст тщательно вытерт. (6998 г. от «сотворения мира» — это 1489 г. по новому летосчислению.)

Впоследствии искусствоведы В. А. Кучкин и Г. В. Попов, используя методы криминалистической экспертизы, восстановили стертую часть записи и узнали имя человека, для которого была сделана рукопись. Им оказался дьяк Василий Мамырев, один из приближенных великого князя Ивана III. Был он человеком книжным. Именно к нему заморские гости привезли рукопись «Хождения за три моря» прославленного землепроходца Афанасия Никитина, совершившего путешествие в далекую Индию.

Старопечатных заставок в рукописи нет. Однако Е. В. Зацепина нашла в некоторых украшениях элементы западного влияния, «фрязи». Такова заставка, на которой изображены ангелы в коричневых рясах. Один ангел играет на лютне, другой — на виоле. Пространство между ними художник заполнил буйными цветами и травами, нарисовал также большую синюю птицу с распластанными крыльями.

Говоря о музицирующих ангелах, искусствовед А. Н. Свирин, автор вышедшей в 1950 г. книги «Древнерусская миниатюра», отмечал: «Их лица не имеют ничего общего с изображениями ангелов в русской иконографии. Коричневые одежды, головные повязки, форма и трактовка крыльев напоминают изображения западного книжного искусства».

Примерно то же утверждала Е. В. Зацепина: «Для Древней Руси изображения эти прямо недопустимы с точки зрения православия, они явно указывают на западный образец».

Итак, западный образец. Но какой? Когда и какими судьбами он попал на Русь?

Может быть, и оформлял «Книги пророков» какой-нибудь заезжий иностранец? Я сразу отбросил эту мысль. Никогда бы не позволили иностранцу вложить свой труд в создание богословской книги для православной церкви!

Где же искать прототип заставки с музицирующими ангелами? В книгах западноевропейского происхождения? Вполне возможно. Ведь книгопечатание к тому времени существовало уже около 50 лет. Первые печатные книги попадали и в далекую Московию.

Есть замечательный справочник «Иллюстрации ранних печатных изданий». Составил его немецкий искусствовед Альберт Шрамм, который на протяжении многих десятилетий тщательно изучал инкунабулы — печатные книги XV в. Свой труд Шрамм, к сожалению, не окончил. Но и то, что он успел сделать — 23 тома, изданных Германским музеем книги и шрифта в 1920—1943 гг., — колоссальное подспорье для исследователя. Каждый том посвящен какой-либо одной типографии, и в нем воспроизведены почти все гравюры из книг, выпущенных этой типографией.

В читальном зале Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина я добросовестно просмотрел все 23 тома. Ушло на это около недели. Но прототип заставки с музицирующими ангелами так и не нашел.

А что, если поискать этот сюжет в западноевропейской гравюре? Листы, оттиснутые с гравированных деревянных досок или с медных пластин, были широко распространены в ту пору. Изображали они сцены из Библии, невиданных заморских зверей и птиц, а иногда и бытовые картинки. Очень рано — возможно, в начале XV столетия — таким образом стали печатать игральные карты.

В Библиотеке имени В. И. Ленина есть книга немецкого искусствоведа Макса Гайсберга «Начало немецкой гравюры на меди и мастер «ES». На одной из репродукций — а их в книге было много — я увидел фрагмент гравюры с оборванным краем. Первое, что бросилось в глаза, — изображение Мадонны с молитвенно сложенными руками. Я хотел уже перевернуть страницу, но тут заметил по углам листа хорошо знакомых мне музицирующих ангелов: одного — с лютней, другого — с виолой. А затем и птицу. Правда, крылья у нее были не распластаны, а сложены.

Ни Мадонны, ни такой птицы на заставке из «Книги пророков» не было. Но музицирующие ангелы, бесспорно, те же самые. Мастер, оформлявший древнерусскую рукопись, с завидной точностью перенес на свою заставку изображения ангелов и орнаментику с гравюры немецкого художника второй половины XV в. Гравюра сохранилась в единственном экземпляре, к тому же с оторванным краем. Фрагмент находится в Дрезденской картинной галерее.

У меня не было никаких сомнений, что один из оттисков гравюры в 80-х гг. XV в. попал в Москву и здесь был использован художником рукописной книги.

Имя гравера, который выполнил «Фрагмент с Мадонной», неизвестно. Искусствоведы атрибутировали ему несколько гравюр и по названию одной из них стали именовать его «Мастером Берлинских страстей». Работал он в нидерландском городе Бохольте примерно в 50—60-х гг. XV столетия.

По технике гравирования к нему очень близок другой мастер, также работавший в Бохольте, но несколько позднее. Некоторые искусствоведы считают его сыном и преемником «Мастера Берлинских страстей». Известно около 600 листов, подписанных его монограммой, а иногда и полным именем.

Звали гравера Израэль ван Мекенем.

Где-то я слышал это имя?! Ах, да. Алексей Иванович Некрасов считал, что растительные мотивы орнаментики Ивана Федорова типичны «для итальянизирующих орнаменталистов вроде Израэля ван Мекенема».

Буквицы Израэля ван Мекенема

Есть прекрасное издание, подобное альбомам Альберта Шрамма, но посвященное листовой гравюре на меди. Называется оно «История и критический каталог немецкой, нидерландской и французской гравюры на меди XV столетия». Составил его австрийский искусствовед Макс Лерз. Первый том труда вышел еще в 1908 г. Каталог гравюр Израэля ван Мекенема и воспроизведение некоторых из них я нашел в 9-м томе, изданном в 1934 г.

«Игра в карты», «Танец влюбленных», «Дуэт» — на листах ван Мекенема изображена повседневная жизнь небольшого нидерландского городка. Гравер был превосходным орнаменталистом. Он делал рисунки для ваз, архитектурные украшения... А вот и алфавиты — большие декоративные буквицы, заполненные цветами и травами.

Да ведь некоторые из этих буквиц я уже видел в книге А. С. Зерновой «Начало книгопечатания в Москве и на Украине»! Для Антонины Сергеевны буквицы отыскал Н. П. Киселев; они взяты из книги «Обозрение тела, души, чести и блага», напечатанной в Нюрнберге в 1489 г.

Так вот где исток тех многочисленных инициалов, которые Н. П. Киселев обнаружил в книгах немецких, испанских, португальских типографов!

Серия гравюр Израэля ван Мекенема называлась «Большой прописной алфавит». Состояла она из 6 листов, на которых было изображено 24 знака. По стволам — штабам — литер гравер пустил вьюнок из широколопастных листьев растения, которое искусствоведы называют акантом. Мотивы акантовой листвы очень популярны в готической орнаментации западноевропейских рукописных книг XIV—XV вв. В промежутках между штабами ван Мекенем поместил причудливые шишки, цветки, бутоны, маковые головки.

Книгопечатникам понравился алфавит Мекенема. В самых различных уголках Европы — в Нюрнберге, Антверпене, Лиссабоне, Мадриде — типографы изготовляли ксилографические копии буквиц и украшали ими свои книги.

В конце XV в. кто-то из русских, ездивших в германские земли, а может быть, какой-нибудь зарубежный путешественник привез в Москву листы первых нидерландских и немецких гравюров по металлу. Среди листов была гравюра с Мадонной и музицирующими ангелами. Был и «Большой прописной алфавит» Израэля ван Мекенема.

Листы ван Мекенема своеобразно использовали в Москве. Основным элементом художественного убранства западной книги был инициал. Русские мастера, напротив, больше внимания уделяли заставкам. Они ввели орнаментику инициалов ван Мекенема в заставку, используя буквицу в качестве своеобразного круглого или прямоугольного клейма.

В буквицах нидерландского гравера мне удалось отыскать прототипы почти всех заставок из рукописных книг, которые были описаны Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой. А значит — и заставок Ивана Федорова, ибо многие из них копировали рукописные.

Буквицы из «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема.

О своей находке я решил рассказать Николаю Петровичу Киселеву, с которым недавно познакомился. Ведь Киселев еще в 20-х гг. разыскал ксилографические копии инициалов Израэля ван Мекенема.

Раз в месяц я встречался с Николаем Петровичем на секции книги Московского Дома ученых, куда только-только начинал ходить. В тот вечер мы сидели под картиной фламандского художника Франса Снайдерса, по которой в живописном беспорядке разгуливали и летали всевозможные птицы.

«Я знаю об инициалах ван Мекенема,— улыбнулся Николай Петрович.— Более того, написал статью о происхождении московского старопечатного орнамента. Она должна быть опубликована в сборнике, который готовится к печати издательством «Советская Россия». Да и в Доме ученых я говорил об этом».

Я сказал Киселеву, что тоже написал статью и, видимо, примерно о том же самом.

«Ну что же,— проговорил Николай Петрович.— Одно другому не мешает. Ведь мы не знали о работах друг друга. Да и статьи, наверняка, у нас разные».

Я узнал, что доклад свой Н. П. Киселев сделал в Московском Доме ученых еще в декабре 1955 г. Я в ту пору занимался историей полиграфической техники и не думал, что когда-нибудь буду идти по следам первопечатника Ивана Федорова.

21-й выпуск «Трудов...» Научно-исследовательского института полиграфического машиностроения с моей статьей вышел в свет в 1962 г.

Я рассказал здесь о заставке с музицирующими ангелами, о буквицах Израэля ван Мекенема и о многом другом, о чем речь впереди. Статью я снабдил примечанием, утверждавшим приоритет Николая Петровича.

Заставка из книги Ивана Федорова.

Судьба работы Н. П. Киселева была более трудной. Сборник с его статьей, полностью подготовленный к печати, так и не вышел в свет. Издательство рассыпало набор, почему-то решившись отказаться от издания. Статья «Происхождение московского старопечатного орнамента» была опубликована в сборнике «Книга. Исследования и материалы» лишь в 1965 г., уже после смерти Николая Петровича, скончавшегося 17 апреля 1965 г., на 81-м году жизни.

Оттиск моей работы — она называлась «Орнаментика первых московских печатных книг» — я все же успел послать Н. П. Киселеву. Татьяна Ниловна Каменева, хранитель славянских старопечатных книг Ленинской библиотеки, встретив меня в читальном зале Отдела редких книг, попеняла на то, что я опубликовал сведения об алфавите ван Мекенема до Киселева. Я почувствовал себя неудобно и написал Николаю Петровичу об этом.

Киселев был обязательным человеком. Несколько дней спустя я держал в руках его ответ. В письме, датированном 24 декабря 1962 г., Николай Петрович писал: «Я не считаю, что воспроизведением инициалов ван Мекенема Вы совершили нечто некорректное по отношению ко мне... Материалы печатные, общеизвестные имеет право обрабатывать каждый, и нет ничего ненормального в том, что ими займются одновременно два исследователя. Ведь те же наблюдения мог бы опубликовать какой-нибудь зарубежный славист, не подозревающий ни о Ваших, ни о моих работах, которые, кстати сказать, имеют мало общего. Другое дело, если бы кто-то использовал текст чужой исследовательской работы до ее выхода...»

Бывает, что и теперь мне приходится слушать споры о приоритете. Споры об «открытиях», которые и назвать-то этим словом неудобно. В этих случаях

я всегда вспоминаю большого ученого и замечательного человека Николая Петровича Киселева, который прежде всего думал о научной истине, а затем уже о всем привходящем и — теперь это для меня очевидно — быстротечном.

«Когда вспоминаешь о нем,— писал о Киселеве крупнейший московский библиофил, профессор Алексей Иванович Маркушевич (1908—1979),— о его неутомимой деятельности, вновь перечитываешь его многочисленные, но удивительно наполненные, проникновенные работы, то хочется печатать его скромные звания — Библиолог, Библиотекарь, Библиограф, Библиофил — с самой большой буквы, какая только найдется в типографской кассе!»

Первая русская гравюра

Изучателям древнерусского рукописания хорошо знакома коллекция графа Алексея Сергеевича Уварова, вобравшая в себя ряд первоклассных собраний, и прежде всего библиотеку московского купца Ивана Никитича Царского. Коллекция хранилась в имении Поречье в Можайском уезде, где заботами вдовы Уварова Прасковьи Сергеевны был создан настоящий музей. Всю свою коллекцию Уваров завещал Московскому Историческому музею, одним из основателей которого он был.

Архимандрит Леонид — Лев Александрович Кавелин — в последние годы своей жизни составил систематическое описание собрания Уварова, рассказав с великой обстоятельностью о 2243 рукописях.

В архивных поисках есть нечто мистическое. Бывает, только откроешь том и сразу чувствуешь — здесь тебя ждет находка. Так было и в этот раз.

В читальном зале Исторического музея я попросил принести мне *Евангелие* середины XVI в., описанное Л. А. Кавелиным под № 77. Ученый монах утверждал, что в этой рукописи наиболее замечательны миниатюры «по золотому полю красками весьма изящной работы».

В напрестольных *Евангелиях* помещали изображения четырех евангелистов, легендарных авторов книги — апостолов Матфея, Луки, Марка и Иоанна. Изображения рисовали от руки, а с возникновением книгопечатания воспроизводили методом ксилографии — гравюры на дереве.

Были изображения евангелистов и в книге, которая сейчас лежала передо мной на невысоком складном пюпитре. Но не миниатюры, нет! Л. А. Кавелин ошибся. Он посчитал за миниатюры гравюры, отпечатанные с досок, которые впервые были использованы в 1627 г. в *Евангелии* московского мастера Кондрата Иванова. Я хорошо знал эти ксилографии — они неоднократно оттискивались с тех же самых досок на протяжении почти всего XVII столетия.

Кто-то из стародавних владельцев рукописи вырезал гравюры из печатной книги и вклеил в толстый том, предварительно расцветив их.

А заставки? Большинство из них были довольно грубой работы. Лишь две заставки — с элементами старопечатного орнамента — поражали своим мастерством. Воспроизведенный, как я поначалу решил, тончайшим пером узор изображал сучковатый ствол, раздваивающийся на ветви, которые переплетались и расходились в разные стороны, образуя почти правильные круги. Общий рисунок был подобен лежащей восьмерке. Ветви оторочены листьями. В верхней центральной части заставки изгибы листьев образуют характерный рисунок — некоторое подобие креста с утолщенной перекладиной.

Обе заставки были совершенно одинаковыми.

Поразила меня точность, с которой художник дважды начертал один и тот же рисунок. Ни один штришок не был забыт. Такой точности можно достичь лишь с помощью печатного процесса. Но ксилография не в силах передать столь тончайшей штриховки. Да и легкий коричневатый оттенок никогда не встречается в ксилографии, а разве лишь в офорте — химическом варианте гравюры на металле, в котором рисунок на доске вытравливают кислотой.

Бог ты мой, да ведь это и есть гравюра на металле!

Я вооружился увеличительным стеклом и тщательно рассмотрел оттиски. Сомнения быть не могло. Все же я решил посоветоваться со специалистом.

Глеб Александрович Виноградов, виднейший знаток полиграфической технологии, не заставил себя упрашивать. Я чувствовал себя неудобно, наблюдая, с каким трудом он волочил протез по бесчисленным лестницам Исторического музея, поднимаясь почти под крышу — в Отдел рукописей и старопечатных книг. Но был вознагражден сторицей, заметив радостную улыбку на его лице, — оттиски действительно оказались гравюрами на металле. В той же технике были выполнены три цветка, украшавших поля рукописи.

Радоваться было чему. Считалось, что гравюра на меди появилась в русской книге лишь в XVII столетии. Перед нами же была рукопись середины XVI в.: об этом говорили водяные знаки бумаги и характерный московский полуустав.

Первой в России гравюрой на меди считался офорт знаменитого русского живописца XVII в. Симона Ушакова. Называется он «Семь смертных грехов» и снабжен надписью: «Сию дщицу начертал зограф Пимен Федоров сын зовомый Симон Ушаков лета 7173». (7173 г. от «сотворения мира» означает 1665 г. по современному летосчислению.) Поясим, что «зографами», или «изографами», в Древней Руси именовали художников. Не всех, а главным образом тех, кто работал в книге.

С именем Симона Ушакова связаны и первые русские гравюры в печатных книгах. Появляются они в 1680—1681 гг. в изданиях так называемой Верхней типографии, устроенной в покоях царского дворца в Московском Кремле просветителем и писателем Симеоном Полоцким.

Здесь я сделаю отступление, чтобы рассказать о мастере, соорудившем первый русский станок глубокой печати.

«Органы большие самые...»

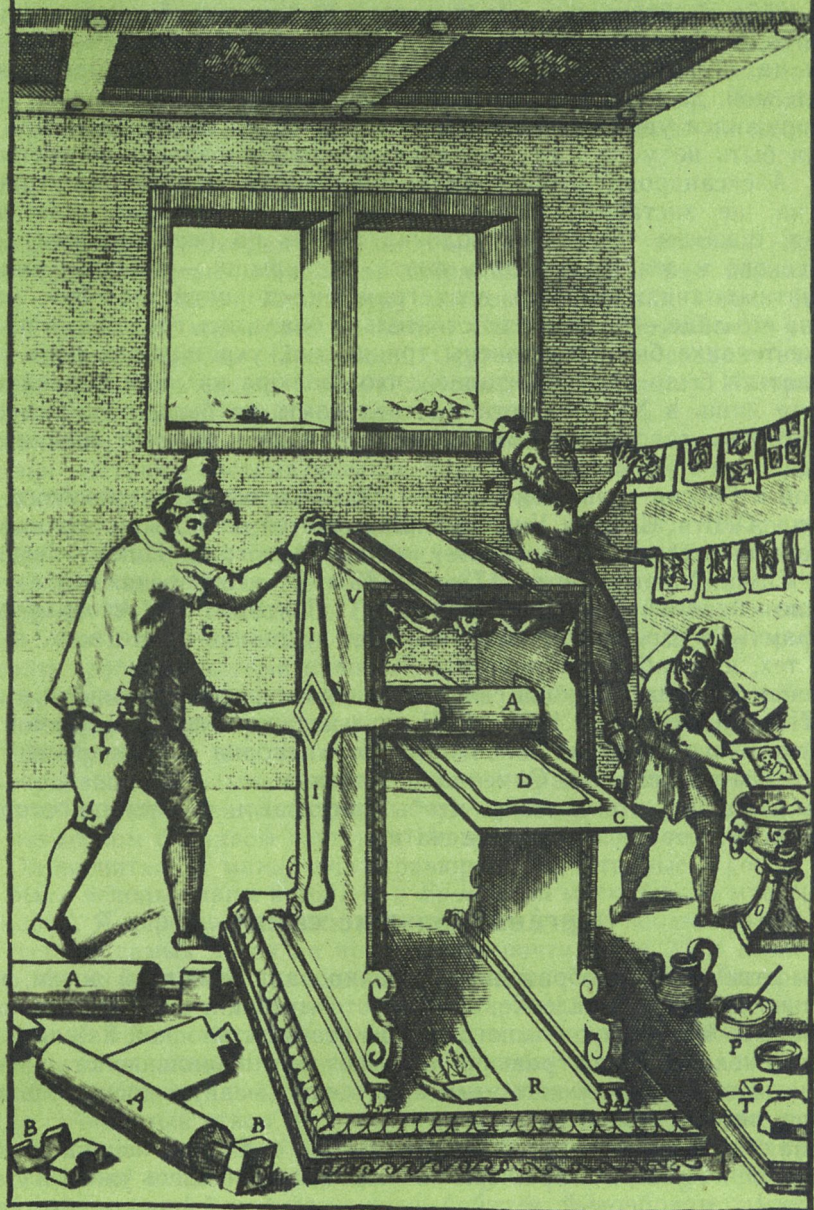
Чтобы отпечатать изображение с гравированной медной доски, требуется значительно большее давление, чем для получения оттиска с ксилографической формы. На обычном типографском станке с плоской нажимной плитой это сделать нельзя. Такие гравюры печатают на специальных станках с двумя тяжелыми валами, между которыми пропускают медную доску с наложенным поверх нее листом бумаги.

В Западной Европе такие станки известны с XVI в., но они, несомненно, существовали и ранее, ибо гравюры на меди печатали здесь уже в XV столетии.

Считалось, что первый русский станок глубокой печати был сооружен лишь в 1677 г. — непосредственно перед основанием Верхней типографии.

TORCHIO PER STAMPAR I DISEGNI CON
I RAMI INTAGLIATI.

Станок глубокой печати. С гравюры XVII в.

Алексей Егорович Викторов в «Приходной и расходной книге денежной казны Оружейной палаты» нашел следующую запись, сделанную 22 ноября 1677 г.: «Органист Симон Гутовский сделал стан деревянной печатной, которым печатают листы фряжские». Фряжскими, т. е. итальянскими, листами на Руси издавна называли гравюры. Эту запись историки впоследствии посчитали убедительным доказательством того, что именно Гутовский и был пионером гравюры на Руси.

Запись А. Е. Викторова опубликовал на страницах капитального «Описания записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг.».

В расходных книгах приказов тщательно регистрировались царские «дачи» и пожалования. В том числе и такие: «Арапу Муратке да дураку Мосяге государева жалованья сапоги телятинские — одни новые, а другие притачки». Или еще: «Конному псарю полшеста аршин сукна за то, что он на государеве потехе бился с медведем».

Большинство записей, однако, рассказывает о поделках многочисленных умельцев, работавших в дворцовых мастерских и оружейных палатах.

Записные книги ныне находятся в Центральном государственном архиве древних актов. Они позволили мне узнать немало интересного о трудах и днях Симона Матвеевича Гутовского, работавшего в Московской Оружейной палате. Слава о его делах шумела на Руси и в окрестных странах. Докатилась она и до Персии. Персидский шах снарядил послов в Москву просить царя Алексея Михайловича, чтобы повелел Гутовскому изготовить диковинный музыкальный инструмент — орган.

Мастер принял за работу. К маю 1662 г. орган был готов. Современники восторженно описывают его: «Органы большие в дереве черном, с резью, о трех голосах, четвертый голос заводной самоигральный; а в них 18 ящиков... Напереды органов — больших и средних и меньших 27 труб оловянных, около труб две решетки резные вызолочены; по сторонам 2 крыла резные вызолочены; под органами 2 девки стоячие, деревянные резные...»

Для отправки органа в Персию, или, как тогда говорили, в Кызыл-баши, было снаряжено посольство, и, конечно, Гутовский вошел в его состав. Орган так понравился шаху, что он тут же попросил царя Алексея Михайловича подарить ему еще один инструмент, побольше. В 1663 г. царь «указал сделати в запас для посылки в Персидскую землю органы большие самые, как не можно тех больши быть, и сделати б на двенадцать голосов». В мастере царь был уверен. «А делати то дело Симону Гутовскому,— сказано в указе,— потому, какие надобно в Персидскую землю, и он то все знает, для того, что он посылан был в Персиду с послы».

Новый орган также получился на славу. Гутовский отвез его шаху. Задержался он в Персии надолго — ставил орган. В Москве его семья голодала, чиновники перестали платить государеву жалованье. 17 марта 1664 г. жена Симона Марья была челом царю Алексею Михайловичу вместе с другими женами, чьи мужья также были в персидской посылке. «В прошлом, государь, году июня в 11 день по твоему великого государя указу,— писали женщины,— посланы мужья наши на твою великого государя дальнюю службу в Персидскую землю, а мы, государь, помираем голодной смертью, что мужья наши оставили на пропитание медными деньгами». Царь приказал выдать Марье 10 рублей. А когда мастер вернулся, он получил большую награду 50 рублей.

Кроме музыкальных инструментов, Гутовский умел делать многое другое: чинил часы, превосходно резал по дереву и кости, соорудил «потешную», игрушечную, мебель для маленького царевича Петра. А в 1677 г., как мы уже говорили, изготовил печатный стан.

Стан этот, впрочем, не был первым в России. Ведь на чем-то печатались те гравюры, которые я отыскал в одной из книг Уваровского собрания. Впрочем, мы пока не установили, когда были оттиснуты эти гравюры.

Феодосий Изограф

В *Евангелии* № 77 из Уваровского собрания не указано, где и когда была изготовлена рукопись. Определить дату помогли водяные знаки. В листах книги на просвет хорошо видна филигрань — кораблик с раздвоенным флагом на мачте.

Достаточно раскрыть замечательный труд Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», чтобы установить: аналогичные знаки знаменитый палеограф встречал в рукописях 60-х гг. XVI в. Примерно к этому времени и относится *Евангелие* из Уваровского собрания.

Но гравированные заставки и цветки могли наклеить на страницы рукописи и позднее, например во второй половине XVII в. В этом случае у меня нет оснований утверждать, что я открыл первую русскую гравюру на меди.

Кроме гравюр, в рукописи имелись еще десять заставок и один цветок, воспроизведенные от руки. Характер орнаментики убедительно указывал на первую половину XVI в. Если гравюры были вклеены в книгу позднее, под ними должны находиться старые рукописные украшения. Я тщательно просмотрел листы на просвет. Поля под наклеенными гравюрами были чистыми.

Было еще одно доказательство того, что гравюры делались в первой половине XVI столетия. Я нашел в печатных книгах ксилографические копии заставки из Уваровского *Евангелия*. Их изготовил ученик Ивана Федорова Андроник Тимофеев Невежа и использовал дважды — в *Псалтырях* 1577 и 1602 гг.

Но быть может, так взволновавшие нас гравюры совсем не русского происхождения? Какой-либо москвич или новгородец в далеком XVI в. вырезал их из альбома орнаментальных украшений и наклеил на страницы рукописи. Таких альбомов было много на Западе, и их, конечно, привозили в Россию.

Оставалось доказать русское происхождение гравюр.

В средней части заставки за сучковатым стволом гравер разместил гербовый щит и на нем — в промежутке между переплетением ветвей — вывел надпись: «Изограф Феодосие».

Найти имя автора на гравированной заставке — исключительная удача. В истории русской первопечатной орнаментики можно назвать лишь один аналогичный случай — буквы «ПАНМ» на заставке из *Триоди цветной* 1591 г. Буквы означают: «Печатный — Андроник Невежа — мастер».

Если бы на заставках не стояло имя мастера, говорить об их русском происхождении можно было лишь предположительно.

Наш гравер еще не вполне уверенно владеет резцом. Но композиция заставки обнаруживает талантливого художника, много работавшего в обла-

сти книжной орнаментики. Кем был он, этот Феодосий, которому мы с полным правом можем присвоить звание первого русского гравера? То же имя можно найти на страницах одной из наиболее прославленных русских рукописных книг — *Евангелия* 1507 г., в послесловии которой читаем: «А евангелисты писал Феодосие Зограф, сын Дионисиев Зографов». То же самое сочетание слов, то же написание имени!

Феодосий Изограф — сын Дионисия, с которым связана целая эпоха в истории древнерусской живописи. Был он настолько знаменит, что ему, как и Андрею Рублеву, приписывали иконы и фрески во многих городах России. О нем слагали легенды. В одном из старых житий — жизнеописаний святых — можно прочесть следующую колоритную историю. Дионисий со своей артелью расписывал церковь в Боровском монастыре. «Бе во иконописцах изрядный художник, именем Дионисий, мирянин», — говорит о нем житие. Старец Пафнутий, основатель монастыря, категорически запретил художникам есть в соборе в промежутках между работой, приказал «не вкушати мирского ястия в обители, но к ближней веси отходити».

Дионисий не послушался. Однажды он и его товарищи захватили с собой из деревни баранью ногу, фаршированную яйцами. После работы сели вечерять. Тут-то и начались чудеса. На Дионисия напал недуг — «во един час все тело его яко струп слиясь и не можате двинуться». Художнику оставалось покаяться перед Пафнутием.

С ранних лет Феодосий работал вместе с отцом. Впервые мы встречаем его имя в 1486 г., когда он под руководством Дионисия вместе с братом Владимиром, старцем Паисием и другими мастерами расписывал соборную церковь Успения Божией матери в Иосифо-Волоколамском монастыре. Рассказывая об этой росписи, автор жития Иосифа Волоцкого называет мастеров «изящными и хитрыми в Русской земле иконописцы, паче же рещи живописцы».

Феодосий был близок к Иосифу Волоцкому — известному церковному деятелю и писателю конца XV — начала XVI в. В своих «Посланиях» Иосиф рассказывает о беседах с художником, о богатых подарках, которые тот делал монастырю.

В 1500—1502 гг. иконописная артель Дионисия и Феодосия расписала церковь Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре.

Во главе артели становится Феодосий. В 1508 г. он, как о том свидетельствует летопись, выполнил фрески Благовещенского собора в Московском Кремле. Посетители Ферапонтова монастыря и Благовещенского собора редко обращают внимание на «полотенца», ограничивающие фрески снизу. На «полотенцах» — круги, а в них — орнамент. Такой же орнамент встречается в заставках рукописных книг XV—XVI вв.

Феодосий был близок к книжному искусству. Отсюда и прозвище его — «Изограф».

«Книги изограф нарочитый и живописец изящный во иконописцех», — так древнерусский писатель Епифаний Премудрый именовал прославленного Феофана Грека, четко разделяя два мастерства — иконопись и искусство книги.

Имя Феодосия на страницах рукописей встречается лишь в *Евангелии* 1507 г. и на найденной автором этих строк гравюре. Но древнерусские ху-

дожники вообще редко оставляли свое имя на созданных ими произведениях.

Со временем удалось выделить группу рукописей, характерной особенностью которых было использование в орнаментике мотивов листовой гравюры на меди немецких и нидерландских мастеров. С некоторыми из этих книг читатель знаком. Листы зарубежных мастеров были первопричиной, побудительным толчком, привлечшим внимание Феодосия к гравюре. Научить его техническим приемам резьбы они, естественно, не могли.

Кто же помог первому русскому гравюру освоить эти приемы?

Дело в том, что гравирование по металлу издавна бытовало на Руси. Гравированной резьбой русские мастера украшали кубки, подносы, кресты, пантеоны... Гравированные медные и серебряные доски служили окладами — драгоценными переплетами богослужебных книг.

Но никто еще не пробовал у нас забить резьбу краской и приложить к ней чистый лист бумаги.

Первым сделал это Феодосий Изограф. Он выгравировал и отпечатал серию заставок и декоративных цветов. Листы с орнаментом продавались на торжищах. Каждый мог купить их, вырезать заставки и цветки и наклеить на страницы рукописной книги.

Когда 14 февраля 1962 г. я высказал эту мысль о Московском Доме ученых в докладе «Новое о начале глубокой печати в России», оппоненты мои — а в них недостатка не было — заявили:

«Если так, то должны сохраниться и другие оттиски заставки. Вам же пока известен только один — на страницах Уваровского *Евангелия*».

Возразить на это я не мог.

В поисках оттисков

Впоследствии я нашел немало ксилографий и гравюр на меди, наклеенных на страницы рукописных книг. Прием, использованный в Уваровском *Евангелии*, оказался совсем не редким. Но все эти гравюры были поздними. Заставки Феодосия Изографа нигде не было.

Летом 1964 г. мы с женой и дочерью путешествовали по Волге. На стоянках, которые в ту пору длились три-четыре часа, я спешил в местный архив или библиотеку, чтобы в самых общих чертах познакомиться с собранием старопечатных книг. На обратном пути, в Ярославле, моя семья взбунтовалась.

«Хватит,— сказала жена.— Сегодня ты будешь с нами».

И вот мы не спеша ходим по кельям Спасо-Преображенского монастыря, где сейчас размещен художественный отдел Государственного Ярославско-Ростовского музея-заповедника.

Я застываю около одной из витрин и долго не могу поверить глазам. Под стеклом лежит раскрытая древнерусская рукопись. В верхней части страницы, над узорной вязью, наклеена заставка Феодосия Изографа.

Книга оказалась *Толковым Апостолом* середины XVI в. Позднее я узнал, что еще в 1958 г. ее описал известный ярославский краевед и знаток старой русской письменности В. В. Лукьянов. В 3-м выпуске «Краеведческих записок» было помещено составленное им «Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея». «На листе 1,— писал

Лукьянов,— наклеена цветная заставка «фряжского стиля» с подписью «Изограф Феодосие». Он не заметил, что заставка выполнена в технике гравюры на меди и раскрашена.

На страницах книги была запись, сделанная в 1593 г. Псковитянин Иван Яковлевич Лаптев рассказывал о том, что он подарил книгу ярославскому Спасскому монастырю. С того времени рукопись и находилась в Ярославле. Значит, и заставка была наклеена на страницы книги в ту пору, когда она изготовлялась — во второй половине XVI столетия.

Несколько месяцев спустя я нашел еще один оттиск той же заставки — на этот раз в *Евангелии* начала XVI в. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, которое ныне находится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Печатного каталога собрания это, к великому сожалению, по сей день не имеет. Но есть рукописный каталог. Составитель его, как и В. В. Лукьянов, посчитал, что заставка выполнена от руки. «Перед Евангелиями,— писал он,— заставки и инициалы, писанные красками и золотом, сложного художественного рисунка». Между тем заставка отпечатана с той же самой доски, что и в Уваровском *Евангелии* и в *Толковом Апостоле* из Ярославля.

Я мог теперь указать четыре оттиска одной и той же гравированной на меди заставки, причем все они были наклеены на страницы рукописных книг XVI в. Оформление рукописей разностильно, приписать их одной и той же мастерской не было никакой возможности. Оставалось предположить — я так и сделал, что оттиски заставок находились в свободной продаже и специально предназначались для наклеивания на страницы рукописей.

В Древней Руси бытовали своеобразные руководства для иконописцев, которые назывались «Подлинниками». Помещали в них разные технические советы: «Указ, как по голому дереву золотить», «Указ, како олифа составлять», «Указ, клей варить»... Были здесь и подробные указания о том, как писать того или иного святого. Например: «Преподобного отца нашего Пахомия великого, подобием вельми стар, лицом бледен от пощения и благообразен, седые власы, мантия узлом связана на коленях, испод риза дымчатая, в руке свиток». Помещали в «Подлинниках» и изображения святых, которыми должны были руководствоваться иконописцы.

Не исключено, что, кроме иконописного «Подлинника», существовал и орнаментальный. Часть его могла быть гравирована на меди с целью более или менее широкого распространения копий.

Если это так, должны существовать и другие гравированные заставки, кроме той, на которой оставил подпись Феодосий Изограф. Такую заставку я нашел в том же самом *Евангелии* из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, в котором отыскался четвертый по счету оттиск гравюры Феодосия. Старопечатное клеймо заставки варьировало мотивы буквы «Д» «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема. Заставка была выполнена в технике гравюры на меди, раскрашена и наклеена на страницы книги.

Если и эту гравюру выполнил Феодосий, значит, первый русский гравер стоит у истоков замечательного явления русского прикладного искусства — старопечатного орнамента.

Быть может, и Иван Федоров, создавая свои замечательные заставки, держал перед собой не рукописную книгу, а орнаментальный «Подлинник», гравированный на меди Феодосием Изографом?

Люблинская находка Ярослава Исаевича

Среди многих исследователей, которые в последние годы изучали жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова, необходимо назвать львовского ученого, доктора исторических наук Ярослава Дмитриевича Исаевича. В 1975 г. он выпустил в свет монографию «Первопечатник Иван Федоров и возникновение книгопечатания на Украине», написанную во всеоружии превосходного знания материалов. В селах Западной Украины Исаевич нашел несколько новых экземпляров изданий первопечатника. Обстоятельно изучены им украинские издания Ивана Федорова, особенно же львовский *Апостол* 1574 г.

Весной 1979 г. Ярослав Дмитриевич посетил Люблин. Здесь когда-то бывал сын первопечатника Иван Переплетчик. Да и сам Иван Федоров поддерживал связь с Мартином Сенником, краковским врачом, через некоего пана Томаша из Люблина. Быть может, в местном архиве отложились какие-то документы о прославленном типографе?

Находка, сделанная Исаевичем, превзошла все ожидания. В одной из книг, где записывались судебные дела, он нашел сведения о том, что 3 июня 1578 г. в здание люблинской ратуши явился гражданин Вроцлава гравер Власий Эбиш из Шнееберга. При свидетелях он заявил, что обещает выполнить заказ «Ивана Федоровича, проживающего в Остроге типографа ясно-вельможного господина Константина, воеводы Киевского — вырезать... как можно лучше на медных пластинках 150 картинок библейской истории». Плата за эту работу была назначена очень высокая — 700 золотых. Задаток в 100 золотых Иван Федоров должен был передать 15 августа 1578 г. на ярмарке в Ярославе, небольшом западноукраинском городке, люблинскому торговцу железом Элиасу Рейбеницу.

Речь, вне всякого сомнения, шла об иллюстрациях к *Острожской Библии*.

Мы говорили, что гравюры на меди нельзя печатать одновременно с текстом, который воспроизводится с типографского набора. Делают это обычно в два прогона. Полиграфические трудности, наверно, и заставили Ивана Федорова отказаться от своей задумки. Князь Константин Острожский торопил его.

Вспомним о письме Мартина Сенника, в котором говорилось о деньгах; Иван Федоров должен был послать их в Краков. Не связано ли это письмо с обязательствами перед резчиком Власием?

Острожская Библия вышла в свет без иллюстраций. Но для нас важно, что Иван Федоров хотел воспроизвести их в технике гравюры на меди — так, как выполнены заставки и цветки Феодосия Изографа.

Первопечатник был хорошо знаком и с русскими рукописями, и с западноевропейской печатной книгой. Знал он и листовую гравюру на меди. Об этом говорят многочисленные параллели, обнаруженные Алексеем Ивановичем Некрасовым, Алексеем Алексеевичем Сидоровым, Николаем Петровичем Киселевым, Акимом Прохоровичем Запаско... Об этом свидетельствует и люблинская находка Ярослава Дмитриевича Исаевича.

Глава десятая,
**ПОВЕСТВУЮЩАЯ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ НАХОДКАХ
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ КНИГОХРАНИЛИЩАХ
И АРХИВАХ**

Книга, напечатанная на табель-календаре

В поисках истоков старопечатной орнаментики мы несколько отвлеклись от истории жизни и деятельности Ивана Федорова. Становление художественного убранства первых печатных книг — лишь один из многочисленных аспектов того явления, которое мы называем возникновением книгопечатания на Руси. Аспектов этих — великое множество. Чтобы представить себе их разнообразие, лучше всего обратиться к указателю литературы об Иване Федорове.

Первый такой указатель — он был опубликован в 1935 г. в сборнике «Иван Федоров первопечатник» — составила Александра Петровна Лебемянская. Это была скромная, глубоко эрудированная женщина. В течение долгих лет она работала в Государственном артиллерийском музее в Ленинграде. Изучала историю Пушкирского приказа, жизнь и деятельность замечательных мастеров, трудившихся здесь в XVI и XVII вв.

К сожалению, большинство трудов А. П. Лебемянской осталось в рукописи. Она как-то не умела «продвигать» их в печать. Ей казалось, что время и энергию, которые необходимо затратить для этого, с большей пользой можно использовать для другой цели. Счастьем для многих исследователей было то, что «Материалы для библиографии Ивана Федорова» все-таки увидели свет.

А. П. Лебемянская описала 523 книги и статьи, посвященные первопечатнику. Где только они не публиковались — в Москве и Киеве, Петербурге и Вильне, Варшаве и Праге, Париже и Берлине... О многих из этих работ, о людях, которые их написали, можно рассказать немало занимательных и поучительных историй.

Вот одна из них...

Дарственная запись: «Дорогому товарищу по оружию Е. Л. Немировскому жертвую грехи своей молодости». Подпись — «Н. Проскурнин» и дата — «7 августа 1953 года».

Что касается самой книги, то она напечатана еще в 1919 г. Попала она в мою библиотеку таким образом.

В те далекие уже 1950-е гг. меня и друга моего Льва Павловича Теплова,

которого тогда называли просто по имени, волновала история Ивана Смерда Половца — легендарного врача киевского князя Владимира Красное Солнышко. Был он в числе послов, которых князь отправил в заморские страны, чтобы определить, чья вера лучше. Еще в XVII в. было опубликовано послание Смерда к князю, в котором врач рассказывал об опасном путешествии к берегам Нила. Здесь Смерд познакомился с христианской религией коптов — потомков древних египтян. Заканчивалось послание так: «Писал я это железными литерами, вырезанными на 12 медных досках».

Основываясь на этих словах, журналист А. А. Филиппов предположил, что Иван Смерд не писал, но... печатал свое послание. А так как книгопечатания в X в. не было, то именно Смерда и следует считать изобретателем этого замечательного искусства.

Статья А. А. Филиппова, опубликованная 30 апреля 1895 г. в газете «Новое время», так и называлась: «Кто был действительным родоначальником книгопечатания на Руси?»

Мой рассказ не о Смерде. Скажу лишь, что послание его многие ученые считали поддельным. И. И. Малышевский — тот самый, который опубликовал документы о жизни Ивана Федорова в Дерманском монастыре, — в 1876 г. написал книгу «Подложное письмо половца Ивана Смеры (так он называл Смерда. — Е. Н.) к великому князю Владимиру Святому». Сколько-нибудь досконально вопрос изучен не был. И, если судить объективно, остается открытым по сей день.

Наткнувшись случайно на статью А. А. Филиппова, я рассказал о ней в редакции институтской многотиражки — в ту пору мы с Тепловым учились в Московском полиграфическом институте.

Лев при этом разговоре присутствовал. На следующий день он принес в редакцию большую статью, которая называлась «Иван Смерд — изобретатель книгопечатания». Это было поразительно. Когда и как он успел познакомиться со статьей Филиппова, раскопать книгу Малышевского и десяток других публикаций в теперь уже редких журналах XIX в.? Когда успел он написать статью, в которой было не менее 20 машинописных страниц и которая тут же была отправлена в набор?

Теплов был очень талантливым человеком. Его способность моментально схватывать материал всегда поражала меня. Смелость и дерзость гипотетических построений этого человека были поистине фантастическими. Но ни историком, ни книговедом он не стал. Теплов ушел из института, работал в научно-популярных журналах, писал фантастические рассказы, выпустил несколько книг о кибернетике, которые переводили во многих странах — даже в Японии.

Лет пятнадцать назад — на эскалаторе станции «Маяковская» — с ним случился сердечный приступ. Два дня спустя мы его хоронили.

Вернемся, однако, в март 1949 г., когда статья Л. П. Теплова об Иване Смерде была напечатана в многотиражке Московского полиграфического института. Она занимала две полных полосы и наделала много шума в московских научных кругах. В одном из следующих номеров газеты на нее откликнулся член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Алексеевич Сидоров. В том же номере была напечатана и моя «Библиография к письму Смерда».

Указатель этот был небольшим, и я стремился его пополнить. В работе

А. П. Лебемянской я нашел следующее библиографическое описание: «Проскурин Н. П. Изобретение книгопечатания в России. Ростов-на-Дону, 1918». И сразу засомневался: уж не о Смерде ли идет речь в этой книге?

Но вот беда — книги не было ни в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, ни в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ни во многих других книгохранилищах, в которые я обращался. Да и сама Александра Петровна Лебемянская, которую я посетил в Ленинграде, книги не видела, а описала ее с чьих-то слов.

В Научно-исследовательском институте полиграфического машиностроения, сотрудником которого я стал в сентябре 1950 г., я познакомился с Николаем Павловичем Проскурниным (1886—1966), маленьким сухоньким старичком, работавшим в Отделе новых шрифтов. Несмотря на название отдела, Николай Павлович интересовался лишь старыми шрифтами. Он составил богатейшую картотеку всех шрифтов различных времен и народов.

С Проскурниным мы подружились. Я тогда работал над историей полиграфической техники в СССР. Николай Павлович нередко рассказывал о тех стародавних временах, когда он в первые послереволюционные годы организовал в своем родном Ростове-на-Дону Полиграфическую школу. Он заведовал школой, читал в ней лекции и сам писал учебные пособия для своих учеников.

Тогда-то я и вспомнил о книге Н. П. Проскурина, зарегистрированной в указателе А. П. Лебемянской. Быть может, Александра Петровна ошиблась и вместо «Проскурин» нужно читать «Проскурнин»?

Я спросил об этом Николая Павловича. Он улыбнулся и ничего не ответил. А на следующий день принес брошюру, на обложке которой под литографией, изображавшей первого европейского типографа Иоганна Гутенберга, стояло: «Н. П. Проскурнин. Изобретение книгопечатания и начало его в России». Значит, и название книги А. П. Лебемянская передала неправильно!

Я раскрыл брошюру и... удивился. Текста на первой странице не было. Передо мной табель-календарь на январь 1919 г. Красным выделены праздники: «Новый год», «Богоявление»... Ниже примечание: «Посты отмечены зеленым фоном».

Заметив мое недоумение, Николай Павлович сказал:

«Переверните страницу».

Я так и сделал. И увидел на обороте текст под заголовком «Как создавалась печатная книга». А дальше, на третьей странице, опять табель-календарь — теперь уже на февраль 1919 г. Всего в книжке 12 листов — по числу месяцев. На 8-м листе начинается очерк «Как началось книгопечатание в России». Здесь коротко рассказано о жизни и деятельности Ивана Федорова и о его изданиях.

«Зачем понадобилось печатать книжку на календаре?» — подумал я.

Как бы отвечая на мой вопрос, Николай Павлович сказал:

«С бумагой в ту пору было трудно».

Заведуя Полиграфической школой, Н. П. Проскурнин одновременно работал в типографии Южно-Донского союза кредитных обществ. На складе типографии лежал нереализованный своевременно тираж старого табель-календаря. Обратные стороны листов были пустыми. Николай Павлович решил использовать их.

Так появилась своеобразная, единственная в своем роде книжка. Она очень редка. Один экземпляр уже впоследствии Н. П. Проскурнин подарил Отделу редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Несколько экземпляров оставалось у него дома. Судьба их мне неизвестна. Говорят, после смерти Николая Павловича, переезжая на новую квартиру, семья его уничтожила многочисленные папки с архивом покойного.

Указатель А. П. Лебедянской, в котором я впервые нашел сведения о книжке Н. П. Проскурнина, открывался разделом, в котором перечислены предисловия и послесловия к изданиям, напечатанным Иваном Федоровым. Всего названо семь книг: *Апостол* 1564 г., вышедший в Москве; московский же «*Часовник*» 1565 г.; заблудовские *Учительное Евангелие* 1569 г. и *Псалтырь с Часословцем* 1570 г.; львовский *Апостол* 1574 г.; острожский *Новый завет с Псалтырью* 1580 г. и прославленная *Острожская Библия* 1581 г.

К семи изданиям, названным А. П. Лебедянской, надо добавить еще два. Она знала эти книги, но не упомянула, ибо в них не было послесловий. Это «Книжка собрание вещей нужнейших» 1580 г. и «Хронология» Андрея Рымши 1581 г.; оба издания напечатаны в Остроге.

Вот и все, что было известно к 1935 г., когда вышел сборник «Иван Федоров первопечатник».

С марта 1903 г., когда было описано первое издание московского *Часовника*, обнаруженное в Королевской библиотеке Брюсселя, ни одного нового издания первопечатника не находили. Историки решили, что все издания найдены и новых открытий не будет.

Со временем выяснилось, что историки ошибались.

Из библиотеки Сергея Дягилева

28 ноября 1975 г. в Монте-Карло открылся аукцион, на который съехались любители книги буквально со всего света. Продавалась библиотека Дягилева-Лифаря. Фирма «Сотби», проводившая аукцион, выпустила превосходно иллюстрированный каталог, в котором описаны 826 книг и рукописей.

Каких только редкостей не было здесь! Первые издания «Бориса Годунова», «Графа Нулина», «Полтавы» А. С. Пушкина, один из томов собрания сочинений И. С. Тургенева с его автографом. За 12 листов нотной рукописи композитора И. Ф. Стравинского любители заплатили самую высокую цену — 97000 франков. Вторым по стоимости — 62000 франков — был *Апостол* 1564 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Этот хорошо сохранившийся экземпляр С. П. Дягилев нашел в Риме в 1926 г.

На аукционе присутствовал представитель нашей страны — доктор искусствоведения Илья Самойлович Зильберштейн (1905—1988). Он привез в Москву отдельное издание пятой главы «Евгения Онегина» с дарственной надписью великого поэта. Приобрел и другие интересные и редкие издания.

К сожалению, на аукционе не было, пожалуй, самой редкой книги из собрания Дягилева...

Но расскажем сначала о владельце библиотеки.

Сергей Павлович Дягилев (1872—1929) был одним из организаторов и руководителей группы художников и искусствоведов, которые в конце XIX в.

объединились вокруг журнала «Мир искусства». Журнал выходил под его редакцией в 1899—1904 гг. Человек увлекающийся, широко образованный и обладающий практической хваткой, Дягилев в 1909 г. организовал гастроль русского балета в Париже. Собранный им труппа, в которую входили А. Павлова, Т. Карсавина, В. Нижинский, М. Фокин, С. Лифарь, во многом способствовала всемирной славе русского балетного искусства.

Октябрьской революции С. П. Дягилев не понял и не принял. Он остался за рубежом и умер в Венеции в 1929 г. Пожалуй, именно тоска по отчизне заставила его — за три года до кончины — заняться коллекционированием редких русских книг. В короткий срок он собрал свыше 1000 томов.

В сентябре 1927 г. Сергей Павлович посетил Рим, для того чтобы пополнить свою библиотеку. «В Риме все было удачно...— писал он некоторое время спустя, уже из Флоренции, своему другу, танцовщику Сергею Михайловичу Лифарю.— Нашел чудную, потрясающую русскую книгу и кое-что еще».

Книгой этой было издание Ивана Федорова, о котором ранее никто не знал. Можно представить себе, как волновался Дягилев, когда он на лотке уличного римского букиниста раскрыл небольшой томик и прочитал на последней странице: «Выдруковано во Львове, року 1574». Выше были отпечатаны две гравюры: герб Львова и хорошо известная типографская марка Ивана Федорова.

В 1939 г. в Париже, а год спустя и в Нью-Йорке вышли в свет мемуары С. М. Лифаря «Сергей Дягилев и с Дягилевым». На одной из страниц мимоходом упомянута римская находка. Историки книги этой публикации не заметили. Шла вторая мировая война — людям было не до старопечатных редкостей.

Большая часть библиотеки Дягилева перешла к С. М. Лифарю. 135 книг и несколько автографов взял себе секретарь Дягилева — Б. Е. Кохно, человек малообразованный, меньше всего думавший о культурной ценности попавших к нему книжных сокровищ.

Неизвестное издание Ивана Федорова оказалось у Кохно. Он долго пытался сбыть книжку в Париже, но никто здесь не заинтересовался ею. Наконец книгу приобрел швейцарский букинист и вскоре за мизерную цену в 300 долларов перепродал ее американскому коллекционеру Баярду Килгуру.

После войны собрание Килгура поступило в библиотеку Гарвардского университета. Здесь римской находкой заинтересовался профессор Роман Осипович Якобсон (1896—1982).

Помните строки:

Медлил ты.
Захрапывали сони.
Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.

Это из «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» В. В. Маяковского.

По-разному складываются судьбы людей.

Дипкурьер Теодор Нетте погиб, героически защищая от белогвардейских бандитов советскую дипломатическую почту.

Владимир Владимирович Маяковский, талантливейший поэт советской эпохи, застрелился в апреле 1930 г., не дожив до 40 лет.

Прияель их Роман Осипович Якобсон прожил долгую жизнь, стал профессором Гарвардского университета в США, всемирно известным ученым, одним из основоположников структурализма — новейшего направления в области гуманитарных наук.

Якобсон определил, что неизвестное издание Ивана Федорова — это *Азбука*. До того времени считалось, что первая русская *Азбука* была напечатана лишь в 1634 г. в Москве типографом Василием Федоровичем Бурцевым.

Р. О. Якобсон тщательно изучил *Азбуку* Ивана Федорова и в 1955 г. опубликовал в «Бюллетене Гарвардской библиотеки» хорошо документированную статью, к которой было приложено полное — страница за страницей — факсимиле замечательного издания 1574 г.

Труд Якобсона сразу же был замечен в нашей стране. На страницах «Советской культуры» находку прокомментировал Алексей Алексеевич Сидоров. В 1956 г. в майском номере журнала «Новый мир» была опубликована большая рецензия на работу Р. О. Якобсона. Написал ее академик Михаил Николаевич Тихомиров. «Факсимильное воспроизведение букваря, — утверждал он, — впервые вводит в научный оборот памятник, крайне интересный и замечательный. Это большой и ценный вклад в историческую науку, обогащающий наши познания в области истории культуры СССР и мировой культуры».

В дальнейшем первому русскому учебнику было посвящено немало работ; о нем писали известные советские книговеды Т. А. Быкова, В. И. Лукьяненко, Г. И. Коляда, В. С. Люблинский, Я. Д. Исаевич, А. П. Запаско... Более того, *Азбуку* Ивана Федорова поставили на полки личных библиотек многие любители книги, так как киевское издательство «Дніпро» дважды выпускало букварь в факсимильном воспроизведении — в 1964 и 1974 гг. Тираж первого издания — 1500 экземпляров, второго — 15000. Разошлись они моментально. А московское издательство «Просвещение» выпустило два сувенирных с большим уменьшением издания *Азбуки* в 1974 и 1977 гг.

Познакомившись с львовской *Азбукой*, ученые с полным основанием стали утверждать, что Иван Федоров был не только типографом, не только издателем и редактором, но и талантливейшим педагогом. Последовательно, шаг за шагом, вводил он ребенка в величественный храм древнего и могучего языка, познание которого делает человека счастливым.

Новые открытия археографов

Рецензия Михаила Николаевича Тихомирова в «Новом мире» заканчивалась следующими словами: «Залежи печатных книг лежат в провинциальных музеях и архивах, и никто ими не занимается, никто их даже не разбирает. А ведь букварь 1574 года, наверное, не был издан в единственном экземпляре. Не следует ли его поискать в наших библиотеках».

С того времени как были написаны приведенные выше слова М. Н. Тихомирова, прошло более 30 лет. В нашей стране принят Закон об охране и использовании памятников истории и культуры. Провинциальные фонды ныне в большинстве своем разобраны. Старопечатные славянские книги бережно хранят и тщательно изучают. Только в последние годы выпущены описания книг кирилловской печати Вологодской областной библиотеки, Горьковского историко-литературного музея-заповедника, Загорского историко-художественного музея-заповедника, Государственной публичной библиотеки Киргизской ССР, Тюменского областного музея, Научной библиотеки Казанского университета...

В Пскове нашлись безвыходное широкошрифтное *Евангелие* и *Новый завет* 1580 г., в Загорске — широкошрифтное *Евангелие*, в Тюмени — *Новый завет* 1580 г. и *Острожская Библия*, во Фрунзе — *Апостол* 1564 г., *Новый завет* 1580 г. и *Острожская Библия*, в Брянске — *Апостолы* 1564 и 1574 гг. Число известных нам экземпляров книг, напечатанных Иваном Федоровым, за последние 20 лет примерно удвоилось.

В 1950-х гг. по инициативе Михаила Николаевича Тихомирова и Владимира Ивановича Малышева возобновились археографические экспедиции. Молодые археографы, которые по примеру К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева посещали затерянные среди лесов и болот деревушки, извлекали из подвалов и с чердаков позабытые их владельцами книжные сокровища. В личных, преимущественно крестьянских, библиотеках отыскивались издания Ивана Федорова.

Владимир Иванович Малышев создал собрание древнерусских рукописей и старопечатных книг Пушкинского дома Академии наук СССР. Первые 32 книги он привез в 1949 г. из Усть-Цилемского района Коми АССР, а затем каждым летом уезжал на север — на Пижму, Керженец, Пинегу, в Причудье. За 15 лет руководимые им экспедиции привезли в Ленинград 1194 рукописи. Старопечатные книги на первых порах не брали, но потом поняли и их непреходящую ценность. Нашли безвыходную *Триодь постную* и две книги Ивана Федорова — *Учительное Евангелие* 1569 г. и *Апостол* 1574 г.

С лета 1963 г. в археографических экспедициях Пушкинского дома активно участвует Научная библиотека Ленинградского государственного университета. Организатором этой работы в университете стал заведующий Отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки Александр Хаймович Горфункель. Один из участников экспедиций А. М. Панченко в 1967 г. в городе Кимры Калининской области отыскал первую русскую печатную книгу — безвыходное узкошрифтное *Евангелие*. На следующий год поехали в Усть-Цильму. Здесь нашли три издания Ивана Федорова — *Учительное Евангелие* 1569 г., *Апостол* 1574 г. и фрагмент острожского *Нового завета*. На страницах *Апостола* была запись: «Лета 7110 (т. е. 1602 г.— Е. Н.) апреля в 30 день сию книгу глаголемую Апостол положил на Усть-Вым в дом Благовещения святыя Богородицы и Стефану Пермскому чудотворцу... крестьянин Михайло Иванов сын Торлопов».

Записи крестьян нашлись и на других экземплярах старопечатных книг. Северное русское крестьянство вовсе не было поголовно неграмотным, как это ранее считалось.

Самой интересной находкой ленинградцев стал *Часовник* 1565 г. Это второй

экземпляр в нашей стране. Первый, как помнят читатели, был куплен Михаилом Петровичем Погодиным на Нижегородской ярмарке.

Летом 1980 г. группа студентов Ленинградского университета в деревне на среднем течении Северной Двины нашла еще один фрагмент *Нового завета* 1580 г.

В июне 1988 г. к археографам Пушкинского дома, работавшим в городе Горьком и его окрестностях, пришел пожилой человек, назвавшийся Л. Н. Пименовым.

«Посмотрите,— сказал он,— может быть, вас заинтересует эта книга».

На стол легла рукописная *Триодь цветная*, воспроизведенная характерным русским полууставом XVI в. Археограф, перелистывавший книгу, вдруг увидел вплетенные в нее печатные страницы. Их было немного — всего 11.

Позднее, вернувшись в Ленинград, ученые сравнили шрифт, которым они были набраны, со шрифтом безвыходной *Триоди цветной*. Экземпляр этой книги, которая потом пропала, А. Е. Виктор в середине прошлого века видел у собирателя П. В. Шапова. Сохранились, однако, фотографии нескольких листов. Шрифт был тем же самым.

Находка оказалась сенсационной!

В 1968 г. к археографической работе присоединился Московский университет. Экспедиции, которыми руководила Ирина Васильевна Поздеева, на первых порах обследовали небольшие города неподалеку от Москвы — Ржев, Городец. Затем география поисков расширилась. В 1966—1980 гг. археографы привезли в Москву и передали в Научную библиотеку Московского университета 1221 рукопись и 858 старопечатных книг. Среди них — 5 изданий Анонимной типографии и 9 изданий Ивана Федорова. В Волгограде приобрели *Учительное Евангелие* 1569 г., в деревне Привалово Горьковской области — два экземпляра *Апостола* 1574 г., в селе Тюпино Горьковской области — *Острожскую Библию* 1581 г.

В 70-х гг. примеру ленинградцев и москвичей последовали археографы других городов. В 1977 г. Владимир Николаевич Алексеев, заведующий сектором истории книги Государственной публичной научно-технической библиотеки в Новосибирске, нашел экземпляр московского *Апостола* 1564 г. Комментируя находку в интервью газете «Вечерний Новосибирск», Алексеев сказал: «Самое важное — это то, что впервые на территории Сибири найдена первая русская печатная книга. Мы можем гордиться нашими предками. Заселяя Сибирь с невероятными трудностями, они везли с собой книгу. А ведь это были небогатые купцы, мелкие промышленники, а главное — крестьяне...»

Так археографические экспедиции меняли представление о социальном составе древнерусских читателей.

В 1974 г. археографическую работу начали свердловчане. И в уральских деревнях удалось отыскать первые русские печатные книги. А. А. Калугина из деревни Кондрашино Нижнетагильского района передала археографам безвыходное среднешрифтное *Евангелие*. Книга эта много путешествовала. В 1577 г. она, как свидетельствует запись на ее полях, была в Москве — Микула Иванов сын Серков подарил ее храму Святого Фрола в Мясниках. В 1613 г. книга находилась уже в Старицком монастыре, в верховьях Волги. Какими судьбами она попала отсюда на Урал, сказать трудно.

У В. Е. Мезенина из села Илим-Мартьянова Шалинского района Сверд-

ловской области приобрели московский *Апостол* 1564 г., а у И. Н. Мартынова из небольшого городка той же области — безвыходную Триодь постную.

О находках свердловских археографов много писали. Одну из таких статей — в журнале «Человек и закон» — прочитал Василий Иванович Бурундасов, живший в старом уральском заводском поселке. Прочитал и вспомнил о сундучке с книгами, доставшемся ему по наследству от бабушки. Написал письмо в Свердловск. Приехали археографы и нашли в сундучке Острожскую Библию Ивана Федорова...

В 1980 г. экспедиция Владимиро-Суздальского музея-заповедника отыскала в селе Митино на Владимирщине «Учительное Евангелие» 1569 г.

Сколько же книг Ивана Федорова известно сейчас? Мы приводили статистические сведения в третьей главе. Будет полезно суммировать их. По подсчетам, сделанным в 1983 г., когда отмечалось 400-летие со дня кончины первопечатника, было известно 61 экземпляр *Апостола* 1564 г., 6 — *Часовника* 1565 г., 44 — *Учительного Евангелия* 1569 г., 3 — *Псалтыри с Часословцем* 1570 г., 97 — *Апостола* 1574 г., 68 — *Псалтыри и Нового завета* 1580 г., 15 — «*Книжки собрание вещей нужнейших*» 1580 г., 1 — «Хронологии» Андрея Рымши 1581 г., не менее 300 — «Острожской Библии» 1581 г.

После 1983 г. были и новые находки. Нашли много. Обнаружили и второй экземпляр *Азбуки* 1574 г., но, к сожалению, не в нашей стране.

Были найдены и другие *Азбуки*, во многом загадочные.

Приключения Томаса Хотри

24 августа 1553 г. корабль английского мореплавателя Ричарда Ченслера «Эдуард — Благое Предприятие» бросил якорь в устье Северной Двины у монастыря Святого Николая. Англичане искали северо-восточный путь в Индию, а заплыли в Белое море. В ноябре, когда установился санный путь, морепроходцы отправились в Москву, где их радушно принял царь Иван IV.

Два года спустя корабли Ченслера снова появились в устье Северной Двины. На этот раз путешественник представлял торговую «Московскую компанию», созданную в Англии в феврале 1555 г. Среди купцов, отправившихся в Москву, был человек по имени Томас Хотри. Он остался в России и пробыл здесь до 1568 г.

Английские библиографы Джон Барникот и Джон Симмонс нашли подпись Хотри на русской *Азбуке*, которая еще в 1592 г. поступила в библиотеку колледжа «Тринити» в Кембридже. Ни времени, ни места издания в книге обозначено не было. Но так как в 1570 г. Хотри был уже в Англии, библиографы рассудили, что получить русскую книгу после этого времени он вроде бы и не мог.

Вместе с печатной *Азбукой* была переплетена и рукописная, а также польский букварь. Но и эти книги датированы не были.

На чистом листе в конце томика библиографы заметили список английских книг, которые Хотри оставил в Москве некоему Вильяму Смиту. Этот моряк вместе с Хотри упомянут в одном из документов 1568 г. Вел он беспокойную жизнь. В 1565—1566 гг. путешествовал в Персию, в 1572 г. торговал в Ярославле. В июне 1573 г. корабль Смита потопили казаки на Каспийском море. Но моряк уцелел и впоследствии стал капитаном судна «Габриель». На этом корабле он и погиб 30 августа 1577 г.

Джон Барникот и Джон Симмонс предположили, что кембриджский экземпляр *Азбуки* был напечатан до 1568 г., когда Хотри оставил Россию, или, по крайней мере, до 1577 г., когда погиб Смит.

До 1568 г. в Москве работала лишь Анонимная типография, напечатавшая 7 безвыходных изданий, и типография Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. В любом случае речь шла о первом русском учебнике, напечатанном еще до львовской *Азбуки* 1574 г. Состав этих двух учебников одинаков. Правомерно предположить, что и хранящуюся в Кембридже *Азбуку* печатал Иван Федоров — печатал еще в Москве.

Антонина Сергеевна Зернова с этим выводом не согласилась. «Не доказано, что Хотри не ездил в Россию после 1568 г., — утверждала она. — Не указано, совпадает ли почерк, которым написана фамилия Хотри, и список книг. Почему не допустить, что книга была подарена Хотри каким-нибудь другим путешественником, ездившим в Россию позднее?»

В 1958 г. А. С. Зернова опубликовала статью «Книги кирилловской печати, хранящиеся в зарубежных библиотеках и неизвестные в русской библиографии», где доказывала, что кембриджская «Азбука» напечатана не в Москве, а в Остроге и не Иваном Федоровым, а кем-то из его учеников. На это, по ее мнению, указывали заставки «острожского стиля», помещенные в книгу, и не-искусный набор, выдававший неумелого мастера.

Издание можно было бы датировать по водяным знакам. Но бумага, на которой напечатан кембриджский экземпляр, по сей день сколько-нибудь подробно не изучена. Так что вопрос о происхождении книги остается открытым.

И еще об одной *Азбуке*.

О ней стало известно в 1956 г. со слов датских библиотекарей, посетивших Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Экземпляр хранился в Королевской библиотеке в Копенгагене. Вскоре в Москву прислали снятый с него микрофильм.

По сравнению с *Азбукой* 1574 г. в копенгагенском экземпляре было важное дополнение — сказание черноризца Храбра об изобретении славянского алфавита великими болгарскими просветителями Кириллом и Мефодием. Выходные сведения в книге не сохранились. Ознакомившись со шрифтом и орнаментикой книги, А. С. Зернова предположила, что *Азбука* напечатана русским первопечатником в Остроге в 1580—1581 гг., вскоре после *Нового завета с Псалтырью* 1580 г., который считался первой острожской книгой.

«Второе издание Букваря Ивана Федорова» — так назывался доклад, прочитанный А. С. Зерновой в декабре 1958 г. на заседании Ученого совета Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, посвященном 375-летию со дня смерти первопечатника. «Второе» — после львовской *Азбуки* 1574 г.

Датируя копенгагенский экземпляр, Антонина Сергеевна ошиблась всего на два года. Это показала находка, сделанная в Германской Демократической Республике три года спустя.

В замке Фриденштайн

Куда только не раскидала судьба книги, которым дал жизнь великий русский первопечатник. Чтобы познакомиться с одной из них, я в 1968 г. поехал в ГДР — в старинный город Гота, торговый центр тюрингских ландграфов.

Это удивительно чистый и зеленый городок. Неподалеку от рыночной площади можно сесть на трамвай и за полчаса доехать к подножию горных вершин Тюрингского леса.

В центре города, посредине большого парка с вековыми дубами и кленами, стоит замок Фриденштайн, построенный в XVII в. для герцога Эрнста Благочестивого. В одном крыле замка — прославленная библиотека, в которой 9000 рукописей и свыше 1000 инкунабулов.

Меня встретил красивый и молодой доктор Гельмут Клаус, прекрасно знающий русский язык. Еще в начале 60-х гг. он обнаружил в библиотеке никому ранее не известное издание Ивана Федорова. Он принес книгу в раскрытых ладонях — так носят неоперившихся птенцов.

Я раскрыл небольшой томик, одетый в переплет из тонких досок, скрепленных кожаными корешком. Текст титульного листа, заключенного в рамку из наборного орнамента, гласил:

«Всесильною десницею вышняго бога, умыслением и промыслением благочестивого князя Константина Константиновича княжати Острожского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского повелевшу ему устроити дом на дело книг печатных. К тому же еще дом и детям к научению в своем отчизном и славном граде Остроже, еже есть лежащий в Земли Волынстей. И избравши мужей в божественном писании искусных, в греческом языке и в латинском, паче же в русском и пристави их детишному училищу. И сея ради вины напечатана сия книжка по греческия «Альфа вита», а по русскии «Аз буки» первого ради научения детского многогрешным Иоанном Федоровичем».

На обороте титула был изображен герб Константина Острожского. Выше стояла дата: «в лето от создания миру 6086, а от воплощения господа нашего Иисуса Христа 1578 месяца июня, 18 дня».

Это первое острожское издание, напечатанное за два года перед *Новым заветом*, который сам Иван Федоров почему-то называл «первым овощем» Острожской типографии.

Я держал в руках книгу, выпущенную почти 400 лет назад, а думал об «информационном взрыве», порожденном научно-технической революцией. Так ученые называли резкое увеличение во второй половине нашего века количества научных публикаций, выходящих в мире. Количество столь велико, что специалисты утверждают: проще начать исследование с «азов», чем искать опубликованную по этому вопросу литературу.

Не так уж много людей занимается историей славянского книгопечатания, особенно за пределами нашей страны. Некоторых я знаю лично — Петра Атанасова (он скончался в 1988 г.) и Лиду Драголову из Болгарии, Лазара Чурчича и Катарину Мано-Зиси из Югославии, Джона Симона Габриэля Симмонса из Великобритании, Эдварда Касинца из США, Людовика Демени из Румынии, Эстер Ойтози из Венгрии, Франтишку Соколову из Чехословакии... Мы регулярно переписываемся, сообщаем друг другу новости.

И надо же так случиться, что никто не заметил публикацию Гельмута Клауса, сделанную в 1961 г. Он составил каталог славянских книг библиотеки города Готы. На одной из страниц кратко описана *Азбука* 1578 г. В приложении воспроизведен титульный лист книги.

Отшумел в 1964 г. юбилей 400-летия русского книгопечатания, когда,

казалось бы, были подведены итоги всему тому, что писалось и говорилось об Иване Федорове на протяжении столетий. Вышли в свет популярные брошюры и капитальные монографии. В Москве и во Львове состоялись многолюдные научные конференции. Общее число публикаций об Иване Федорове в юбилейном году приблизилось к цифре 400.

Но ни один человек в том памятном году не назвал *Азбуку* 1578 г., сведения о которой были опубликованы за три года до юбилея.

Лишь в 1968 г. на страницах берлинского журнала «Цайтшрифт фюр Славистик» появилась статья немецкого филолога Гельмута Грассхофа и английского библиографа Джона Симмонса с предварительным описанием никому не известного издания Ивана Федорова. Год спустя Германская Академия наук факсимильно воспроизвела *Азбуку*, сопроводив публикацию комментарием Г. Грассхофа, Дж. Симмонса и Г. Клауса.

На первых листах книги вслед за титулом помещены параллельные греко-славянские тексты — пособие для учеников, приступающих к изучению греческого языка. Со 2-й тетради начиналась славянская азбука, полностью идентичная той, которая была найдена в Королевской библиотеке Копенгагена и которую Антонина Сергеевна Зернова датировала 1580—1581 гг.

На одном из листов *Азбуки* 1578 г. Г. Клаус нашел владельческую запись Элиаса Хуттера (1553 — около 1606), сделанную в 1583 г. Это был известный востоковед и полиглот; говорят, он знал чуть ли не все языки мира. В 1583 г. Хуттер жил в Дрездене при дворе саксонского курфюрста Августа, которому преподавал древнееврейский язык.

Клаус разыскал письмо словенского просветителя Адама Богорича к Хуттеру, датированное 31 июля 1583 г. Из письма следовало, что у Хуттера в ту пору уже была «русская или московитская Библия», которой интересовался Богорич. Это могла быть лишь «Острожская Библия» русского первопечатника.

Каким образом издания Ивана Федорова попали к Элиасу Хуттеру, Гельмут Клаус ответить не мог. Но он установил дальнейшую судьбу *Азбуки* 1578 г. В Нюрнберге, куда перебрался Хуттер, у него брал уроки арабского, еврейского и халдейского языков Даниэль Швентер (1585—1636), впоследствии известный филолог и математик. Он-то и стал вторым владельцем *Азбуки*. От него книга перешла к профессору Иоганну Эрнсту Герхарду (1621—1668), личную библиотеку которого приобрел Фридрих I, герцог Заксен-Гота-Альтенбургский, владелец замка Фриденштайн в Готе.

Любопытно, что *Азбука* 1578 г. побывала и в нашей стране. В 1945 г. замковая библиотека из Готы почти полностью была вывезена в Ленинград. 350 тысяч томов хранились в Библиотеке Академии наук СССР. Многие из пострадавших во время войны книг реставрировали. Но получилось так, что томик с *Азбукой* Ивана Федорова и здесь никто не раскрыл. В 1956 г. Советское правительство передало библиотеку Германской Демократической Республике, и книги снова встали на полки восточного крыла замка Фриденштайн. Проводя их инвентаризацию, Гельмут Клаус и нашел первое острожское издание.

После *Азбуки* 1578 г. новых изданий Ивана Федорова не находили. Кто знает, ждут ли нас еще новые открытия!

Нашлись, правда, 4 листка из этой *Азбуки* и где, в казалось бы, досконально изученных фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Летом 1984 г. в Отделе редких книг устроили субботник. В одном из старых шкафов обнаружили ворох отдельных листков из старопечатных изданий. Юрий Андреевич Лабынцев, рассматривавший их, неожиданно увидел хорошо известные ему шрифты Ивана Федорова. Когда-то эти 4 листка извлекли из рукописного конволюта и, видимо, чтобы определить, к какому изданию они принадлежат, передали в Отдел редких книг. А там за многочисленными текущими делами о них забыли.

Этот случай показывает, что и в крупнейших наших книгохранилищах возможны сенсационные находки.

«Отец Леонтий занедужил...»

Я люблю бродить по незнакомым городам... Идешь по улицам в ожидании чуда, которое скрывается где-то за поворотом. Таким чудом был для меня — да и остается — старый Львов.

Я впервые попал в этот город ранней осенью 1958 г. Осень здесь лучшее время года. Желтизна только-только тронула каштаны. Я взобрался на Замковую гору и с упоением дышал вечерней прохладой, в которой чудился горький привкус старины. Силуэт города разворачивался вокруг башни Латинского собора, который стоял и при Иване Федорове. А вот башню Корнякта — колокольню Успенской церкви — в те годы только начинали строить на улице, которая и теперь называется Русской.

Прямо под горой — Онуфриевский монастырь, где был похоронен первопечатник. Дверь в проеме надвратной церкви была забита. Я пробирался во двор монастыря кружным путем. Ходил вокруг церкви, рассматривал надгробные плиты, вмурованные в стены.

На другой день с раннего утра я отправился в архив. Я не обольщал себя надеждой найти новые документы об Иване Федорове. До меня здесь работали мастера своего дела — Станислав Львович Пташицкий, Фердинанд Бостель, Иван Петрович Крипъякевич...

И все же мне повезло. Я нашел запись о сходке львовских мещан, которые в мае 1579 г. пришли в монастырь Святого Онуфрия, чтобы сделать ревизию церковного имущества. Вещи показывал «отец Леонтий, служитель церкви Святого Онуфрия». Здесь же была составлена их подробная опись. Кроме крестов и кадилиц, риз и епитрахилей, перечислено и 30 книг. Одна из них привлекла мое внимание. Запись гласила: «Учительных Евангелий двое, едино писаное старое, а другое друкованное новое».

Единственным печатным *Учительным Евангелием* в 1579 г. было заблудовское издание Ивана Федорова, напечатанное за 10 лет пред тем. Не сам ли первопечатник подарил его Онуфриевскому монастырю?

Кроме различной утвари и книг, отец Леонтий в 1579 г. показал прихожанам и деньги — 80 золотых. О судьбе денег рассказывал другой документ. Он был составлен 10 августа 1588 г., когда прихожане снова собрались в монастыре.

«А была того причина,— сообщает документ,— отец Леонтий занедужил». В связи с этим прихожане решили проверить, в сохранности ли «монастырский скarb и... книги». Все оказалось в целости. Отсутствовали лишь 80 золотых. Деньги, сообщил Леонтий, он дал в долг Ивану Федорову. Когда это

случилось, в документе не сказано. Можно лишь утверждать, что после 1579 г., когда составлялась первая опись, и до 1583 г., когда Иван Федоров умер.

«И по смерти Ивана Друкаря,— свидетельствует акт 1588 г.,— узял отец Леонтий 40 *Апостолов* за тыи осемьдесят золотых и показал их нам у закрестий».

Поиски автографа

Заслуги Ивана Федорова перед русской культурой неоспоримы. Человек, подаривший нашей стране книгопечатание, сделал обыденным и привычным тот факт, что любое произведение письменности может быть размножено и распространено во многих тысячах экземпляров.

Мне всегда казалось странным и несправедливым, что ни одной строки, написанной этим замечательным человеком, не сохранилось. Редактор, издатель и типограф первых русских печатных книг не оставил потомству автографа, словно он был неграмотным. Может быть, отсюда и родилась версия, популярная в старом книгознании: будто Иван Федоров был лишь ремесленником, техническим исполнителем идей то ли митрополита Макария, то ли Ивана Васильевича Грозного.

Советская наука отказалась от этой точки зрения. Академик М. Н. Тихомиров показал, что Иван Федоров был общественным деятелем, чутко улавливавшим веяния и запросы эпохи. Известный наш искусствовед А. А. Сидоров выявил прекрасное мастерство первопечатника в области художественного оформления книги. Ташкентский филолог Г. И. Коляда установил, что Иван Федоров тщательно редактировал свои издания.

И все же автографа не было...

Казалось, что искать его надо во Львове. Здесь в архивных книгах сохранились многочисленные записи, сделанные в присутствии первопечатника: торговые сделки, доверенности, векселя... Увы, подписи Ивана Федорова на них не было.

А если поискать книги, подаренные типографом монастырям и церквям? На таких экземплярах должны были сохраниться вкладные — дарственные — записи.

Надо отыскать *Учительное Евангелие*, упомянутое в описи 1579 г., составленной при отце Леонтии, решил я. Книгу эту, скорее всего, подарил монастырю Иван Федоров.

Библиотека Онуфриевского монастыря частично находится в Львовской научной библиотеке имени В. Стефаника Академии наук УССР. Отделом редких книг библиотеки тогда руководил мягкий и доброжелательный человек Роман Ярославович Луцык.

Я написал Луцыку: «Буду крайне обязан, если сообщите, откуда поступили те экземпляры заблудовского «Учительного Евангелия» 1569 г., которые у Вас имеются».

Роман Ярославович ответил мне обстоятельным письмом. «История нашего экземпляра заблудовского *Евангелия* следующая,— писал он.— Первым известным владельцем книги был Степан Лаврисевич, или Лавришевич, состоятельный львовский мещанин, принадлежавший к семье, которая сыграла в истории нашего города некоторую роль. Отец или брат Степана — Павел,

член и старейшина Ставропигийского братства, был в составе делегации, высланной магистратом города Львова к Богдану Хмельницкому для переговоров во время осады Львова казаками в 1648 г. Сам Степан, тоже член и старейшина Ставропигийского братства, сыграл определенную роль в истории Львова несколько позже. Когда в 1672 г. турки осадили Львов и потребовали контрибуции в сумме 80 000 талеров, то магистрат города, не имея возможности такой большой суммы заплатить, принужден был дать победителям заложников. Одним из заложников был Степан Лаврисевич. Он пробыл в турецком плену около восьми лет и только тогда был выкуплен. Когда «Учительное Евангелие» было собственностью Лаврисевича, точно неизвестно. Впоследствии книга переходила из рук в руки. Владельцами ее были священник села Неслухова возле Львова Михаил, священник села Желтицы Иван, иеромонах монастыря «Прекрасная пустыня» в селе Горпине возле Львова Гедеон Левицкий. Далее книга попала в библиотеку Онуфриевского монастыря, а вместе с этой библиотекой — в Львовскую библиотеку Академии наук УССР».

О многом могут рассказать старопечатные книги!

Я с большим интересом прочитал письмо Р. Я. Луцыка, хотя рассказывалось в нем совсем не о том экземпляре «Учительного Евангелия», который я искал. В описи 1579 г. был упомянут другой экземпляр. Сохранился ли он, и если да, то где он находится сейчас?

В обители Раванице в земле Сербской

Еще Станислав Львович Пташицкий в 80-х гг. прошлого века нашел в львовских архивах загадочный документ. 22 октября 1579 г. «сербин» Иван из Сочавы, явившись в львовский суд, заявил, что он не имеет никаких претензий к Ивану Федорову в связи со спорами и денежными взаимоотношениями, которые у них были «в Валахии и в турецких землях».

Отталкиваясь от этого документа, книговеды посчитали возможным предположить, что в 1578—1579 гг. Иван Федоров путешествовал по Молдавскому княжеству и по Сербии, которая в ту пору находилась под турецким владычеством.

Никаких других доказательств в пользу этой гипотезы не было!

Стародавнее поверье гласит, что 1 апреля — в традиционный день веселых обманов и розыгрышей — подчас случаются необыкновенные происшествия.

1 апреля 1979 г. югославские историки книги Властимир Ерчич и Лазар Чурчич возили меня по монастырям Фрушской горы. Обители этой невысокой горы, неподалеку от города Нови-Сада, издавна славились своими библиотеками, которые — увы! — сильно пострадали в годы последней войны. В Крушедоле мне показали нарядный иконостас XVIII в., в Хопово — превосходные древние фрески. В Гртеге мы возложили цветы на могилу известного ученого Иллариона Рувараца, который много работал и в области истории книги.

Но вот мы во Врднике, где, как помнилось Лазару Чурчичу, он видел *Острожскую Библию*. Монастырь называют еще Раваницей — по имени известной сербской обители, стоявшей на реке Мораве и разрушенной в конце XVII в. Монахи тайно перенесли во Врдник драгоценности монастыря, и преж-

де всего останки прославленного военачальника князя Лазаря, взятого в плен турками в 1389 г. во время трагической битвы на Косовом поле и тогда же зверски убитого.

В библиотеке монастыря действительно нашлась *Острожская Библия*. Я раскрыл ее и увидел, что первых листов с предисловиями и вступительными статьями в ней не было. По нижнему краю листов узорной киноварной скорописью вилась надпись. Начало ее, к сожалению, не сохранилось. Запись читалась легко:

«В лето 6092 месяца декамбрия 1-го». Дальше лист был оборван, после чего сразу же шла дата по новому летосчислению — от «рождества Христова» — «1583 год». Дальше опять оборвано. Наконец я с волнением читаю слова: «...слуга его милости преславного и православного христолюбца князя Константина Константиновича нареченного Василия князя Острожского, воеводы Киевского, маршалка или старосты Волынского придах сию Библию... обители пречистого храма Вознесения Господня монастыря прозываемого Раваница в земли Сербской близ града Смедерево на реке Мораве близ Дунава».

Имя человека, подарившего книгу монастырю Раваница, не названо. Но слугой, или «служебником», князя Острожского архивные документы неоднократно называют Ивана Федорова.

Быть может, книга подарена самим первопечатником в бытность его в Сербии! Но запись сделана 1 декабря 1583 г. Пять дней спустя Иван Федоров скончался во Львове. Добраться из Сербии до Львова за пять дней он никак не мог.

Можно, однако, предположить, что в пору своей предсмертной болезни Иван Федоров решил подарить книги в монастыри, в которых он побывал и которые были ему особенно памяты. *Острожскую Библию* мог отвезти в Раваницу Иван из Сочавы. Если это так, то запись на книге может быть и автографом.

Категорически утверждать это я, конечно, не решаюсь. И все же находка очень важна, ибо она свидетельствует о прямых связях между Острожской типографией Ивана Федорова и сербскими землями.

В каком Остроге?

В октябре 1987 г. Душан Мартинович, директор Народной библиотеки Черногории, возил меня по черногорским монастырям. Голые, заснеженные хребты этой республики не сравнишь с зеленой, поросшей лесом Фрушской горой. Неприступные вершины и глубокие ущелья поражают своим величием. На отвесных скалах прилепились монастырские здания.

И в Черногории нашлись *Острожские Библии*. Два экземпляра я нашел в монастыре Успения Богородицы, называемом Пива — по реке, близ которой он стоит. На реке недавно построена гидроэлектростанция. Место, где стоял монастырь, оказалось под водой. Но перед затоплением храм, построенный в 1573—1586 гг., разобрали и перенесли вместе с окружающими его строениями на близлежащую гору.

На экземплярах *Острожской Библии* из Пива есть записи XVII—XVIII вв., особого интереса не представляющие.

А сейчас о другом черногорском монастыре, который называется ... Острог, как и та волынская резиденция князя Острожского, в которой напечатаны многие книги Ивана Федорова. Бывают интересные совпадения. Монастырь этот основал угодник, которого звали Василий Острожский. Василием звали и мцената-первопечатника, который, однако, заменил это данное ему при крещении имя на более звучное — Константин.

Черногорский Острог лежит высоко в горах, добраться до него трудно. Собственно говоря, это не один монастырь, а два — Нижний и Верхний. До Нижнего можно доехать на машине, а в Верхний, где покоятся мощи Василия Острожского, идут пешком, по горной тропинке. Там из стены сочится чудотворный родник, который, как утверждают, обладает лечебными свойствами.

В библиотеке Острога изданий Ивана Федорова нет. Вспомнил я о нем по следующей причине. В 1976 г. в одном из югославских научных журналов появилась статья некоего Степана Антоляка «Существовала ли в Остроге типография 1581 года?». Автор на этот вопрос отвечает положительно. В статье идет речь о черногорском монастыре, в котором, по его мнению, и была напечатана «Острожская Библия». Вот к каким курьезам приводит иногда поверхностное знание материалов!

Энергичный Джон Симмонс

«Друг русской книги» — так называлась статья советского историка книги и библиофила Олега Григорьевича Ласунского, опубликованная 30 мая 1975 г. в газете «Книжное обозрение». Статья была приурочена к 60-летию Джона Симона Габриэля Симмонса.

Имя это знакомо читателю. Мы упоминали его в связи с недатированной *Азбукой*, найденной в Кембридже, и в связи с *Азбукой* 1578 г., напечатанной Иваном Федоровым в Остроге. Одним из публикаторов и комментаторов острожской *Азбуки* был Джон Симмонс. В течение многих лет он исследует славянские фонды западноевропейских и американских библиотек.

Фонды эти изучены плохо. В библиотеках Западной Европы и Америки нет специалистов по старославянской книжности. Поэтому-то многие книги и остаются неопознанными.

В августе 1959 г. Джон Симмонс посетил Дублин, столицу Ирландии, и, конечно же, побывал в Библиотеке архиепископа Марша. Нарцисс Марш (1638—1713) был сыном мелкого фермера. Он окончил Оксфордский университет, стал священником и в дальнейшем не раз занимал высокие церковные должности. Круг интересов его был чрезвычайно широк. Марш занимался естественными науками, был неплохим математиком, работал в области востоковедения. В начале XVII в. он построил для своей обширной библиотеки красивое здание в центре Дублина, неподалеку от собора Святого Патрика, а вскоре открыл это книгохранилище для публики.

В Библиотеке архиепископа Марша Джон Симмонс отыскал 6 славянских старопечатных книг, которые, как он писал впоследствии, никто ни разу не снимал с полок с тех пор, как они были поставлены туда в начале XVII столетия. Три из них были изданиями Ивана Федорова — *Апостол* 1564 г., *Учительное Евангелие* 1569 г. и *Новый завет* 1580 г. Как эти книги попали к архиепископу Маршу, к сожалению, неизвестно.

КЪ СЛАВѢ ПОСЛАНИЕ ПАВЛА

Павелъ, * неслѣдѣнъ и тѣмъ дѣнъ,
цркви солдѣнъ, ѡбѣщѣнъ и гѣ
иѣхъ. блага дѣтъ вамъ и миръ
ѡбѣщѣнаша нашего, ісуса христа. благо
даримъ бга ѡбѣщѣхъ васъ, всегда
помянѣніе ваше творѣще во
мѣстахъ своихъ. непрестанно помянѣще
ваше дѣло и вѣрѣ и трѣдѣ, а не вѣже и терпѣ
ніи, и ѡповѣніе нага нашего ісуса христа прѣбѣмъ
и ѡцѣмъ нашимъ. вѣдѣще братіе во злѣ
блѣна, ѡбѣща и зѣрѣніе ваше, іако благобѣ
ѣствованіе наше небыѣтъ къ вамъ ѡбѣщѣно,
и не слѣдѣнъ и дѣломъ стѣмъ, и во и зѣщѣніи
мнозѣ, іакоже и вѣсте каковы быхъ
васъ, радѣхъ. конѣтъ, пѣл.
бы подобныи быѣте намъ, гнѣ прѣимше
слова бѣкоренныи, и радѣхъ и дѣла.

зѣ
ѣв
л

зѣ
ѣг

вѣо, кѣ, пѣл. братіе, бы подобныи намъ
быѣте

рѣл

А вот о происхождении экземпляра *Апостола* 1574 г., найденного Джоном Симмонсом в Королевском колледже Кембриджа, можно дать точные сведения. На страницах книги есть запись о том, что она была приобретена в Москве в 1575 г., через год после выхода в свет, сэром Джеромом Горсеем, неоднократно бывавшим в столице Русского государства в 1573—1591 г. Он встречался с Иваном Грозным, и царь подарил ему *Острожскую Библию*. Этот экземпляр также сохранился; сегодня с ним можно познакомиться в Британской библиотеке в Лондоне. Шесть других экземпляров *Острожской Библии* Симмонс отыскал в Кембридже и Оксфорде, еще один — в библиотеке университета Сент-Эндрю в Шотландии.

В Лондоне и Нью-Йорке Симмонс обнаружил экземпляры широкошрифтного *Евангелия* — одной из первых московских печатных книг. В библиотеках «Корпус Кристи колледж» (Кембридж) и «Сион колледж» (Лондон) он нашел экземпляры второго издания *Часовника*, напечатанного Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем в Москве в 1565 г. Читатель помнит, что книга эта очень редка.

Летом 1968 г. Симмонс проводил отпуск на острове Мальта и нашел здесь — в Королевской библиотеке — острожский *Новый завет* Ивана Федорова.

Псалтырь с Часословцем, напечатанная Иваном Федоровым в 1570 г. в Заблудове, была известна в двух экземплярах: один находился во Львове, другой — в Ленинграде. Самый полный из них — львовский — содержит 316 листов. В лондонской библиотеке «Ламбет Пэлис» Джон Симмонс увидел третий экземпляр, в котором было 370 листов.

Джон Симмонс много и плодотворно занимался историей русской литературы, на протяжении двух десятилетий рецензировал советские труды по истории книги и книжного дела на страницах английских журналов.

Этот маленький, очень подвижный человек с усиками и проникновенным взглядом поверх приспущенных очков неоднократно бывал в Москве. Выступая в 1964 г. на торжественном заседании Академии наук СССР по случаю 400-летия русского книгопечатания, Джон Симмонс говорил:

«При чествовании Ивана Федорова и Петра Мстиславца в связи с их книгой — *Апостолом* 1564 г. уместно сказать в Москве несколько слов и по-английски. Это ведь был родной язык тех английских моряков и купцов, которые после опасного плавания по северным морям осели в Москве как раз вовремя, чтобы не только быть свидетелями появления на свет *Апостола*, но и знать — к нашей зависти, — где и кем все эти таинственные анонимные издания были напечатаны. Это также был язык и тех моряков, которые во время второй мировой войны идя по следам своих предков шестнадцатого века, по тем же опасным рейсам, жертвовали своей жизнью, чтобы доставить припасы и помочь своим советским союзникам».

«Есть и другая причина, — продолжал он, — почему британский библиограф и любитель книги может чувствовать себя как дома на этом чествовании. Английские купцы шестнадцатого века опровергают ходячую легенду об одноязычном англичанине: ведь многие из них изучали русский язык и, несомненно, хорошо на нем говорили и писали. По возвращении домой они дарили свои буквари и книги библиотекам, и благодаря заботам библиотекарей эти книги сохранились, в то время как те, которые были на родине, часто зачитывались до дыр».

Это очень точное объяснение тому, почему *Азбуки* Ивана Федорова так и не удалось отыскать в наших библиотеках (кроме 4-листного фрагмента, найденного Ю. А. Лабынцевым). Книги попадали в детские руки. А дети во все времена были неаккуратными читателями. С другой стороны, именно эти малого объема издания проще было вывезти за границу любопытствующим путешественникам.

О. Г. Ласунский свою статью о Джоне Симмонсе закончил следующими словами: «Приятно сознавать, что на Британских островах есть человек, которого можно с полным правом назвать другом русской книги. Джон Симмонс в основание своей неутомимой деятельности положил благородный принцип: через книгу — к дружбе между людьми и народами. Принцип, достойный всяческой поддержки!»

Второй экземпляр львовской *Азбуки*

Весной 1984 г. я получил письмо от Джона Симмонса. «Я могу ныне сообщить Вам новости,— писал мой английский друг,— которые вынужден был хранить в секрете последние месяцы. В нашей стране нашли второй экземпляр *Азбуки* 1574 г. Он будет описан в журнале, который я надеюсь получить в середине мая. Как только я получу этот номер, я тотчас же пошлю его (или ксерографическую копию) Вам. Прошу лишь, до того, как Вы получите этот журнал, не говорить никому о новой находке. Такие условия поставила мне библиотека, которая ныне владеет этим томиком. В любом случае Вы — первый человек в СССР, который детально ознакомится с этим открытием».

Я честно выполнил условие, поставленное мне Джоном Симмонсом: никому не рассказывал об английской находке. Ровно месяц спустя я получил из Оксфорда бандероль с «Бритиш Лайбрани Джорнел» — «Журналом Британской библиотеки», в котором тут же отыскал статью Кристин Томас «Первые славянские буквари: Львов, 1574 и Москва, 1637». Прочел я ее не отрываясь.

В Британскую библиотеку поступил томик, рассказывала Томас, содержащий полный экземпляр львовской *Азбуки* Ивана Федорова, а также хорошо сохранившийся экземпляр второй московской *Азбуки*, напечатанной Василием Федоровичем Бурцевым в 1637 г. Откуда поступил, Томас к сожалению не сообщала. Зарубежные библиотеки нередко сохраняют в тайне источники своего комплектования.

Размер страниц томика — 140×95 мм. Это несколько меньше, чем формат гарвардского экземпляра: 157×100 мм. Книгу, видно, сильно обрезали, переплетая ее.

Никаких записей, рассказывающих о судьбе *Азбуки* Ивана Федорова, на ее страницах не сохранилось. А на переплетенной с ней вместе бурцевской *Азбуке* записи есть. Вот одна из них: «Сея книга Аз буки агленские земли Юрья Романова сына Гука в лето от создания мира 7148 (т. е. 1640 г. — Е. Н.) февраля 20 день. А с покорностью челом бьет Ивашка Иванов сын Гебдон».

Английский автограф Джорджа Гука с датой «1640» сохранился на листе с гравюрой, изображающей, как об этом свидетельствует надпись над ней — училище. Мы видим длинный стол, за которым с книгами в руках сидят ученики. На переднем плане учитель бьет розгой провинившегося школяра.

Это первая в истории русской графики ксилография светской тематики.

«Ивашка Иванов сын Гебдон», подаривший книгу,— это английский купец Джон Гебдон, который в 40—60-х гг. XVII в. неоднократно бывал в России и выполнял отдельные дипломатические поручения царя Алексея Михайловича. Умер он в Англии 10 июня 1670 г.

Меньше известно о Джордже Гуке, которому Гебдон подарил книгу. Гук был ювелиром и горным мастером.

Принадлежала ли Гуку также *Азбука* Ивана Федорова, неизвестно. Ничего не знаем мы и о том, кто в XVIII в. соединил обе книги под одним переплетом.

Новая находка ставит перед историками вопросы, которые еще предстоит разрешить.

«По стопам богоизбранного мужа»

В науке бывает и так: существует древнерусский текст, давно уже опубликованный и всем хорошо известный. Многие исследователи изучали и комментировали его. И вот неожиданно приходит человек, посмотревший на литературный памятник свежим взглядом и открывший в нем нечто такое, о чем никто и никогда не подозревал...

В послесловии Ивана Федорова к львовскому *Апостолу* 1574 г. есть слова, давно уже казавшиеся загадочными. Сказано так: «И когда вселшу ми ся в преименитом граде Львове, яко по стопам ходяще топтаным некоего богоизбранна мужа, начах глаголати в себе молитву сию». Далее идет сам текст молитвы.

Кого только не видели в этом «богоизбранном муже», «по стопам» которого шел первопечатник и примеру которого следовал,— неизвестного типографа, будто бы печатавшего во Львове до Ивана Федорова, белорусского просветителя Франциска Скорину, князя Андрея Михайловича Курбского и даже полумифического Ивана Смерда Половца, жившего во времена киевского князя Владимира.

В моей книге «Возникновение книгопечатания в Москве», изданной в 1964 г., я пытался решить спорный вопрос. Я посчитал, что загадочные слова относятся к старцу Артемию, страстному защитнику просвещения, которого обскуранты вынудили бежать из Москвы в Литовскую Русь.

А в другой работе — «Начало книгопечатания на Украине», вышедшей в 1974 г., я писал: «...по сей день наука не задавалась вопросом, оригинален ли текст молитвы Ивана Федорова или заимствован».

Вопросом этим задалась нидерландская славистка Кетъе Роземонд. Человек она не простой и занимается делом, редким для женщины. Роземонд — лютеранский пастор, но все свои досуги она посвящает древнерусской словесности.

«Послания» старца Артемия были изданы еще в 1878 г. в 4-м томе «Русской исторической библиотеки» — по списку из собрания В. М. Ундольского. Роземонд взяла это издание и положила рядом текст послесловия Ивана Федорова к *Апостолу* 1574 г.; текст этот в XIX—XX вв. перепечатывался неоднократно. Затем страница за страницей стала читать умные и экспрес-

сивные письма Артемия. И что же, текст молитвы из послесловия нашелся в послании, которое Артемий озаглавил «На люторы». Разночтения были несущественны, они имели преимущественно орфографический характер.

Открытие это позволило утверждать, что Иван Федоров и Артемий были знакомы, хорошо знали друг друга. Знакомство это, завязанное в Москве, было продолжено в Литовской Руси. Артемий жил при дворе князя Слуцкого — в Белоруссии, сравнительно недалеко от Заблудова, где работала типография Ивана Федорова. Впоследствии старец наезжал в Острог и оставался там длительное время. Еще в начале нынешнего столетия в библиотеке Киевской духовной академии был найден фрагмент одного из посланий Артемия, который в рукописи именовался так: «Книга Артемия, старца острожского, послание его к Симону Будному».

Будучи в Остроге, Артемий, вне всякого сомнения, принимал участие в подготовке к изданию *Острожской Библии*.

Вездесущий иезуит

Как-то пришел ко мне очередной пакет от Джона Симмонса. Я вскрыл его и обнаружил копию статьи из ватиканского журнала. Автор трактовал свою версию об отношениях князя Константина Острожского — покровителя Ивана Федорова — с римской курией.

Старые русские историки изображали князя Константина «ревнителем православия» и «защитником русской народности». Между тем деятельность князя не была однозначной. Он переписывался с Иваном Грозным и в то же самое время воевал против России. Именно в его замке был заключен брачный союз между Дмитрием Самозванцем и Марией Мнишек, союз, послуживший одним из оснований польской интервенции в Московское государство в начале XVII в.

Сам князь был православным, поддерживал Ивана Федорова, дал ему средства на издание *Острожской Библии*. Но сын его, Януш, был воспитан в католической вере. Одна дочь Константина Острожского вышла замуж за Криштофа Радзивилла, протестанта-кальвиниста, а другая — за Яна Кишку, покровителя «еретиков»-социниан.

С римской курией князь поддерживал наилучшие отношения. Он переписывался с папой Григорием XIII и с его доверенным послом-«легатом», членом католического иезуитского ордена Антонио Поссевино (1534—1611).

Поссевино был высокообразованным и, несомненно, талантливым человеком, сочетавшим широкую эрудицию, любовь к литературному труду с дипломатической деятельностью авантюристического толка. Уроженец Мантуи, он в 60-х гг. XVI в. преследует кальвинистов во Франции, затем мы встречаем его в Швеции, в Баварии, в Вене и, наконец, в Кракове. Мелькают города и страны, но цель остается прежней — упрочение власти римской курии, борьба с лютеранством, с другими «ересями».

Григорий XIII вызывает Поссевино в Рим и поручает ему нелегкую миссию — подготовить перемирие между Москвой и Польшей. В 1581 г. легат едет в Москву. 15 января 1582 г. было подписано десятилетнее перемирие. Второй раз Поссевино побывал в Москве год спустя. Но здесь его замыслы

потерпели неудачу. Иван Васильевич Грозный категорически отказался признать главенство папы над русской церковью.

О своих путешествиях Поссевино написал книгу. Она была издана в Вильне в 1586 г. Книга имела успех. В 1587 г. ее переиздали в Антверпене и Кельне, в 1596 г. — в Мантуе. Были и другие издания. Издательство Московского университета сравнительно недавно подготовило и выпустило в свет русский перевод.

Поссевино описал свой долгий путь в Москву — через глухие лесные края со множеством озер и болот. Москва его поразила. Это был большой город. Чтобы пройти его из конца в конец, нужно было сделать 9000 шагов. Легат рассказал о Кремле и о Китай-городе, о многочисленных лавках, стоявших здесь. Упомянул он и о типографии, работавшей в ту пору в Александровой слободе.

К типографиям у Поссевино был интерес особый. Он был убежден в необходимости проповедовать католицизм средствами печатного слова, для которого не существует ни границ, ни расстояний... Поссевино решил основать в Кракове типографию, которая бы печатала, как он писал, «книги на немецком языке для Пруссии, Ливонии, Трансильвании, на шведском — для Шведского королевства... на венгерском языке — для Венгрии и Трансильвании, а также на русском языке — для всей Руси и всей Московии».

13 января 1583 г. Поссевино просил кардинала Птоломео Галли прислать в Краков славянский шрифт, отлитый в Риме несколько лет назад искусным французским мастером Робером Гранжоном. Пока неспешная почта несла письма из Кракова в Рим и обратно, Поссевино познакомился с *Острожской Библией* Ивана Федорова, которую ему прислал князь Константин Константинович. Он сравнил шрифты замечательной книги и напечатанного в Риме *Катехизиса* — грубые, латинизированные — и понял, что русские, украинцы и белорусы книг, напечатанных римским шрифтом, не примут. Книги эти всегда будут для них чуждыми.

Поссевино решил обратиться за помощью и консультацией к князю Острожскому. Константин Константинович не замедлил с ответом. В июле 1583 г. он предложил Поссевино отправить в Рим специалиста-печатника и рисовальщика шрифтов, чтобы на месте помочь ватиканским мастерам создать новый славянский шрифт. О том же князь написал папскому послу в Польше Альберто Болоньетти.

В статье, которую прислал мне Джон Симмонс, цитировалось письмо Болоньетти от 20 июля 1583 г. кардиналу Птоломео Галли.

«Шесть дней назад,— писал посол,— с одним итальянцем, который поехал в Венецию, я послал Вашему Преосвященству русскую *Библию*, которую мне передал князь Константин Острожский. Князь просил меня дать знать монсеньору его мнение о том, что буквы русского шрифта этой книги сильно отличаются от обычно употребляемых в Риме. Князь предоставил в распоряжение Его Святейшества своего очень знающего типографа, чтобы оказать ему в этом деле посильную помощь... Преподобный отец Поссевино, который в этом частном деле, как и во всей своей деятельности по обращению схизматиков (так католики называли людей, придерживавшихся другого вероисповедания.— *Е. Н.*), проявил величайшую проницательность, сказал мне, что был бы рад узнать, кто именно этот типограф, которого князь предоставил в распоряжение папы».

Последняя фраза говорит о том, что Поссевино на этот раз обошли — Болоньетти перехватил инициативу.

Кто был тот типограф, которого князь Острожский направил в Рим? Нас интересует это не меньше, чем Поссевино. В письме идет речь об «очень знающем» книгопечатнике. Так можно было сказать лишь об Иване Федорове.

В июле 1583 г., когда Болоньетти писал письмо в Рим, первопечатник находился в Вене, на полдороге между Краковом и «вечным городом». Узнали об этом совсем недавно.

В тайном архиве саксонских курфюрстов

Зимой 1968 г. я получил письмо из Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. Меня просили написать рецензию на статью «Иван Федоров — пушечный мастер», которую прислал Влодзимеж Губицкий, профессор кафедры неорганической химии Университета имени М. Складовской-Кюри в Люблине.

О том, что Иван Федоров лил пушки, известно давно. Еще в 1881 г. польский археограф Адольф Павиньский опубликовал так называемые «подскарбинские книги», в которых тщательно регистрировались малейшие расходы польского короля Стефана Батория. В одной из записей шла речь о том, что «Ивану Федоровичу, печатнику Москвитину» было выплачено сначала 45 золотых, а затем 70 золотых и 50 динаров на литье малой пушки по образцам, которые имелись у львовского старосты. Было это в январе 1583 г.

Прочитав название ститьи В. Губицкого, я решил, что речь в ней пойдет об этом незначительном эпизоде жизни и деятельности русского первопечатника. Но из пакета выпали фотографии... Латынь. Четкий уверенный почерк. В конце документа подпись: "Joannes Fedorowicz Moschus Typographus Graecus et Sclavonicus", т. е.: «Иван Федорович Москвитин, типограф греческий и славянский».

Сердце у меня дрогнуло: вот он, долгожданный автограф первопечатника!

Из статьи я узнал, что ее автор В. Губицкий в 1964 г. работал в Дрездене, в бывшем тайном архиве саксонских курфюрстов. Здесь-то он и обнаружил совершенно случайно письмо Ивана Федорова, которое было написано в Вене 23 июля 1583 г.

Из письма, написанного по-латыни, явствовало, что весной или ранним летом 1583 г. Иван Федоров отправился из Львова в далекий путь — в Вену, ко двору императора Рудольфа II. Столь нелегкое по тем временам путешествие он затеял, чтобы представить императору, как он писал впоследствии, «способ практического использования изобретения, которого до сих пор никто из людей не ведал».

О самом изобретении в письме говорилось глухо — Иван Федоров не хотел полностью раскрывать карты. К тому же речь шла об открытии, которое должно было совершить революцию в военной технике. Ясно одно: первопечатник сконструировал и построил многоствольное орудие, своего рода «катюшу» XVI столетия. Отдельные части орудия были взаимозаменяемыми —

его можно было «разбирать на пятьдесят, сто и, даже, если потребуется, на двести частей».

Орудие хранилось в разобранном виде, а перед походом, когда государь собирался «разрушить или взять какую-нибудь крепость либо завоевать государство», его монтировали «за три дня и три ночи».

«На обратном пути после победы над врагом,— писал Иван Федоров,— можно такие пушки опять разобрать на части. Но если бы нужда была большая и неприятель очень теснил, то такого рода пушки за один день можно разобрать на части и разместить их отдельно. Кроме того, для подвоза и проверки такого орудия не требуется ни ящиков, ни повозок на колесах, укрепленных железом. Стало быть, можно легко привести в действие как на колесах, так и без колес».

Иван Федоров собрал небольшое такое орудие и привез в Вену, где продемонстрировал изобретение императору Рудольфу. По словам мастера, все «очень хвалили его», однако захотели узнать секрет без вознаграждения изобретателя. Ивану же Федорову необходимы были деньги для продолжения главного дела его жизни — издания славянских печатных книг.

Сведущие люди посоветовали ему обратиться к саксонскому курфюрсту Августу, известному любителю военной техники. Так было написано обнаруженное В. Губицким письмо. Почти четыреста лет оно пролежало в тайном архиве саксонских курфюрстов и никто ни разу не прочитал его.

Что было дальше, мы не знаем. Иван Федоров писал Августу, что может приехать в Дрезден и продемонстрировать ему изобретение.

Состоялась эта поездка или нет?

Тут я вспомнил об *Азбуке* 1578 г. и об *Острожской Библии*, которые летом 1583 г. попали к востоковеду Элиасу Хуттеру. Ученый в ту пору жил в Дрездене при дворе курфюрста Августа.

Не сам ли Иван Федоров подарил свои издания Хуттеру?

Здесь самое время вспомнить о переписке князя Константина Острожского с Поссевино и Болоньетти. Иван Федоров не мог одобрить заигрывания князя, на службе которого он состоял, с римским папой Григорием XIII. Патриот родного языка — первопечатник не стал бы поддерживать затею, целью которой были в конечном счете борьба с гуманизмом и просвещением, полонизация украинцев и белорусов, подчинение православной церкви Ватикану.

И все же первопечатник не решился отказаться от поручения Константина Острожского, он во многом зависел от князя. Да и денег на открытие собственной типографии не было. Поэтому Иван Федоров сказал князю, что поедет в Рим, решив по дороге заработать деньги для создания типографии. Для этого он вспомнил о давно уже известном ему пушечно-литейном ремесле.

До Рима типограф не доехал. Ни в Вене, ни в Дрездене денег ему достать не удалось. Он вернулся во Львов и здесь, как и ранее, в 1573 г., ему помогли простые люди. 80 золотых дал отец Леонтий. Были и другие пожертвования.

Но типограф неожиданно заболел и 5 декабря 1583 г. умер.

Дело его жизни — печатание славянских книг кирилловского шрифта — продолжили его ученики. А что стало со славным изобретением — с многостольным орудием?

Стозарядная пушка

В 1586 г. летописцы Московского государства занесли в свои рукописи событие чрезвычайной важности: «Повелением государя царя и великого князя Федора Ивановича всяя Руси слита пушка большая, такова в Руси и в иных землях не бывала, а имя ей Царь».

Это величайшее в мире артиллерийское орудие стоит сейчас в Московском Кремле. Многочисленные гости, посещающие столицу, в изумлении останавливаются перед ним. Всем замечательна царь-пушка: и своими размерами, и красотой отливки... Длина ее — 5,34 м, калибр — 890 мм, вес — почти 39 тысяч кг.

Поляк Самуил Маскевич, побывавший в Москве в 1611 г., рассказывает, что солдаты «влезали в это орудие человека по три и там играли в карты под запалом, который служил им вместо окна».

«Она может по справедливости считаться первым московским чудом», — говорил о царь-пушке историк и археолог прошлого века Корнилий Яковлевич Тромонин.

Дульная и казенная части пушки украшены ажурным, тонко исполненным рельефом. В солнечный день поверхность ствола играет яркими бликами. Глубокие, подернутые синевой тени подчеркивают рельефное литое изображение царя Федора Ивановича, едущего верхом в полном царском облачении, в короне и со скипетром в руках.

Мастер, сделавший царь-пушку, был талантливым инженером и не менее искусным художником. На стволе пушки отлита надпись, указывающая, что делал ее «пушечный литец» Андрей Чохов. Впервые это имя встречается в 1568 г. Последний раз — в начале 30-х гг. XVII в. Шестьдесят с лишним лет трудился Чохов во славу русского литейного искусства, шестьдесят с лишним лет лил пушки и колокола.

Кроме царь-пушки, Самуил Маскевич вспоминает и о другой московской диковинке. Удивляясь силе и мощи русской артиллерии, он писал о «бесчисленном множестве осадных и других огнестрельных орудий на башнях, на стенах, при воротах» Московского Кремля, Китай-города, Белого города. «Там, между прочим, — свидетельствует Маскевич, — я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечо, а пули его с гусиные яйца».

Многоствольное орудие! Уж не Иван ли Федоров создал его?

Чтобы проверить это, проще всего обратиться к архиву Пушкарского приказа. Изю дня в день приказные дьяки вели подробную летопись дел многочисленных пушечных и колокольных литцов, плавильщиков, горододельцев, колодезных и водовзводных мастеров. В толстых, переплетенных в кожу расходных книгах аккуратно регистрировалась каждая копейка.

Архив Пушкарского приказа хранился в старом здании арсенала Московского Кремля. В 1812 г., отступая из Москвы, французы пытались взорвать Кремль. Пострадал и арсенал. Взрывом разрушило угол здания. Стены осели, и в образовавшийся пролом хлынул бумажный поток древних документов.

Лишь небольшая часть архива была спасена для науки Павлом Михайловичем Строевым. Но и эти документы со временем разошлись по разным собраниям. Некоторые из них Строев оставил себе. После его смерти они попали

в Румянцевский музей и ныне хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Часть архива оказалась в собрании графа А. С. Уварова. В том самом, в котором отыскалось *Евангелие* с гравированной на меди заставкой Феодосия Изографа.

В 1951 г. я нашел в этом собрании исключительно интересный документ — донесение пушечных литцов Алексея Якимова, Михаила Иванова и Никифора Баранова. 7 сентября 1641 г. литцы осматривали «под навесом пищаль медяную, и в ней сто зарядов». В дни польского нашествия орудие было в деле, и многие «заряды» у нее засорились. Но и сейчас, отмечали литцы, «осталось у нее целых 40 зарядов и теми заряды стрелять мочно».

Это, бесспорно, то самое орудие, которое видел С. Маскевич.

Самым же замечательным в документе было то, что литцы назвали имя мастера и указали время изготовления «стозарядной пушки». Ее «делал пушечный и колокольный мастер Ондрей Чохов тому пятьдесят третий год».

Об этой находке я вспомнил, прочитав статью В. Губицкого. Стозарядная пушка Андрея Чохова представляет собой несомненную и весьма любопытную параллель к изобретению Ивана Федорова. Была она изготовлена в 1588 г. — через пять лет после демонстрации в Вене орудия Ивана Федорова.

Быть может, первопечатник как-то передал в Москву сведения о своем изобретении?

Герб первопечатника

Узнав о письме Ивана Федорова, я не мог удержаться от соблазна перелистать его собственными руками.

И вот я в Дрездене. Я перешел по мосту на северный берег Эльбы, где тогда еще были развалины. Вдали блестел на солнце золотой всадник — конный памятник курфюрсту Августу Сильному — тому самому, с которым встречался Петр I; встреча колоритно описана А. Н. Толстым. Посреди развалин одиноко высилось чудом уцелевшее здание архива.

Я шел с тайной надеждой отыскать ответ курфюрста Ивану Федорову. Но ничего не нашел. Само же письмо оказалось чрезвычайно интересным. Оно было сложено в несколько сгибов и припечатано — конвертов в ту пору не было. Печать сохранилась плохо, но я разобрал на ней знакомые очертания типографского знака Ивана Федорова. Знак был помещен под короной. Следовательно, это вовсе не издательская марка, как обычно считается, а герб...

Типографский знак впервые появился в львовских изданиях первопечатника. Мы видим его в *Апостоле* 1574 г., где вместе с гербом города Львова он составляет сложную геральдическую композицию. Знак воспроизведен также в *Азбуке* 1574 г. и в острожских изданиях — *Азбуке* 1578 г., *Псалтыри и Новом завете* 1580 г. и *Библии* 1581 г. Он был высечен и на могильной плите первопечатника.

На гербовом щите изображена лента, изогнутая в форме зеркального латинского «s». Лента рельефна, выпукла, о чем говорит штриховка у одного из ее краев, а также «гребень» рельефа, намеченный изогнутой линией. Сверху из ленты исходит стрела, наконечник которой составлен из разных по длине

Герб первопечатника.
Гравюра из *Нового завета*
1580 г.

отрезков. На поле размещены буквы. В одном из вариантов герба — ІфАН — имя первопечатника, а в другом — ІӨ — его инициалы.

Как только не толковали историки это изображение! Одни видели в нем параллели с известным издательским знаком венецианского типографа Альда Пия Мануция, на котором изображен якорь с обвивающим его дельфином. О знаке мог рассказать Ивану Федорову Максим Грек, который в молодости встречался с Альдом. Другие, вспомнив крылатую фразу древнерусского книжника: «Книги суть реки, напоющие вселенную», утверждали, что знак Ивана Федорова символизирует этот афоризм. Лента — это река, а помещенная сверху стрела символизирует просветительскую роль книги.

Некоторые говорили, что стрела вовсе не стрела, а типографский угольник, инструмент наборщика.

Лишь однажды типографским знаком Ивана Федорова занялся специалист по геральдике, науке о гербах — Владислав Крескентьевич Лукомский (1882—1946).

В 1935 г. он опубликовал статью «К вопросу о родопроисхождении Ивана Федорова». Вывод его был неожиданным: типографский знак — это шляхетский герб белорусского рода Рагоза. В геральдике он имеет специальное название — «Шренява». Объяснить, почему первопечатник взял этот герб, Лукомский не смог.

«Против этой гипотезы о принадлежности Ивана Федорова к роду Рагоза или Рагозиных, — писал он, — можно сделать, в сущности говоря, только одно, но и самое веское возражение — это указание на полное и непонятное отсутствие упоминания им самим о своем родовом прозвании на всем протяжении своей жизни».

Против фактов, приведенных В. К. Лукомским, возразить никто не мог. Но статью его просто игнорировали. В ученых кругах тихонько посмеивались: московский дьякон и вдруг — дворянин.

Была еще одна версия, выдвинутая Лукомским. В Польско-Литовском государстве до 1601 г. магнаты могли «приписать» к своему роду человека, если они были чем-то обязаны ему или хотели наградить его. Этот акт получил название адаптации.

Но кто и когда применил его к Ивану Федорову?

У его покровителей гетмана Григория Александровича Ходкевича и князя Константина Константиновича Острожского были совсем другие гербы.

Бакалавр Краковского университета

Трудами советских ученых канула в небытие версия о старательном, но простоватом дьяконе, который по указу царя Ивана IV и при содействии митрополита Макария основал первую типографию в Москве. Со временем выяснилось, что дьякон был высокообразован, знал греческий язык и латынь. Он был прекрасно знаком с западноевропейской книгой и гравюрой своего времени и черпал оттуда приемы художественного убранства. Он тщательно редактировал книги, которые готовил к печати, и при этом использовал греческие, латинские, немецкие, чешские тексты. Он свободно путешествовал по Европе: побывал в Вене, Кракове, возможно, и в Дрездене, посещал сербские монастыри. Он, наконец, переписывался с владетельными особами. Польский король Сигизмунд Август принимал Ивана Федорова «со всеми панами рады свояе». Первопечатник встречался с императором Священной Римской империи германской нации Рудольфом, с польским королем Стефаном Баторием, писал саксонскому курфюрсту Августу... Да и наиболее образованные люди эпохи — Симон Будный, Элиас Хуттер — знали его.

Не так уж прост был этот дьякон!

В 1968 г. я работал над книгой о начале славянского книгопечатания. Меня увлекла мысль: доказать, что первые славянские книги, напечатанные Швайпольтом Фиолем в 1491 г. в Кракове, — порождение гуманистической атмосферы польского Возрождения. Для этого нужно было выявить связи между Фиолем и гуманистами. С этой целью я просматривал так называемые «промоционные книги» Краковского университета. В них записывали имена лиц, удостоенных ученых степеней бакалавра или магистра. В 1849 г. эти книги издал польский историк Юзеф Мучковский.

Я нашел много имен, так или иначе связанных с деятельностью Фиоля. Но вот на страницах мелькнуло знакомое сочетание слов: "Joannes Theodorus Moscus". Иван Федоров Москвитин! Почти так же первопечатник подписался под письмом к саксонскому курфюрсту Августу.

Запись свидетельствовала о том, что в 1532 г., когда деканом был магистр Ян из Пиотркова, степени бакалавра в Кракове был удостоен Иван Федоров Москвитин.

Если это первопечатник, то сколько же ему лет было в те годы?

Молодые люди записывались в университет 15—18 лет от роду. Николай Коперник, например, стал студентом в 18 лет. Чтобы получить степень бакалавра, требовалось 2—3 года. Значит, бакалавр Краковского университета Иван Федоров Москвитин мог родиться около 1510 г.

Первопечатник Иван Федоров умер 5 декабря 1583 г.

Если допустить, что именно он учился в Кракове, в момент кончины ему было семьдесят с небольшим лет. Допущение вполне вероятное.

Однако голыми арифметическими прикидками в нашем случае ограничиться нельзя. Сложность состояла в том, что в публикации «промоционной книги» вслед за именем Ивана Федорова Москвитина в скобках было указано: «каноник из Красностава».

Красностав — небольшой городок на реке Вепш, ныне находящийся в Люблинском воеводстве Польской Республики. В 1490 г. сюда была перенесена резиденция Хелмского католического епископа. При епископе был

совет-капитул, членом которого состоял бакалавр Иван Федоров Москвитин.

Если это так, то это совсем не наш Иван Федоров! Ведь не мог же католический каноник стать впоследствии дьяконом церкви Николы Гостунского в Московском Кремле.

В «промоционных книгах» нашлись имена сыновей одного из покровителей Швайпольта Фиоля — Турзо. Старшего звали, как и отца, Яном. Вслед за записью о присвоении ему степени бакалавра в 1484 г. указано, что он был гнезненским схоластиком, каноником и епископом Вроцлава. Все эти звания известный гуманист приобрел значительно позднее. Кафедру епископа Вроцлава он получил лишь в 1506 г., через 22 года после внесения записи в «промоционные книги».

Значит, и приписки о дальнейшей судьбе воспитанников Краковского университета делались много позднее первоначальных записей. А в этом случае легко ошибиться!

Предположение подтвердилось. Статью мою «Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете», опубликованную в 1969 г. в журнале «Советское славяноведение», я послал Анне Левицкой-Каминьской — известному польскому историку книги, которая в ту пору заведовала Отделом инкунабулов Ягеллонской библиотеки в Кракове. В этой библиотеке хранились оригиналы «промоционных книг». Вскоре пришел ответ.

«Приписка «каноник из Красностава», — писала Левицкая-Каминьская, — дописана значительно позднее и, как это пан и сам предполагал, не имеет никакой связи с первой записью. К открытию пана можно прибавить еще одно — новое. В «Альбуме Студиозорум» в томе 2-м на странице 245 под годом 1529-м друкарь Иван фигурирует как «Иван Федоров из Питковичей».

«Альбум Студиозорум» — это книга, в которую записывались имена студентов при их поступлении в университет.

Правда, и в этом случае была сделана ошибка. Вслед за записью об Иване Федорове указано, что таинственные Питковичи находятся в Краковской епископии.

«Приписка эта позднейшая и снова ошибочная, — писала Левицкая-Каминьская, — так как в Краковской епископии нет и не было такого населенного пункта».

Я порадовался письму, а затем обложился географическими справочниками и стал искать Питковичи. Нашел три белорусские деревни с таким названием. Первая стояла в Вилейском повете на старой большой дороге из Минска в Вильну в 8-ми верстах от Радошковичей и в 57-ми верстах от Вилейки. Вторые Питковичи отыскились на реке Усе в Минском повете в безлесной холмистой местности близ местечка Койданова. Неподалеку — и третьи Питковичи — в Новогрудском повете на берегу реки Ишкольд.

Из тех же самых мест происходила шляхетская семья Рагозиных, пользовавшаяся гербом «Шренява».

Круг вроде бы замкнулся.

Но я, как в свое время В. К. Лукомский, могу сказать: «Против моей гипотезы можно сделать, в сущности говоря, только одно, но и самое веское возражение. Это — указание самого Ивана Федорова в рассказе о своем переезде в Литву — «Сия убо нас от земли и отчества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели».

Если Иван Федоров родился в Белоруссии и учился в Краковском университете, могли ли Великое княжество Литовское и Польша быть для него «неизвестными странами»? Да и уход из Москвы он трактует, как изгнание «от земли и отчества и от рода нашего»!

Правильность или ошибочность гипотезы предстоит доказать будущим историкам. По следам первопечатника, вне всякого сомнения, пойдут еще многие и многие ученые.

Вместо заключения

Во Львове и в его окрестностях в последние годы появилось много новых музеев. Говоря о них, нужно назвать имя Бориса Григорьевича Возницкого, директора Львовской картинной галереи. О его энтузиазме, о тысячах спасенных им памятников культуры рассказывают легенды.

Не раз и не два проходил Б. Г. Возницкий по улице Богдана Хмельницкого мимо заброшенного здания Онуфриевского монастыря. И каждый раз думал о том, что пора уже городу позаботиться об увековечении памяти русского и украинского первопечатника, умершего здесь.

Идея была поддержана обкомом Коммунистической партии Украины. Нашлись и энтузиасты-помощники, и среди них первая — Мария Борисовна Выдашенко. Ученые Аким Прохорович Запаско, Ярослав Дмитриевич Исаевич, Федор Филиппович Максименко помогли разработать экспозицию. Под руководством доктора исторических наук И. К. Свешникова организовали раскопки в здании монастыря. Надеялись отыскать надгробную плиту Ивана Федорова, но, к сожалению, не нашли. Стала собираться вокруг будущего музея молодежь — Игорь Мыцко, Софья Малец, Вера Фрис, Лариса Спасская... Начали ездить в археографические экспедиции, нашли в окрестных селах немало древних книг, и среди них даже узкошрифтное *Евангелие* — первую московскую печатную книгу.

В декабре 1977 г. Музей Ивана Федорова — первый в стране — был торжественно открыт.

Если будете во Львове, обязательно побывайте в нем. Вы поднимитесь с улицы Богдана Хмельницкого по небольшой лестнице к проему надвратной церкви-колокольни и вскоре попадете во двор, мощенный плитами. Слева от вас, на фоне Подзамчья, возвышается фигура первопечатника — центр скульптурной композиции Анатолия Галяна «Иван Федоров со своими помощниками».

Перед скульптурой — воссозданный современными мастерами надгробный камень со знакомой надписью: «Друкарь книг пред тым невиданных». Посетители музея приносят к камню цветы.

Ступени ведут в храм, фасад которого прорезан окнами с полукруглыми сводами. В стены церкви вмурованы древние надгробные плиты. На одной из них, найденной недавно, можно прочесть имя молдавского господаря Стефана Томши, казненного в 1564 г. во Львове. Плита эта была здесь и при Иване Федорове.

Внутреннее убранство скромно и лаконично. Экспозиции, которая была размещена в боковых притворах монастыря, здесь сейчас уже нет; в настоящее

Муляж надгробной плиты Ивана Федорова и часть посвященной первопечатнику скульптурной композиции во Львове.

время здание Онуфриевского монастыря возвращено греко-католической церкви. Но городские власти обещали передать музею другое здание. В новой экспозиции мы, надеюсь, увидим «Федоровину», многочисленные труды советских ученых, посвященные жизни и деятельности русского и украинского первопечатника. Труды эти — закономерный результат тех поисков и находок вдохновенных искателей, о которых шла речь на страницах нашей книги.

Из года в год наука накапливала материалы, наблюдения, факты. Таинственный, размытый временем образ первопечатника приобрел все более определенные очертания.

Ныне мы хорошо представляем себе человека, подарившего нашей стране книгопечатание. Патриот, гуманист, просветитель, ученый и педагог — таким был Иван Федоров!

Путешествие же к истокам русского книгопечатания продолжается. Впереди у ученых новые находки! Приглашаем читателей принять участие в этом путешествии!

Оглавление

Огромная сила	3
<i>Глава первая</i> , знакомящая читателя с книгой и с тем, как ее делали до возникновения первой типографии	5
<i>Глава вторая</i> , из которой читатель узнает, как и когда появилось книгопечатание и какими путями оно пришло на славянские земли	19
<i>Глава третья</i> , в которой читателю будет представлен великий просветитель Иван Федоров	46
<i>Глава четвертая</i> , в которой начинается путешествие к истокам книгопечатания	79
<i>Глава пятая</i> , в которой пойдет речь о том, что еще до <i>Апостола</i> 1564 г. в Москве выпускались печатные книги; на них, однако, не указано ни времени, ни места издания	102
<i>Глава шестая</i> , в которой читатель узнает не только о находках, сделанных в старинном городе Львове, но и о потерях, случившихся здесь же и — увы! — невосполнимых	120
<i>Глава седьмая</i> , в которой пойдет речь о библиотекарях и книголюбях, изучивших каждую буквочку в изданиях Ивана Федорова	139
<i>Глава восьмая</i> , рассказывающая о придумщиках и фальсификаторах, фантазия которых подчас не знает границ	154
<i>Глава девятая</i> , в которой рассказывается о художественном убранстве изданий Ивана Федорова	168
<i>Глава десятая</i> , повествующая об удивительных находках в отечественных и зарубежных книгохранилищах и архивах	191
Вместо заключения	221

Учебное издание

Немировский Евгений Львович

ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ РУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Зав. редакцией *Н. П. Семькин*. Редактор *Р. К. Лопина*. Младший редактор *И. Г. Антонова*.
Художественный редактор *Е. Л. Ссори́на*. Технические редакторы *С. В. Никулина*, *Н. Т. Рудникова*.
Корректор *С. В. Коверьянова*.

ИБ № 11836

Сдано в набор 16.01.90. Подписано к печати 17.12.90. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,38+0,29 форз. Усл. кр.-отт. 66,1.
Уч.-изд. л. 18,07+0,48 ф. Тираж 100 000 экз. Заказ 2389. Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

